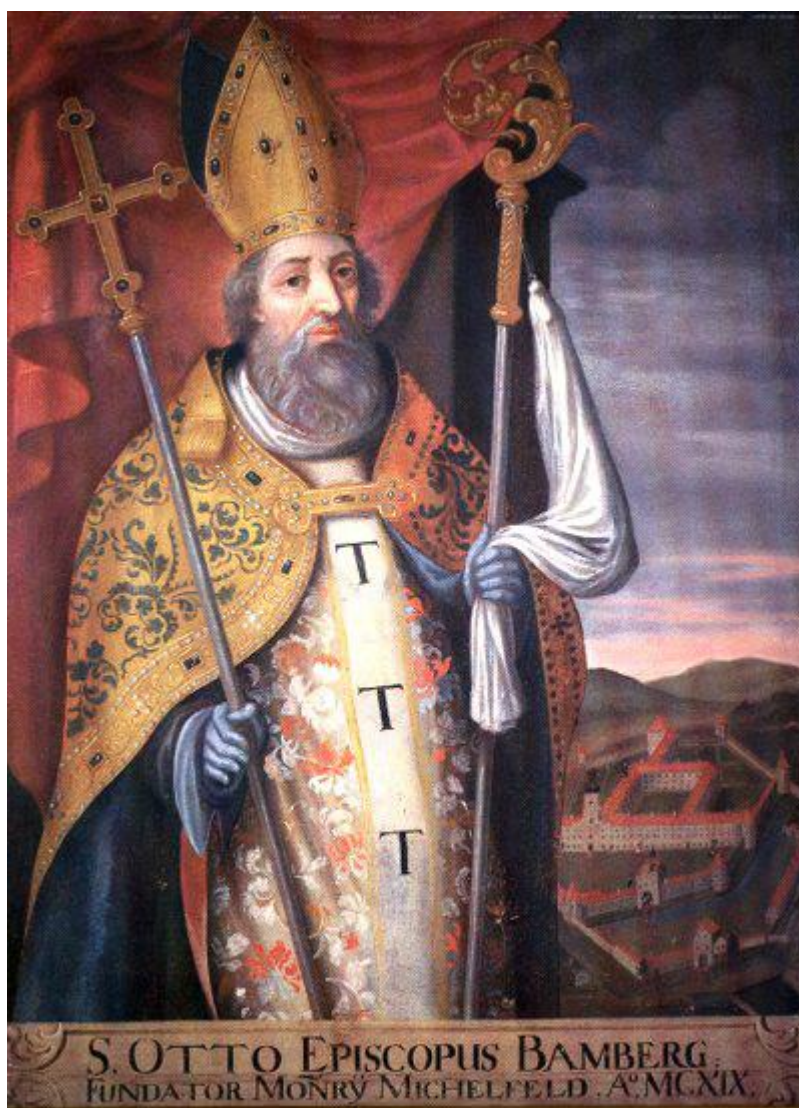

ЖИТИЕ СВ. ОТТОНА БАМБЕРГСКОГО

Эбон Бамбергский

Пер. с лат. по изд.: Ebonis Vita Ottonis episcopi Bambergensis, ed. Philipp Jaffé. Berolini: apud Weidmannos, 1869 (Bibliotheca Rerum Germanicarum)

В переводе Константина Чарухина

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всякое наше дело мы должны ограждать смирением, ибо, как свидетельствует блаженный Григорий, «Кто собирает добродетели без смирения, тот бросает пыль на ветер; и чем больше он мнит себя несущим, тем сильнее ослепляется» (св. Григорий Великий, *Гомилии на Евангелия*, 7, 4). Итак, приступая к описанию деяний благочестивейшего отца нашего Оттона, о коих я слышал из уст правдивого и боголюбезного иерея Ульриха, я прошу читателей, в чьи руки случайно попадет этот труд, не приписывать его моему высокомерию или безрассудству. Напротив, видит Бог, пусть знают они: побуждаемый одной лишь любовью и не в силах заставить свое сердце умолкнуть, я смиренно излагаю это ради наставления потомков.

Ибо чьё, даже каменное, сердце не пришло бы в сокрушение от столь пламенного устремления сего блаженного отца, с коим он, словно заботливейшая кормилица (ср. 1 Фес. 2:7), беспрестанно лелеял всех верных Христовых? Кто без слёз сможет вспомнить, как весь он, подобно серафиму, пылал, стремясь повсюду распространить благолепие богослужения; как всё, что только мог исторгнуть у мира, он спешил принести в дар слугам Божиим; как славу Христову он преумножил не только в германских землях, воздвигнув там множество киновий и странноприимных домов, но и в чужих, весьма отдаленных пределах варварских, где с дивным пылом благочестия вострубил в трубу Евангелия, за что и удостоился в наши дни звания апостола народа поморьянского? И чем более необычным кажется это в наши дни, тем сильнее надлежит нам ценить его подвиг и всяческими похвалами превозносить.

Итак, сперва откроем для ведома потомков имена наших древних отцов, коими было положено начало жительству на сем месте, а затем уже, при содействии благодати Святого Духа, поведем рассказ и о нашем Оттоне.

В год Господень 1015 гора Святого Михаила близ Бамберга стала обитаема, благодаря трудам отца аббата Ратона. Святой император Генрих II, устроитель этой епархии, и достопочтенная Кунигунда, горячо любимая матушка наша¹, поставили его во главе сей обители — как за благочестивое иноческое житие, коим он славился, так и за выдающуюся расторопность в делах мирских. В тот же самый год были заложены и фундаменты монастыря.

На второй же год настоятельства аббата Генриха был освящен и сам храм. Итак, когда отец Ратон вступил на путь всей плоти [в 1020 г.], его преемником стал светлой памяти аббат Генрих. Пред Богом он был мужем дивного благочестия и ведения, а в мирских делах отличался изрядным размахом и решительностью. Он устроил для нас аналой, пожертвовал два серебряных креста и добрую казулу шафранного цвета; да и множество иных благодеяний принес он сей обители.

На второй же год его настоятельства Эберхард, первый епископ Бамбергский, на тринадцатом году своего архиерейского служения освятил церковь Святого Михаила на Бамбергской горе в честь сего архангела и святого аббата Бенедикта. Случилось это в четвертый день перед ноябрьскими нонами [2 ноября], в четверг 1021 года от Воплощения Господня, в пятый индиктион, на двадцать первый год правления и девятый год императорской власти славнейшего государя и покровителя нашего, святого Генриха, при его личном присутствии и попечении. В этом освящении участвовало множество епископов, среди которых были Эрбон Майнцский, бывший архикапеллан святого императора Генриха, освятивший алтарь блаженного Мартина, и

Пилигрим Кёльнский, освятивший алтарь святого Петра, а также многие другие архипастыри.

После этого, когда второй аббат, Генрих, отошел ко Христу (ср. Флп. 1:23), пастырское попечение об обители принял отец Адельгельм [1066 г.]. Это он вернул нам некогда украденные жемчужинки. Сей муж был таким любителем богослужения и так стремился всегда находиться в хоре среди поющих псалмы, что даже если трудился в самом дальнем винограднике, то, едва заслышав колокол к вечерне или службе иного часа, со всей поспешностью и бодрым рвением устремлялся в храм. И ко всякой молитве он старался приходиться первым, а уходить последним.

Когда же сей благочестивый отец был призван в небесные обители, в том же году его преемником стал отец Роберт. Он сложил с себя обязанности настоятеля еще при жизни, ибо управлял множеством других аббатств. Вслед за ним в том же году был поставлен светлой памяти Эггиберт. Он также оставил настоятельство еще при жизни, поскольку имел попечение о многих других монастырях [1071 г.]. Он покоится в Шварцахском монастыре, и гробница его прославлена чудесами. Ему наследовал левит² Утон. Затем, на следующий год, во главе сей обители был поставлен аббат Виллон [1083 г.]. А когда он был взят от сей жизни, его преемником стал диакон Тьемон [1085 г.].

А когда и он был унесён внезапной смертью, управление сей обителью принял Гумбольд Регенсбургский, призванный сюда из монастыря блаженного Эммерама [1094 г.]. В ту пору правила иноческого жития у нас пришли в изрядный упадок; однако по предваряющей милости Божией, щедродательно нам уделенной, с приходом владыки и кормильца нашего, благочестивейшего епископа Оттона, всё было предостойно восстановлено.

Итак, посмотрим теперь, откуда же явился сей великий светильник Церкви и в верном повествовании откроем, каким путем взошел он на вершину святительского служения.

---

¹ Речь идет об императоре Священной Римской империи Генрихе II Святом (ок. 973 — 1024 гг.). Именно Генрих II в 1007 году основал Бамбергское епископство, щедро одарил его землями и привилегиями, сделав своим любимым детищем. Упомянутая рядом с ним «достопочтенная Кунигунда» — это его супруга, императрица Кунигунда Люксембургская. По преданию, они жили в так называемом «белом браке» (сохраняя девство). Оба они прославлены Католической церковью в лике святых: Генрих был канонизирован в 1146 г., а Кунигунда — в 1200 г.. Они оба покоятся в Бамбергском кафедральном соборе.

² В данном случае латинское слово *levita* (левит) означает диакона. В средневековой церковной традиции христианскую священную иерархию часто уподобляли ветхозаветной. Епископов сравнивали с первосвященниками, пресвитеров (иереев) — со священниками, а диаконов, чье служение состояло в помощи при алтаре, традиционно называли левитами. Автор Жития использует это слово для стилистического разнообразия и придания тексту более возвышенного звучания. Ниже сказано, что еще одним преемником стал *Tieto diaconus* (диакон Тьемон). По сути, и Утон, и Тьемон до своего избрания настоятелями находились в диаконском сане.

КНИГА ПЕРВАЯ

1.

Итак, блаженный Оттон происходил из алеманского края. По плоти он родился от благородного корня и свободных родителей: отца по имени Оттон и матери, звавшейся Адельгейда. Оба они, стараясь жить в простоте и кротости, никому не причиняли ни насилия, ни притеснений, а сверх того, предаваясь делам благочестия и раздаче милостыни, по мановению Божию сподобились родить на утешение Церкви сего прекрасного сына.

Миновали годы нежного младенчества, и мальчик был обучен грамоте. Едва достигнув сознательного возраста, он дивным образом начал преизобиловать *духом премудрости и разума* (ср. Ис. 11:2). К тому же, благодаря степенности нрава и сиянию скромности в его облике, он всем был приятен и всеми почитаем.

В те дни случилось так, что родная сестра императора Генриха IV по имени Юдифь сочеталась браком с польским князем Владиславом [I Германом]. Будучи её преданнейшим капелланом, Оттон последовал за ней в Польшу. Там он за короткое время овладел языком этого народа и, ревностно служа своей госпоже, поступал во всем столь благоразумно, что сделался весьма великим и именитым человеком в том краю. А знатные и могущественные люди той земли соревновались за честь отдать ему своих сыновей на обучение. И так как Господь направлял все его дела, он стяжал немалое богатство в золоте и серебре.

Ибо богатства, приобретенные благодаря своей мудрости и верности, он тратил отнюдь не на потехи и пустые мирские соблазны; напротив, как муж благоразумный и рассудительный (ср. Вульг. Притч. 16:21), умел беречь свое достояние. К тому же госпожа Юдифь, в чьем близком окружении он безотлучно находился, часто отправляла с ним различные велелепные дары своему родному брату, императору, ибо среди всех своих слуг не находила никого, кто превосходил бы его верностью и добрым нравом. И это посольское служение он исполнял со столь великим достоинством и осмотрительностью, что даже у самого государя вызывал искреннее восхищение.

2.

Довольно часто проезжая через Вюльцбургский монастырь, он встречал там почтительный прием у благочестивого местного аббата по имени Генрих, который неизменно оказывал ему должное гостеприимство как мужу весьма важному. Будучи человеком чутким, Оттон не забыл этой благосклонности. Прослышав же, что братия терпит там великую нехватку пропитания, он, будучи всецело исполнен глубокого милосердия и любви, искренне соболезновал их нужде. И поскольку «любовь совершает великие дела, если только она есть; если же она отказывается действовать, то это и не любовь вовсе» (Григорий Великий, *Гомилии на Евангелия*, 30, 2), Оттон из дарованных ему Богом богатств выстроил там странноприимный дом для паломников.

Этот первый дар своего благочестия он принес Христу из сокровищницы доброй воли. Так доброе дерево, коему предстоит принести обильный плод (ср. Мф. 7:17), прорывается цветом. словно первые плоды своего поля, он принес сей дар к алтарю Истинного Священника (ср. Исх. 23:19; Евр. 8:1–2), дабы получить во сто крат в веке нынешнем, а в

грядущем наследовать жизнь вечную (ср. Мк. 10:30; Мф. 19:29). Поистине благое начало, за коим последовал превосходный итог!

3.

Итак, после кончины достопочтенной госпожи Юдифи он возвратился в германские земли и прибыл в Регенсбург. Там, присоединившись к местным каноникам в служении Христу, он благодаря скромности своего почтенного облика и похвальному правилу жизни стал для всех предметом искренней любви и образцом для подражания (ср. 1 Тим. 4:12).

В ту пору аббатиса тамошнего Нижнего монастыря [Нидермюнстер] пользовалась великой славой: будучи племянницей императора Генриха, она почиталась ревнительницей добродетели. Заметив благородство его облика и нрава и наслышавшись о нем как о муже великого разума, она без промедления призвала Оттона к себе и, словно второго Иосифа (ср. Быт. 39:4; Быт. 41:40), поставила его распорядителем своего достояния и всей обители. Он же с присущей ему степенностью и усердием с искренней преданностью всем этим управлял.

Тем временем император Генрих, намереваясь отпраздновать в Регенсбурге один из главных праздников, навестил племянницу свою аббатису. Увидев у неё в услужении мужа столь великого достоинства и почтенности, он подивился, наслаждаясь его чутким обхождением. Обратившись к родственнице, государь сказал: «Сестра моя, в сей праздник все доставляют утешение своим близким; уместно и тебе ради уз кровного родства оказать мне какую-нибудь братолюбивую услугу».

Она же со смирением отвечала: «Повелевай, государь мой, чего изволишь, ибо не пристало мне отвращать лица твоего» (ср. 3 Цар. 2:16, 20). Император продолжил: «Ни о чем ином не прошу, как только отдать мне твоего капеллана, отца Оттона, мужа, исполненного духа премудрости (ср. Втор. 34:9). Ибо державе нашей зело надобен такой человек». Услышав это, настоятельница, хотя ей и было тяжело расставаться со своим вернейшим наперсником, всё же не посмела воспротивиться воле императорского величества. Призвав Оттона к себе, она воздала ему должную благодарность за его служение и не без слез, свидетельствовавших о её нежной любви, отпустила его к государю.

Итак, оказавшись по мановению Божию при королевском дворе, сей муж, преисполненный усердия и благочестия, благородством своего нрава и верностью столь привязал к себе благоразумнейшего императора, что тот, возлюбив его словно единственного сына, поставил его ближайшим тайным советником и хранителем своей жизни на все дни (ср. Вулг. 1 Цар. 28:2). Ибо он сделал его своим канцлером и вверил его верности все самые ценные и дорогие сокровища, какие только имел во дворце [ок. 1102 г.]. Так раб Божий Ульрих повествовал о прибытии благочестивого Оттона к королевскому двору.

Однако другие сказывают иначе: обучившись свободным наукам, он сперва прибыл к Генриху, аббату Вюльцбургской обители; а вскоре сей Генрих по мановению Божию взошел на вершину архиепископского служения в Польше. Свидетельствуют, что Оттон пребывал у него в преданнейшем служении и вскоре благодаря дивному усердию и мудрости прославился во всем том крае, так что и сам архиепископ, и достопочтенная Юдифь представили его императорскому двору.

4.

В ту пору преславный император Генрих с поистине царским величием воздвигал великое и дивное здание Шпайерского собора в честь Приснодевы Марии, Коей он был преданным почитателем. Однако мастера, надзиравшие за работами, поступая коварно и без страха Божия, тратили огромные суммы денег на собственные нужды; оттого на столь чудесную постройку денег часто недоставало. Узнав об этом, государь, немало опечалившись, по зрелом размышлении призвал своего приближенного советника Оттона и поручил ему руководство над всеми работами, ибо мудрость его, изведенная всеми, годилась для управления делами куда более великими и трудными.

Оттон же, проникательно и предусмотрительно взявшись за порученное дело, — ведь он памятовал апостольскую заповедь о том, что земным господам надлежит служить так же, как Самому Господу (ср. Еф. 6:5), — часто возвращался к королевскому двору и честно отдавал императору те деньги, что оставались от выделенных на строительство средств. Сверх того в знак изобретательного усердия своего он представлял на рассмотрение государю точные и благоразумно рассчитанные им самим размеры церковных окон.

Благодаря столь чистосердечной и непоколебимой верности долгу он сделался столь любезен не только королю, но и всем вельможам, что они воздавали благодарение Богу за то, что им довелось узнать его. Ибо умственную сметливость Оттона отражал и облик его внешнего человека (ср. 2 Кор. 4:16); так что всякий благоразумный по одному только его виду мог проникательным умом уразуметь, какое будущее ему уготовано.

5.

Дабы привести один пример из многих, некий почтенный муж из города Шпайера по имени Ансельм, славный не столько богатством, сколько благочестием и мудростью, радушно принял у себя сего раба Христова (ср. Флп. 1:1), когда тот еще пребывал в бедности и не был призван к королевскому двору. Вскоре, очарованный благородством его почтенного облика и пристально вглядываясь в его лицо, Ансельм проникательным умом предузнал ту великую благодать, коей предстояло снизойти на Оттона с небес.

Объявив об этом всем домочадцам под торжественной клятвой, Ансельм повелел им во всем повиноваться Оттону так же, как ему самому. Затем, встретившись с ним наедине и передав ему за руку единственного своего сына по имени Рихард, молвил: «Вижу, сударь, что по щедрости Божией будете вы в будущем велики пред Богом и людьми (ср. Лк. 1:15; Лк. 2:52). Ибо воистину сотворит вам Бог имя великое, подобное именам великих на земле (ср. 2 Цар. 7:9). Посему прошу вас: когда сбудутся эти слова мои, помяните службу мою и сотворите милость и правду сыну моему Рихарду (ср. Быт. 24:49; Быт. 47:29), и не отводите от него длани отеческого утешения».

Улыбнувшись, Оттон ответил: «Кто я и что я, и может ли быть во мне что-то великое? Однако если Всевышний Господь, Который *призирает на смиренного и высокого узнает издали* (ср. Вулг. Пс. 137:6), соблаговолит возвысить ничтожество мое, то да не будет на мне пред Господом греха сего — предать забвению доброту и человеколюбие, мне вами оказанные. Ибо написано: *милостьня человека — как печать у Него, и благодеяние человека Он сохранит* (ср. Сир. 17:18). Посему подобает и мне хранить благодарность за милость и милосердие, что я обрел в этом доме». Впоследствии он добросовестно исполнил это обещание, ибо, став епископом, принял Рихарда к себе в челядь слугою и всегда окружал его особенной любовью.

6.

Но возвращусь к тому, от чего я отступил. Император Генрих, познав верность и благоразумие благочестивого Оттона, как-то раз тайно обратился к нему и спросил, умеет ли он петь Псалтирь по памяти. И когда тот ответил: «Да», обрадованный государь повелел ему сесть подле себя. Удалив прочих, он предавался вместе с ним псалмопению всякий раз, когда оказывался свободен от дел. Ибо император был настолько сведущ в грамоте, что мог самостоятельно читать и понимать письма, от кого бы они ему ни приходили¹.

Книга же, по которой государь пел псалмы, от частого прикосновения рук истерлась и весьма потемнела. Заметив это, благочестивый Оттон в отсутствие императора снял с книги старую обложку, купил новую кожу и, благолепно переплел книгу, положил на прежнее место. Вскоре император возвратился и, не зная о случившемся, стал спрашивать свою Псалтирь у спальников.

Спальники в суете сбились с ног, разыскивая книгу. Она лежала у всех на виду, но, поскольку вместо старой обложки ее украшал новый переплет, оставалась неузнанной; так что сколько бы ни бегали туда и сюда, ничего не могли найти. Наконец государь, побуждаемый Божественным внушением, велел: «А позовите-ка моего Оттона и расспросите его». Когда тот предстал перед ним, император задал ему вопрос о Псалтири. Оттон же, поспешно подняв книгу, лежавшую прямо перед государем, сказал: «Вот же; она была у всех на виду, на том самом месте, куда её всегда и клали».

Изумленный император спросил: «Кто же обновил эту книгу столь блестящим переплетом?» Оттон ответил: «Я, государь». Услышав это, император, нежно обняв его за шею и осыпав поцелуями, воскликнул: «Жив Господь! (ср. 1 Цар. 14:39). Как ты в ряду прочих свидетельств своего усердия украсил мою Псалтирь новым переплетом, избавив её от ветхой обложки, так и я совлеку с тебя тунику бедности и возвышу тебя вершиной нового сана!»

С тех пор государь стал искать удобного случая, дабы возвысить его и увенчать епископской митрой. А вскоре к королевскому двору доставили кольцо и пастырский жезл епископа Бременского [умершего в 1101 г.].

---

¹ Это уточнение автора — не просто «заполнитель» текста, оно имеет важное историческое и идеологическое значение для средневекового читателя. Грамотность (*litteratus*) среди мирян, даже высшего ранга, не была повсеместной. Многие правители зависели от своих капелланов или канцлеров, которые читали им письма и, по сути, фильтровали информацию. Уточнение «от кого бы то ни было» (*a quibuslibet*) подчеркивает, что император Генрих был полностью автономен: он мог сам прочитать и тайное дипломатическое послание, и жалобу простого человека, не опасаясь, что посредники что-то исказят или утаят. Фраза подразумевает, что император понимал разные стили письма: от возвышенной латыни папской курии до более простых или специфических диалектов. Это возвышает его образ как «мудрого правителя», который стоит выше своих подданных не только по праву меча, но и по праву ума. Это прояснение важно для дальнейшего повествования. Оно показывает, что император приблизил к себе Оттона не потому, что ему нужны были грамотей для чтения почты, а потому, что он искал достойного и столь же образованного собеседника для духовных упражнений.

7.

В ту пору Церковь еще не обладала свободой избрания, каковую она обрела впоследствии при Генрихе V благодаря посредничеству блаженной памяти папы Каликста¹. Но когда какой-либо архиерей вступал на путь всякой плоти (ср. Нав. 23:14; 3 Цар. 2:2), градоначальники того города тотчас отсылали его кольцо и пастырский жезл во дворец; и тогда королевская власть, посоветовавшись с придворными, поставляла осиротевшей пастве подходящего предстоятеля. Итак, когда, как уже было сказано, пастырский жезл и кольцо Бременского епископа доставили императору, государь немедля призвал к себе горячо возлюбленного своего Оттона и передал ему эти святыни на сохранение.

Спустя же несколько дней кольцо и пастырский жезл Руперта, епископа Бамбергского [ум. 1102 г.], также были пересланы государю императору. Прослышав об этом, к королевскому двору устремилось множество знатных мужей, выдающихся как своей ученостью, так и богатством, которые пытались за немалую цену приобрести себе Бамбергскую кафедру. Император же, радуясь, что наконец-то нашел желанный случай возвысить своего ближайшего наперсника Оттона, хитрой двусмысленностью своих ответов оставил в полной неопределенности всех тех, кто хлопотал о получении упомянутого епископства.

И вот случилось так, что однажды в сумерках, выходя из королевского дворца и ненадолго задержавшись на пороге, государь услышал, как некие отроки, наделенные природной сметливостью, перешептывались между собой: «Нехорошо поступает император, намереваясь продать за деньги достославную Бамбергскую кафедру. Отчего бы ему не отдать ее своему верному Оттону? Ведь вид у него ангельский, почтенный облик, благочестивый нрав, исключительное красноречие, а также удивительное благоразумие и великодушие. Именно ему, столь украшенному всяческим благочестием и усердием, и подобает быть пастырем народа».

Услышав это, император возрадовался; и, вспомнив пророческий стих из восьмого псалма: *из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу* (ср. Пс. 8:3; Мф. 21:16), он воздал благодарение Богу, видя в этих словах подтверждение своей воли. И неудивительно, что даже малые дети превозносили его подобными похвалами. Ибо в ту пору, как и впоследствии, Оттон отличался такой благостью и любовью ко всем, что среди его челяди не нашлось бы никого, кто не любил бы его от всего сердца и не провозглашал бы истинным рабом Божиим.

Вместе с тем скромность облика и непререкаемая сила его благочестия столь ярко выделяли его, что никто в его присутствии не смел ни словом высказать, ни делом учинить что-либо непристойное или смехотворное. Напротив, стоило ему лишь вступить на королевский двор, как все тотчас же одним махом стирали в себе всякий след прежнего легкомыслия, становясь гораздо серьезнее.

Император же направил почтенных послов к клиру и народу Бамбергскому, возвещая, что приискал для них пастыря подходящего и *избранного из тысяч* (ср. Вульг. Песн. 5:10), и с отеческой мягкостью повелел градоначальникам явиться к нему в Майнц на Рождество Господне. Бамбергцы весьма обрадовались этой вести. Тотчас же препозит² Эгильберт и декан³ Адельберт, а вместе с ними и светлой памяти Эберхард, бывший тогда препозитом церкви Святого Иакова, а впоследствии — кафедрального собора, взяв с собой старейшин и знатнейших горожан, в назначенное время предстали пред императором в Майнце.

---

¹ *Вормсский конкордат (1122 г.) подвёл черту под долгой борьбой за право инвеституры. Соглашение было заключено между императором Генрихом V и папой Каликстом II. Согласно конкордату, император отказывался от права инвеституры кольцом и посохом (символами духовной власти). Выборы епископов должны были проходить свободно, по церковным законам (каноническое избрание). Император сохранял право присутствовать при выборах и передавать епископу светские владения (скипетром). Автор Жития пишет свой труд уже после 1122 года. Описывая события времён молодости Оттона (около 1101 г.), он подчёркивает, что тогда в Церкви ещё действовал «старый порядок».*

² *Препозит (лат. praepositus) — глава кафедрального капитула, высшее лицо в самом капитуле. Препозит отвечал за внешние связи, администрирование обширных земельных владений капитула и решение юридических или финансовых вопросов. Именно поэтому Эгильберт возглавляет делегацию к императору — как официальный представитель бамбергского духовенства.*

³ *Декан (лат. decanus) — второе по значимости лицо в капитуле. Если препозит занимался «внешней политикой» и экономикой, то декан руководил всей внутренней жизнью собора. Он отвечал за дисциплину каноников, строгое соблюдение устава, организацию богослужений и повседневный порядок в общине.*

8.

Тем временем клир и народ Бамберга, уже долгое время лишенный епископского благословения, ни на миг не прекращал молитв. Собравшись в едином благочестивом порыве в ближайшее к Рождеству Господню воскресенье, [21 декабря], они торжественным крестным ходом со святыми мощами поднялись на гору блаженного архангела Михаила. Там, совершая торжественную мессу со сладостнейшим сердечным сокрушением, они умоляли Божественное милосердие, дабы Господь, умиловившись над ними предстательством высшего служителя Своего престола, который всегда приходит на помощь народу Божию (ср. Дан. 10:13), соизволил даровать им угодного Себе предстоятеля.

То, как их молитвы и обеты достигли сокровеннейшего слуха Божия, понятно и ныне и пребудет явным вплоть до скончания века. Ибо Господь предназначил сей церкви такого предстоятеля, который величием заслуг далеко превзошел всех предшественников. Память о нем *во всяких устах будет сладка, как мед, и как музыка на винном пиру* (Вульг. Сир. 49:2). Ибо воистину по Божественному промыслу он был направлен в эту обитель. Застав ее в почти совершенном упадке, он дивным образом, при содействии Божиим, восстановил и столь славно возвеличил ее внутреннее и внешнее благолепие, что, доколе вращается сей мир, его достохвальная заслуга будет непрестанно приумножаться.

Итак, когда прибыли представители Бамбергской церкви, император встретил их с почетом и радостью. Призвав их пред лицо своих вельмож, он молвил: «Узнайте же ныне, сколь искренне я радуюсь о благополучии и чести Бамбергской церкви. Ибо в то время как многие великие и высокородные особы пытались ценою серебра выкупить у меня это епископство (ср. Деян. 8:18–20), я предпочел избрать для вас того, кто верностью, добронравием, мудростью и благочестием всех превосходит».

Призвав к себе честного Оттона, государь потребовал у него назад кольцо и пастырский жезл Бременского епископа. Когда же тот без промедления возвратил святыни,

император молвил: «Уже с давних пор я знаю тебя как мужа верного и паче всех прочих мне полезного. Пришло время и мне ответить на твою верность подобающей моей щедрости широтою. Прими же служение епископское в славной Бамбергской церкви! Ибо хотя многие тщатся приобрести его себе за деньги и дары, я, отвергнув их всех, решил лишь тебя одного возвести на вершину архиерейского сего сана».

Тотчас же честной Оттон пал ниц и со слезами заявил, что недостойн столь высокого сана, но по повелению государя был поднят вельможами. И хотя он весьма противился, ему вручили кольцо и пастырский жезл; и чем настойчивее утверждал он, что недостойн, тем увереннее все прочие утверждали, что достоин. И всё собравшееся множество народа приветствовало его избрание на диво громогласными восклицаниями. У всех была единая воля, единое желание и единое мнение: Оттон в высшей степени достоин епископства и блаженна будет церковь, обретшая такого святителя.

Короче говоря, честному Оттону не оставалось ничего иного, как подчиниться тому, что по воле Господней постановили император и народ. И вот император, с любовным тщанием поручая его клиру и народу, молвил: «Вот избранный и угодный Богу архиерей. Примите же его с радостью, как мое собственное сердце (ср. Флм. 1:12), зная, что он превосходно наставлен во всяком божественном и человеческом знании. Ибо, по правде сказать, с тех самых пор, как по милости Божией я взошел на королевский престол, не припомню, чтобы в свите нашей или в капелле видал мужа, который превосходил бы его порядочностью, благоразумием и всякого рода добродетелями».

На это граф Беренгер фон Зульцбах, который всегда питал недобрые чувства к праведным людям, пробормотал: «Государь, мы не знаем, кто таков и откуда взялся тот, кого ты назначил нам пастырем». На что ему император ответил: «Если ты спрашиваешь, откуда он, то Бамберг — мать его, а я — его отец. И жив Господь! (ср. 1 Цар. 14:39). Кто причинит ему вред, тот коснется зеницы ока моего (Зах. 2:8); а кто попытается его низложить, тот лишит королевского престола и меня самого. Веруя, что он избран по Божественному суду, я предлагаю вам достойного архиерея. Ибо каков он и сколь великая благодать преизобилует в нем, в том вы еще яснее убедитесь на опыте».

При этих словах все звонко и громогласно воспели хвалу Богу. И клир, и народ шумно ликовали, испрашивая для него у Бога всяческого благополучия взволнованными восклицаниями.

9.

Император же, наедине с отеческой заботливостью наставив его во всем необходимом, еще на некоторое время удержал его во дворце; затем, осыпав превосходнейшими дарами, с почетом направил в Бамбергскую епархию. А честной Оттон, во многих молитвах вверяя жизнь дорогого государя драгоценнейшему Иисусу, вместе со своими спутниками пустился в путь.

Когда же, преодолев долгий путь, он достиг селения под названием Амфербах, ему навстречу вышли все самые знатные и почитаемые мужи Бамберга. Встречая желаннейшего отца в едином порыве великого ликования, они наперебой старались опередить друг друга в усердном оказании ему должных почестей. Сам же он, немного отъехав от этого селения и приблизившись к городу Бамбергу, дабы явить пример истинного смирения и неодолимого великодушия, соскочил с коня, на котором восседал, и, сняв обувь, вступил в город босиком¹. А зима стояла тогда снежная и из-за ледяной стужи на редкость суровая. Но оный блаженный, согреваемый в глубине своей

Божественной любовью, с мужественной твердостью переносил этот ужасающий холод. И то, что он прошел босиком столь долгий путь, стало для всех предметом восхищения и изумления.

Итак, в праздник Очищения святой Богородицы Марии [2 февраля], когда честной Оттон вступал на свою кафедру, клир и народ Бамберга, собравшись в едином благочестивом порыве, вышли ему навстречу за городские ворота. С торжественным благолепием и сладкозвучным пением, как и подобало, они препроводили нового пастыря в дом Господень (ср. Вульг. Пс. 121:1), со слезами, преисполненными духовной радости, воздавая благодарение Богу.

Когда же, разделив радость должного благоговейного приема и приветствий, он вошел в епископский дом, оказалось, что ноги его от чрезмерной стужи ооченели настолько, что на них выступала каплями кровь, а потому их требовалось немедленно согреть в теплой воде. Оттого и впоследствии он весьма часто мучился от сильнейших подагрических болей. Но ему была присуща столь дивная сила терпения, твердость духа и такая мощь любви Христовой, что из-за этого недуга он ни в коей мере не отступал от дела Божия.

Зная же истинность той притчи: «Наследство, поспешно захваченное вначале, не благословится впоследствии» (Притч. 20:21), он на долгое время, а именно на три года, отложил принятие благодати святительского освящения². Сделал же он это для того, чтобы впоследствии, приняв на себя попечение о епархии, управлять ею с тем более совершенным знанием дел духовных и мирских, чем более подготовленным к этому служению он стал бы по прошествии времени. К тому же поводом к этой отсрочке послужила и весьма прискорбная смута от церковного раскола в государстве.

Поскольку же достопочтенный архиепископ Майнцский Рутгард, объявленный мятежником против императора и за это изгнанный со своей кафедры, уже восемь лет находился в Тюрингии, а многие другие епископы в германских землях были наказаны запрещением в священнослужении, честной Оттон пожелал принять благодать рукоположения от святейшей памяти папы Пасхалия, зная, что основатель Бамбергской церкви, святой император Генрих, вверил ее попечению Римского престола с нежнейшей любовью, словно единственную дочь — матери.

Посему он отправил с верными и почтенными посланниками к Апостолику письмо такого содержания³:

---

¹ Это не было обязательным или строго предписанным церковным обрядом для каждого вступающего в должность епископа, однако это был весьма распространенный и узнаваемый символический жест среди наиболее благочестивых, святых или реформаторски настроенных прелатов того времени. Официальный въезд епископа в свой город (*adventus*) обычно был торжественным событием, когда прелат ехал на богато украшенном коне в сопровождении пышной свиты. Выбирая идти пешком и босиком (*pedibus nudis*), Оттон совершает акт «перевернутого ритуала»: вместо того чтобы явиться как светский господин и князь, он является как слуга и паломник. Подобный эпизод описывается также в Житии св. Норберта Ксантенского: «К его приезду стеклось великое множество народа, и все ликовали, что удостоились принять пастырем душ своих мужа, прославленного благочестием. Увидев вдали Магдебург, к которому лежал его путь, он пошёл к нему босиком».

² В ту эпоху подобная ситуация была довольно распространённой, хотя и вызывала серьёзные споры у церковных реформаторов (особенно в контексте борьбы за инвеституру). С момента назначения императором и вступления во владение кафедрой Оттон считался *Babenbergensis ecclesiae electus* (избранным/назначенным епископом Бамберга). Этот статус позволял ему осуществлять управление епархией, то есть обладать *potestas iurisdictionis* — распоряжаться имуществом, вести административные дела, управлять клиром и судить в дисциплинарных вопросах. В средневековом каноническом праве чётко различали *potestas iurisdictionis* (власть управления) и *potestas ordinis* (власть священнодействия). Не будучи ещё посвящённым в епископы, Оттон не мог рукополагать диаконов и пресвитеров, освящать храмы и алтари, освящать миро и совершать иные собственно епископские литургические действия (для этих целей *electi* обычно прибегали к помощи канонически признанных епископов). Получив от императора Генриха IV перстень и посох, Оттон вступил во владение *regalia* — светскими правами и землями, связанными с кафедрой, поэтому с точки зрения имперской власти он уже функционировал как князь-епископ, несмотря на отсутствие посвящения.

³ См.: Кодекс Ульриха Бамбергского, письмо № 128 (изд.: *Bibliotheca rerum Germanicarum*. T. V. P. 239).

10.

«Владыке Апостолику Пасхалию, который за превосходство своих заслуг и святость нравов был достойно возведен на вершину Римского престола, Оттон, милостию Божией избранный епископ Бамбергский, со всем благоговением шлет свои самые усердные молитвы и обещает служение как должное, так и добровольное.

Поскольку же наконец по милосердию Господа, направляющего ладью Своей Церкви, после мрачных бурь заблуждений над западной Церковью вновь воссиял ясный свет истины, мы прежде всего и паче всего желаем, чтобы ведала святость твоя: мы во всём, как и подобало, повиновались твоему легату, епископу Констанцскому. И с величайшим благоговением всё то, в чём мы были им наставлены, мы отчасти уже исполнили, а отчасти готовы исполнить, если будет на то дано нам будет еще пожить (ср. Иак. 4:15).

Посему, припав к стопам твоим, мы настойчиво умоляем, дабы ты по-отечески терпеливо выслушал слугу своего. Ибо ныне, когда весь мир лежит во зле (1 Ин. 5:19), когда никому нет веры и ни в чем нет надежной опоры, нас терзают тяжкие заботы о том, как сподобиться рукоположения. А потому я, полный сомнений и страхов, уподобившись утопающему в волнах житейских забот, вместе с князем апостолов, чье место ты занимаешь, взываю к тебе: владыка, спаси меня! (ср. Вульг. Мф. 14:30).

И дабы в немногих словах подвести итог нашему делу: в сей час и во власти тьмы (ср. Лк. 22:53) лишь на тебя одного обращены очи наши (ср. Вульг. 2 Пар. 20:12). Мы готовы должным образом хранить послушание тебе; с тобою мы решили стоять до конца или за тебя идти в темницу (ср. Лк. 22:33). Посему мы всем сердцем желаем опереться на твою первосвященническую власть; протяни же нам руку и укажи, что нам по воле твоей сделать. И если ты прикажешь, чтобы мы пришли к тебе, то, хотя средства наши истощены грабежами и пожарами, мы всё же, движимые желанием узреть тебя и обрести благодать освящения, предстанем пред взором твоего величия с приношением, подобающим нашему смиренному служению.

Да соблаговолит же твое милосердие каким-нибудь ответом уведомить нас, как с этим быть, а вместе с тем и путь к тебе указать нам наиболее безопасный, и подтвердить, что

мы получим от тебя благословение, коего благоговейно испрашиваем. Мы же столь сильно желаем принять его именно из рук твоей святости еще и потому, что наш митрополит, хотя он и получил благодать освящения от тебя, терпит крайнюю нужду в сослужителях для преподавания духовного дара¹, о чем без слез и сказать нельзя».

---

¹ Имеется в виду Рутгард, архиепископ Майнцский. Бамбергская епархия подчинялась ему, и именно он по чину должен был рукоположить Оттона в епископы. Св. Оттон подчеркивает, что Рутгард — законный глава церкви, верный Риму (в отличие от многих других германских епископов, которые приняли сторону императора и поддерживали антипапу). По церковным правилам для посвящения нового епископа необходимо участие как минимум трёх законных епископов. Однако из-за схизмы большинство епископов в германских землях находились под запрещением со стороны папы за верность императору. Рутгард, находясь в изгнании в Тюрингии, оказался в изоляции. Он не мог собрать вокруг себя «кворум» из канонически чистых сослужителей, чтобы передать Оттону «духовный дар», т.е. епископскую хиротонию.

11.

Апостолик почтительно принял и прочел это послание. Преисполнившись радости, ибо он был всецело проникнут любовью и отличался радостной приветливостью, верховный понтифик Пасхалий с отеческой нежностью призвал благочестивого Оттона к Апостольскому престолу. Тот, воздав за это Богу гимнословные благодарения, по получении повеления вместе со своими спутниками без промедления направился к апостольским порогам.

Когда же Апостолик с радостью и подобающим почтением принял его, Оттон, следуя написанному: «Праведник в начале своей речи — сам себе обвинитель» (Вульг. Притч. 18:17), припал к коленям Владыки папы и со смирением сложил с себя пастырское попечение и со слезными рыданиями громко заявил, что недостойн и ни в коей мере не пригоден нести столь великое бремя. Ибо он опасался, как бы не легла на него хоть малейшая тень симонической ереси из-за того, что он столь долгое время в поте лица нес верную службу при королевском дворе: как бы император не увенчал его архиерейской митрой лишь в награду за это служение, ибо тогда он принял бы сие святительское достоинство не без губительной опасности для своей души. А потому он предпочел претерпеть утрату временной земной чести, нежели оскорбить очи Вышнего Судии и для своей души урон претерпеть.

Сложив с себя пастырское попечение и радуясь обретенной свободе, Оттон удалился от лица Апостолика и, обратившись ко Господу, молвил: «Господи, теперь мне легче будет служить Тебе, ибо Ты избавил меня от столь великого бремени». Но недолго было позволено ему наслаждаться этой свободой. Ибо на следующий день Папа, движимый Духом Божиим, послал вслед человеку Божию гонцов, чтобы вернуть его, когда тот уже достиг местечка под названием Сутри. И хотя Оттон всячески противился, Папа властью святого Петра вновь возложил на него бремя церковного управления, от которого тот отказался накануне. И хотя Оттон вновь и вновь противился, Папа воодушевил его сладостными и поистине отеческими посулами, обещая быть ему покровителем и вернейшим защитником от всех мирских напастей.

Затем в навечерие Пятидесятницы Папа послал ему дары через почтенного апокрисиария, которому поручил передать следующее: «Скажи епископу, пусть

приготовится к принятию Духа Святого». И так в святой день Пятидесятницы, выпадавший на третий день до майских ид [13 мая], а именно в день небесного рождения святого Гингольфа мученика, он торжественно хиротонисал богоугодного предстоятеля собственными (но как бы самого блаженного Петра) руками. Свершилось это в городе Ананьи, что лежит на границе Романьи и Апулии. И удостоил Понтифик как самого Оттона, так и всех его преемников на вечные времена права ношения креста и паллия, что и подтвердил следующей грамотой: с. 24.

12.

«Пасхалий, епископ, раб рабов Божиих, достопочтенному брату Оттону, епископу Бамбергскому, — приветствие и апостольское благословение. Любви свойственна благая способность сорадоваться успехам других. Ибо любовь *не ищет своего* (1 Кор. 13:5; ср. Флп. 2:21). Посему и говорит апостол: *«Теперь мы живы, если вы стоите в Господе»* (ср. Вульг. 1 Фес. 3:8); и еще: *«Ибо кто наша надежда, или радость, или венец славы? Не вы ли пред Господом нашим Иисусом Христом?»* (1 Фес. 2:19).

Посему мы побуждаемы этим долгом любви и принуждаемы властью Апостольского престола воздавать братьям должную честь и в подобающей каждому мере уделять прочим церквам от достоинства святой Римской Церкви. А потому, достопочтенный брат Оттон, епископ Бамбергский, мы с любовью жалуем тебе паллий для торжественного свершения святых месс. И надлежит тебе, брат мой, знать, что пользоваться им [паллием] можно только внутри храма и исключительно в те дни, которые указаны в настоящем предписании, а именно: в святой день Воскресения Господня и в Пятидесятницу, также на Рождество Господа нашего Иисуса Христа, в день небесного рождения святых апостолов Петра и Павла, в торжество святого Дионисия мученика, а также в годовщину дня твоего рукоположения и при освящении церквей.

Мы желаем, чтобы ты во всём оправдывал честь ношения сего паллия. Ибо достоинство этого одеяния составляют смирение и справедливость. Посему, брат мой, от всего сердца потщись являть смирение в благополучии и непреклонную справедливость при невзгодах, коль скоро они случаются. Будь другом добрым, а злым — противником; никогда не взирай на лица в ущерб истине (ср. Иак. 2:1; Втор. 1:17) и никого из говорящих правду не притесняй. Твори дела милосердия по мере своего достатка, стремись, впрочем, творить их и сверх сил (ср. 2 Кор. 8:3); сострадай немощным и сорадуйся здравствующим (ср. Рим. 12:15). Чужие утраты почитай своими, а о чужих радостях ликуй, словно о собственных. Исправляя пороки, будь по-родительски суров, а поощряя добродетели, утешай души слушателей; во гневе верши суд без гнева (ср. Вульг. Пс. 4:5), а в благодушии не оставляй справедливой строгости в оценках.

Таково, дражайший брат, достоинство принятого тобою паллия. Если ты будешь заботливо хранить его, то обретешь внутри себя то самое, чем зримо будешь украшен снаружи. Вдобавок к этому мы дозволяем предношение пред тобою честного креста в пределах Бамбергской епархии, при непременно сохранении почтения к Майнцской митрополии¹; дабы ты, отмеченный особою милостью Святой Римской Церкви, с особым усердием трудился в послушании и служении ей. Да сохранит Вышняя благодать тебя, брат мой, невредимым на долгие времена. Аминь. Написано рукою Иоанна, регионального скриниария и нотариуса Священного дворца².

Дано в Риме, на острове Ликаония [Тиберине], рукой Иоанна, кардинал-диакона святой Римской Церкви и библиотекаря, замещающего господина Фридриха, архиканцлера и архиепископа Кёльнского, в семнадцатый день до майских календ [15 апреля], в

четвертый индиктион, в тысяча сто одиннадцатый год от Воплощения Господня, в двенадцатый год понтификата Владыки папы Пасхалия II и в первый год правления Государя императора Генриха V»³.

Кроме того, достопочтенному предстоятелю, митрополиту Рутгарду, тот же Апостолик послал рекомендательное письмо за возлюбленного отца Оттона, и содержалось в оном следующее:

---

¹ Предношение процессионного креста в средневековой церковной практике было знаком особой чести. Такое право в принципе принадлежало прежде всего митрополитам и патриархам, но папы могли даровать его и отдельным епископам. В данном случае привилегия предоставляется Бамбергской кафедре с оговоркой о сохранении чести Майнцской митрополии; тем самым подчеркивается высокий статус Бамберга, однако без умаления прав Майнца. Поскольку Бамберг был основан как кафедра, непосредственно подчинённая Риму, речь идет именно о папской привилегии, а не об обычной митрополичьей юрисдикции.

² *Scriniarius, regionarius, notarius sacri palatii* — титулатура чиновника папской канцелярии, отражающая сложную и архаичную структуру римского церковного управления. *Scriniarius* (от *scrinium* — «ларец для свитков», затем «канцелярия») обозначает куриального писца, связанного с составлением, перепиской и оформлением документов. В римской традиции этот термин тесно сближается с *notarius* и может фактически обозначать одного из канцеляристов папского двора, а не только хранителя архива. *Regionarius* указывает на принадлежность к одному из древних церковно-административных округов Рима (*regiones*). Этот титул восходит к позднеантичной организации римского клира и сохранялся в папской курии как почётное и традиционное обозначение, особенно в среде нотариусов. *Notarius sacri palatii* — папский канцелярист, участвовавший в составлении и удостоверении официальных актов. Это не «нотариус» в современном юридическом смысле, а важный чиновник канцелярии; при этом корпус регионарных нотариусов занимал в ней привилегированное положение. *Sacrum palatium* — «священный дворец», то есть Латеранская резиденция пап, административный центр Римской Церкви. Важно отметить, что названный здесь Иоанн из Гаэты — кардинал-диакон и канцлер Римской Церкви (будущий папа Геласий II), — принадлежал к высшему кругу папской канцелярии; поэтому его подпись свидетельствует о высокой юридической значимости и подлинности данного акта.

³ См. Кодекс Удальриха Бамбергского, № 151, кн. 1, с. 277.

13.

«Пасхалий епископ, раб рабов Божиих, архиепископу Майнцскому Рутгарду — приветствие и апостольское благословение. Мы полагаем, благоразумный брат наш, тебе ведомо, сколь близка была Бамбергская церковь Апостольскому престолу с самого начала своего учреждения. А потому мы сочли подобающим принять пришедшего к нам досточтимого брата нашего Оттона, избранного предстоятеля оной церкви, с полнейшим и совершенным радушием, проистекающим из давнего нашего дружества.

Кроме того, поскольку она церковь уже долгое время оставалась без попечения епископского служения, а из-за кар, последовавших за минувшим расколом, в германских землях очень немногие исполняют епископское служение, мы, вняв просьбам самой этой

церкви, по щедрости Господней возложили руку епископского благословения на сего дражайшего брата нашего, когда он прибыл к нам, преодолев множество опасностей. Свершилось это при согласии и единодушном решении всех, кто находился при нас, с непременным сохранением должного почтения к твоей митрополии.

Итак, отсылая его к вам с заверениями в нежном благоволении нашем, поручаем его вам, брат наш, сим посланием, дабы, чем более дружественнее он почитается Апостольскому Престолу, тем дороже он был бы для вас. Дано в Латеране, в двенадцатый день до июньских календ [21 мая 1106 г.]»¹.

Поручая сими грамотами блаженнейшего отца нашего Оттона своему верному служителю, архиепископу Рутгарду, светлой памяти Апостолик со всей очевидностью показал, с какою искреннею отеческою любовью он, привечая его, ободрял, и, ободряя, привечал. И совершенно заслуженно.

Ибо он предвидел, что сей блаженный муж станет непоколебимым столпом Церкви Божией и будет благоуспешно направлять Господень ковчег среди волн потопа. Кроме того, верховный пастырь Церкви направил бамбергскому клиру и народу послание нижеследующего содержания, дабы сего отца несравненного, милого своим чадам и прежде, сделать для них тем самым еще милее:

---

¹ См. Кодекс Удальриха Бамбергского, № 132, кн. 1, с. 249.

14.

«Пасхалий епископ, раб рабов Божиих, клиру и народу Бамбергскому — приветствие и апостольское благословение. Даже если бы нам не было ведомо, сколь крепкими узами любви Бамбергская церковь от самого своего основания привязана к Апостольскому престолу, о том ясно засвидетельствовали бы слова писем ваших. Как мы убедились, сей долг любви неизменно хранил и хранит наш досточтимый брат Оттон, избранный предстоятель вашей церкви, ибо он, преодолев множество страшных опасностей, приложил все усилия, чтобы посетить Апостольский престол.

Итак, мы приняли его с подобающим искренним благоволением и, вняв желанию, вами с любовью выказанным, собственными, но как бы самого блаженного Петра, руками, при сохранении прав митрополита, по милости Божией рукоположили его для вас во предстоятеля. Посему, направляя его обратно в сопровождении сего послания для управления вашей церковью, мы увещеваем вас любить его со всею сердечностью и почитать со всем смирением.

Ибо мы уверены, что он станет надежным стражем церковного благочиния и заботливым попечителем о вашем спасении. Посему оказывайте ему усердное послушание и стяжайте благодать чрез него небесную. Во всём и всегда твердо храните чистоту католической веры и всё более преданно прилепляйтесь к Апостольскому престолу, дабы, пребывая в общении с ним и оставаясь свободными от всякой скверны, вы при вспоможении Господнем сподобились благополучно достичь пристани вечного спасения».¹

Вот так сей всепостольский и поистине достойный наместник Петра с похвалой представлял отца преданнейшим чадам. Вдобавок и сам пречестной отец Оттон, прекрасно зная о заботах и тревогах, коими терзалось верное стадо, тоскуя о своем

несравненном пастыре и горячей жаждой томясь в предвкушении отрады от его долгожданного возвращения, направил ему утешительное послание следующего содержания:

---

¹ См. Кодекс Удальриха Бамбергского, № 133, кн. 1, с. 249-250.

15.

«Оттон, милостью Божией епископ Бамбергский, препозиту Эгильберту, декану Адельберту и прочей братии желает всякого блага. Насколько я познал и изведаль на опыте вашу любовь, знаю: вы уже давно ожидаете исхода наших трудов, дабы порадоваться нашему успеху, если, конечно, по милосердию Божию дело наше успехом увенчается.

Итак, дабы вы долее не томилесь неизвестностью и сомнениями на наш счет, но, как и подобает, нам от всего сердца сорадовались, мы решили сим посланием возвестить вам, сколь милосердно Бог по обычаю Своему, после безмерных трудов наших и многого пота, нам посодествовал.

В святой день Пятидесятницы, который освящен сошествием Святого Духа и по праву торжественно празднуется всеми верными, — в тот самый, повторяю, день, по изволению Божию в кампанском городе Ананьи на границе между Романьей и Апулией я, сколь ни недостоин, по всещедрой милости Господней получил дар епископского благословения: блаженнейший папа Пасхалий возложил на меня руки при сослужении множества других епископов, а также в присутствии и при согласии клира Римской Церкви, который в тот день в немалом числе собрался в том же городе.

И, что в наши времена не выпадало еще никому из рукополагаемых Римским понтификом, я был посвящен без принесения какой-либо присяги¹. Должно нам вечно хранить память об этом месте, об этом дне и о незаслуженном этом милосердии Божиим; и мы со всяким благодарением настойчиво просим, дабы и вы изволили сохранить это в памяти, в особенности потому, что весьма многие другие достопочтенные особы, хлопотавшие о важных делах при Апостольском престоле, вернулись ни с чем. Итак, *величайте Господа со мною, и превознесем имя Его вместе* (ср. Вульг. Пс. 33:4), ибо с какою готовностью Он *противится гордым, с такою же и смиренным дает благодать* (ср. Иак. 4:6; Притч. 3:34).

А поскольку нести служение предстоятелей в смутные времена тяжело, вам надлежит всеми силами стараться, чтобы эти суровые обстоятельства послужили поводом для стяжания награды. Итак, доколе есть время для сеяния, не престанем сеять семена добрых дел, дабы тем бóльшие снопы радости принести в день жатвы (ср. Вульг. Пс. 125:6), Главе нашей — Христу узами любви прилепляясь (ср. Еф. 4:15–16; Кол. 2:19), дабы, увлекшись сверх меры мирскими выгодами, не отделиться нам от Него и не засохнуть, подобно отсеченным от лозы ветвям (ср. Ин. 15:6).

Но поскольку для свершения дел справедливости необходима помощь Божественной благодати, непрестанными молитвами умоляйте всемогущего Бога о милости, дабы Он даровал нам и хотение, и силу для их свершения (ср. Флп. 2:13), и направил нас с плодами добрых дел по тому пути, каковым, по Его собственному свидетельству, Он Сам и

является (ср. Ин. 14:6), дабы мы, не способные без Него ни на какое высокое свершение (ср. Ин. 15:5), через Него смогли исполнить всё (ср. Флп. 4:13)».²

Итак, Апостолик, с почетом возведя сего избранника Божия в архиерейское достоинство через торжественное посвящение, из искреннего человеколюбия еще на некоторое время удержал его у себя. Получив же наконец долгожданное позволение удалиться, Оттон отправился в путь и, перевалив через Альпы, благополучно добрался до Каринтии.

---

¹ Речь идёт о присяге канонического послушания (*iuramentum oboedientiae*), которая в эпоху реформ XI–XII вв., особенно в контексте Борьбы за инвеституру, всё чаще требовалась от епископов, поставляемых при участии Рима. Св. Оттон был не просто избранным епископом, он был канцлером императора Генриха IV (а затем и Генриха V), являясь ключевым посредником между империей и папством. То, что папа Пасхалий II согласился рукоположить «человека императора», не потребовав от него формальной присяги, было актом высочайшего доверия и важным дипломатическим жестом. Бамбергская епархия с момента основания (1007 г.) была «экземптной», то есть подчинялась напрямую Риму, минуя местных митрополитов. Это делало отношения епископа и папы очень личными. Св. Оттон подчеркивает, что в «наши времена» (эпоху борьбы за власть над Церковью) папы почти никогда не отказывались от требования присяги, чтобы не терять контроль над иерархами. Освобождение от клятвы — это знак того, что папа признал Оттона «своим» по духу, а не в силу юридических обязательств.

² См. Кодекс Удальриха Бамбергского, № 131, кн. 1, с. 247-249.

16.

После сего император Генрих созвал всех князей королевства на придворный съезд¹ в Регенсбург. Прибывший туда новый предстоятель, честной Оттон, был принят с подобающим благоговейным почтением. Изящество его нравов, степенная мудрость и приветливая отеческая доброта пробудили дивную приязнь всех присутствовавших там вельмож, отчего они единодушно провозглашали блаженной ту церковь, которую Господь одарил таким святителем.

И вот, осыпанный королевскими щедротами благочестивый пастырь вступил после трудного странствия в Бамберг, дабы принять попечение о своих овцах. Клир и народ встретили его с несказанным ликованием, принимая как ангела, посланного с небес (ср. Гал. 4:14). Обретя столь высокий почет, он всё усердие своего благочестия направил на то, чтобы сиять блеском добродетелей в нравах и деяниями прославлять Господа, Его прославившего (ср. 1 Цар. 2:30). Ибо во всём он искал лишь славы Христовой, спасения людей и унижения самого себя, зная, что в каждом деле надлежит искать не своего прибытка, а Господня.

Итак, он тщился быть в доме Господнем «плодовитою маслиною» (ср. Вульг. Пс. 51:10); и усердно раздавал людям вверенный ему талант Слова, зная, что за то он будет некогда поставлен Господом над всем Его именем (ср. Мф. 25:21–23). Посему, ревнуя о вверенном ему попечении, он денно и нощно радел о пользе своей церкви, прилагая все силы к тому, чтобы либо приумножить ее наличное достояние, либо восстановить утраченное.

Поскольку же самым горячим его устремлением было ширить славу Христову, он воздвиг несколько обителей с самого основания, а еще несколько, что были прежде лишь едва заложены, приобрел по достойной цене для Бамбергской церкви и достроил, не жалея издержек.

---

¹ В латинском оригинале стоит *curiale colloquium* — «придворное собрание, съезд при дворе». В современной медиевистике для подобных собраний Священной Римской империи часто употребляют термин *гофтаг*.

17 (18)¹.

Возвращаясь же к делам нашего края, сообщим, что сей преданный Богу архиерей заново воздвиг от самого основания в еще более величественном виде Бамбергский монастырь Святого Михаила со всеми его постройками, а также базилику Пресвятой Марии и капеллу блаженного Варфоломея с примыкающим к ней обширным домом. Над воротами он устроил капеллу в честь святого Освальда, короля-мученика, а сверх того выстроил странноприимный дом и монастырские стены со всеми подсобными помещениями. Также сей блаженный муж повелел устроить посреди монастырского двора фонтан, для чего со значительными издержками проложил туда свинцовый водопровод с соседней горы.

Сей святитель одарил обитель многими украшениями, среди коих были два серебряных блюда для сбора пожертвований, золототканое облачение и драгоценная казула. Также он сам освятил крест, искусно сработанный из золота и камней, в коем были сокрыты частица Животворящего Древа и мощи святых, нарекши его Крестом Спасителя. И, наложив на то строжайший запрет, дабы сия святыня никогда и ни при какой нужде не изымалась из монастыря, он с глубочайшим благоговением принес его в дар блаженному Архангелу Михаилу².

Эту обитель богоисполненный муж всегда любил искреннейшей любовью; он восстановил её и обогатил, искал её славы и наделял благами, возвышал её и почитал, неизменно радуясь её преуспеянию. В самой же этой обители, пред алтарем оного Архангела, чьим верным служителем он был, и завещал он себя погresti. Тому же монастырю на нужды братии он передал восемь поместий, приобретенных за пятьсот фунтов серебра, подробное перечисление которых мы сочли здесь излишним.

Кроме того, он подарил тому же монастырю вместе с двумя другими церквями церковь возле Альбуха, принадлежавшую ему по праву наследства, дабы совершалась там память о нем самом и о его родителях, кои покоились там телом. Сверх того, желая и далее расширять столь возлюбленную им обитель, он воздвиг у подножия горы Святого Михаила капеллу святого Эгидия, а при ней — странноприимный дом, пригодный для приема нищих и паломников.

Ибо он весь был преисполнен глубочайшего милосердия, весь так горел состраданием и нищелюбием, что по праву мог бы сказать вместе с блаженным Иовом: «От юности моей росло со мною сострадание, и от чрева матери моей оно вышло со мною» (ср. Вульг. Иов. 31:18); «я плакал о том, кто был в горе, и сострадала душа моя бедному» (ср. Вульг. Иов. 30:25). Ведь он хорошо знал и постоянно держал в памяти изречение блаженного Григория: «Кто не имеет сострадания, тот носит имя епископа впустую» (св. Григорий Великий, *Регистр писем*, кн. 6, пис. 30).

Ибо добродетель святой любви, хоть она и подобает всякому верному, паче всего приличествует священникам Христовым, кои сугубо призываются к её исполнению прямо в святейшем таинстве своего рукоположения. Ведь когда священник освящается елеем, знаменующим собою любовь, помазываются его длани³; и елей возливается на его руки, дабы познал он: отныне надлежит ему творить преизобильные дела милосердия и благочестия.

Более того, когда он облачается и украшается священными ризами, тайносовершитель говорит ему: «Прими священническую одежду, знаменующую собою любовь»⁴. Этим ему напоминает, что он должен быть весь окутан ею, словно подиром (ср. Вульг. Откр. 1:13; Сир. 45:10), и великолепеннейшим образом украшен. И честной Оттон, облеченный в сию исключительную красоту, усердно старался повсюду её распространять и являть в своих преуспешных трудах.

---

¹ Двойная нумерация глав следует изданию *Philipp Jaffé* и передаёт различие между вариантами деления текста, засвидетельствованными в рукописной традиции.

² В ходе масштабной секуляризации церковных владений в Баварии в начале XIX века монастырь Михельсберг был упразднен; его обширные владения и сокровища перешли в собственность государства; многие драгоценные предметы были переплавлены, но наиболее значимые святыни и произведения искусства удалось спасти – так, крест св. Оттона был передан в сокровищницу Бамбергского кафедрального собора. В настоящее время этот крест является одним из центральных экспонатов Диоцезального музея Бамберга (*Diözesanmuseum Bamberg*). Это великолепный образец романского ювелирного искусства начала XII века (хотя некоторые его части могут быть более ранними, эпохи Оттонов). Он действительно обильно украшен золотом, филигранью, драгоценными камнями и античными геммами. В центре креста под хрусталем находится частица Животворящего Древа, о которой упоминает автор *Жития*.

³ Ср. Римский Понтификал, Чин рукоположения пресвитера: «Благоволи, Господи, освятить... сии руки через это помазание...».

⁴ Ср. Римский Понтификал, Чин рукоположения пресвитера.

18 (19).

Итак, обходя окрестные предместья и высматривая подходящее место для постройки странноприимного дома, он пришел к холму, расположенному у подножия горы Святого Михаила. В народе его называли Люгебюэль, то бишь «Холмом лжи», и на то было две причины: либо потому, что он возвышался там не по естественному складу местности, а был насыпан из земли, выкопанной при закладке оснований городских стен; либо потому, что там часто устраивались сходбища глупцов, исполненные лжи и суеты¹.

Итак, сей духовный отец, желая изменить это к лучшему, ибо он знал, что поставлен для того, дабы искоренять дурное и насаждать всякое благое (ср. Иер. 1:10), велел сровнять этот холм и воздвигнуть там церковь блаженного Эгидия, а также построить удобные жилища для нищих и паломников. Сделал он это для того, чтобы там, где прежде буйным цветом цвело рабство врагу [рода человеческого], впредь благодаря богослужениям и нищелюбию возрастал прирост спасенных душ.

В то время некий каноник церкви святого Иакова по имени Вибодон, отправившись ради молитвы к гробнице блаженного Эгидия, приобрел там великолепную святыню — большой палец сего святого. Честной Оттон искусно выпросил у него эту реликвию и вместе со множеством других мощей вложил её в алтарь святого Эгидия. Торжественно освятив эту церковь, он постановил, чтобы память сего святого впредь почиталась во всей обители куда торжественнее, чем это было доселе.

Странноприимный же дом вместе с одной церковью он сперва поручил Гумпольду, декану общины Святого Иакова. Впоследствии же, при посредничестве блаженной памяти Вольфрамма, десятого аббата сей обители, он передал его со всеми угодьями монастырю Святого Михаила. Об этом любезном и достопочтеннейшем отце справедливо будет написать здесь хотя бы немного. Ибо, когда при его вступлении в должность Господь излил на него преизобильное Свое благословение, сия обитель, испытывавшая почти полный упадок иноческого жития, дивным образом обновилась, как во внутреннем строе исправившись, так и во внешних делах преуспев.

---

¹ В средневековой традиции «холмами лжи» или «дурацкими собраниями» часто называли места, где сохранялись остатки языческих обрядов или просто проводились шумные народные празднества. С точки зрения монаха-хрониста, любые мирские песни, сказки, танцы и «пустословие» — это *mendacia* (ложь) и *vanitas* (суета), отдаляющие от Бога. Вероятно, это было популярное место за городскими стенами, где собирались горожане, бродячие актеры, жонглеры или рассказчики небылиц. Само название холма могло возникнуть из-за того, что там «состязались в красноречии» или рассказывали байки (отсюда и «холм лжи»). Интересно, что в немецкой топонимике названия вроде *Lausebühl* или *Lügenfeld* иногда связаны также с судебными местами (поле тяжб) или границами.

19 (20).

Ибо сей Вольфрамм, происходивший из знатного и благочестивого баварского рода, был отдан в Бамбергскую церковь в чине каноника, дабы воспитываться там в школе Христовой. Предваряемый Божественной благодатью, он еще в нежном возрасте жаждущим сердцем впитывал потоки учения и, изо дня в день преуспевая в зрелой мудрости и изяществе нравов, став прекраснее всех сверстников своих (ср. Пс. 44:3). Ведь твердость отцовской справедливости и образ материнского благочестия проявлялись в нем с величайшей очевидностью, согласно изречению Апостола: «Если корень свят, то и ветви» (Рим. 11:16).

Всё это происходило ещё при достопочтенном Руперте, седьмом епископе Бамбергском. Впоследствии же, достигнув зрелых лет, он был поставлен честным Оттоном в примицерию¹. Обладая внушающей доверие сообразительностью, он, словно второй Иосиф (ср. Быт. 39:4; Быт. 41:40), взял на себя попечение обо всей епархии. И во всех делах церковного управления не было ничего, что не вершилось бы по его мановению и рассуждению.

Но когда всемогущий Бог соизволил через служение достопочтеннейшего отца Вольфрамма восстановить благочиние монашеского жития, пришедшее при его преподобии Гумпольде, последнем аббате сей обители, в полное ничтожество, и направить его к лучшему введением нового Хирзауского устава, Он поразил сего многократно помянутого и еще более достойного упоминания впредь мудрого строителя

тяжким телесным недугом. И так, исторгнув его из кораблекрушительных житейских волн, Он вывел его к покойной пристани и принудил вступить в стан духовного воинства.

Ибо когда он уже некоторое время страдал от опасной опухоли на шее, то, согласно изречению блаженного Иова: «*Ты страшишь меня снами и видениями повергаешь в трепет*» (Вульг. Иов. 7:14), некоторым наиболее пронизательным из его домочадцев было ночное видение: будто крыша его дома внезапно обрушилась, а сам дом развалился на куски.

Домочадцы шептались об этом между собой, твердя, что сие видение предвещает смерть их господина, и сам любезный отец немало утрастился этих толков. Однако он решил в духе смирения и с сокрушенным сердцем (ср. Вульг. Дан. 3:39) последовать за внутренним Судией, Который этим ударом призывал его к лучшему. Итак, сделав все распоряжения по дому своему (ср. Вульг. Ис. 38:1) и искусно остерегаясь козней друзей и родственников, тщившихся отворотить его от столь благого намерения, он тайно в утренний час поднялся на гору Святого Михаила.

Там, совлекишись ветхого человека (ср. Еф. 4:22; Кол. 3:9) и сбросив пышные наряды, в коих он имел обыкновение выступать, когда стремился выглядеть наряднее прочих, Вольфрамм принес самого себя Богу в жертву благоприятную (ср. Рим. 12:1; 1 Пет. 2:5) и принял одеяние святого жития вместе с добровольной бедностью. Итак, повинаясь евангельским заповедям, он с пламенным сердцем взял свой крест и последовал за Господом (ср. Мф. 16:24). И тогда без промедления Тот Истинный Врач, Который *поражает и исцеляет, умерщвляет и оживляет* (ср. Вульг. Втор. 32:39; 1 Цар. 2:6) и Который *взял на Себя наши немощи и понес болезни* (ср. Вульг. Ис. 53:4; Мф. 8:17), с присущим Ему милосердием подал исцеление его недугу. Сделал же Он это для того, дабы Вольфрамм, сперва сам исцелившись телом и духом, впоследствии своим духовным наставничеством многие души привел ко спасению.

В то время всечестной отец Оттон пребывал в Каринтии. Возвратившись и узнав о том, что произошло с его ближайшим распорядителем, он весьма возрадовался во Христе, хотя и лишился великого подспорья в управлении общественными делами. Призвав его для дружеской беседы, епископ с отеческой мягкостью расспросил его о его состоянии и о том, желает ли тот довольствоваться заведенными в сей обители обычаями. Но Вольфрамм, муж пронизательного ума, к тому времени уже успел обнаружить, что монашеское житие здесь разладилось и почти в ничто обратилось, а потому ответил, что стремится к более совершенному (ср. Вульг. Евр. 6:1), дабы не бежать впустую (ср. Гал. 2:2).

Услышав это, кротчайший пастырь Оттон, весьма порадовавшись такому его пылу, как можно скорее направил его с почтенными дарами в Хирзауский монастырь, славившийся в ту пору священной строгостью своего духовного устава². Сам же епископ был там не понаслышке известен благодаря частым милостыням, которые туда пересылал. В обители сей Вольфрамм был принят ко всеобщему величайшему ликованию, и как из уважения к нему самому, так и по любви к честному Оттону, окружили его таким почтением, что вскоре, миновав прочие ступени служения, он удостоился возвышения в сан приора.

Пришло уже время помилования (ср. Пс. 101:14). Ибо *призрел со святой высоты Своей Господь* (Пс. 101:20), дабы сию обитель, а именно гору Святого Михаила, долгое время иссыхавшую без ростков духовного преуспевания, оросить свыше свежей росой благодати через блаженнейшего отца Оттона. И воссиял он с небес, словно прекраснейшая заря (ср.

Песн. 6:10) и утренняя звезда (ср. 2 Пет. 1:19; Откр. 22:16), явившаяся рассеять и озарить мрак прежней жизни. Ибо, всецело приуготовившись к умножению славы Того, Кто прославил его (ср. 1 Цар. 2:30) и возвеличил пред прочими соепископами, Оттон в первую очередь позаботился утвердить устав монашеского жития именно здесь, как бы в самой главе, дабы впоследствии из полноты сего источника щедрое благословение изливалось и на другие киновии, которые он вознамерился построить.

Для такового Божественного дела никто не казался епископу более надежным, никто не виделся более подходящим, нежели сей раб Божий Вольфрамм, о коем мы ведем речь. Ибо прежде Оттон знал его как мужа в высшей степени рассудительного в жизни деятельной, а ныне был наслышан о нём как о весьма преуспевшем в жизни созерцательной. Итак, отправив в Хирзау благонадежное посольство, он испросил оттуда как его самого, так и еще пятерых братьев, выдающихся своим благочестием и всяческими познаниями³. И хотя вся тамошняя братия сочла отбытие возлюбленного отца Вольфрамма тягчайшей и почти непереносимой для себя утратой, однако ввиду глубокого благоговения к честному Оттону и щедрости его подаяний ни в чем не могли ему отказать.

Итак, когда Вольфрамм прибыл в Бамберг, епископ был в отлучке. Посему он ожидал его прибытия в Саксонии, пребывая на епископских подворьях Мёхельн и Шидинген. Впоследствии же, когда всечестной отец Оттон вернулся из Каринтии и узнал, что добился от Хирзау того, чего просил, то возблагодарил Бога, а любезного себе Вольфрамма сердечно принял со всею отеческой благостью, словно посланника с небес. И через тайных вестников он увещевал сперва старших братий, а затем и всю общину Святого Михаила, дабы они, всемерно заботясь о собственной пользе, единодушно согласились на избрание достопочтенного отца Вольфрамма.

И когда по предваряющей благодати Божией он достиг того, чего желал, то воздал преизобильную хвалу Тому, от Кого исходят все блага (ср. Иак. 1:17). Тотчас же, в канун Вербного воскресенья [13 апреля], взяв с собой старейшин и прелатов церкви, честной отец, преисполненный пыла великой духовной радости, поднялся на гору Святого Михаила. Там на общем собрании господин Гумпольд, припав к стопам епископа, добровольно сложил с себя пастырское попечение, заявив, что уже утомлен глубокой старостью и что немощь делает его непригодным к этому служению.

Блаженный же архиерей, приняв от него пастырское попечение, безотлагательно передал его достопочтенному отцу Вольфрамму. И сам Гумпольд первым отдал голос за его избрание, после чего удалился в самую уединенную келью, оставив при себе двух служителей и всё самое необходимое. Когда таким образом каноническое избрание свершилось с подобающим благоговением и полным единодушием, честной Оттон, не терпя промедления, на следующий же день, то есть за восемнадцать дней до майских календ [14 апреля], торжественно рукоположил отца Вольфрамма перед освящением вай.

С той поры он всецело и с дивным усердием препоясался (ср. Вульг. Пс. 92:1), дабы обновить обитель внутренне и внешне. И прежде всего, с общего согласия братии упразднив древний и пришедший в упадок Аморбахский чин, он ввел новый, исполненный благочестия чин Хирзауский. Затем, от всего сердца скорбя о малочисленности братий, воинствующих для Бога, и изливая об этом пред очами Господа частые моления, сопровождаемые щедрой милостыней, он всемерно старался собрать здесь мужей благочестивых, украшенных как божественной, так и светской премудростью. И он не отступился от этого начинания до тех пор, пока не удостоился

увидеть, как их малая горстка умножилась до семидесяти с лишним человек. Об этом ясно свидетельствует его собственное послание, содержание коего таково:

---

¹ В XII веке в германских землях, и в частности в Бамберге, функции примицерия (*primicerius*) сочетали в себе как литургические, так и административные обязанности. Само название происходит от латинского *primus in sera* («первый в восковом списке» — то есть первое имя в перечне должностных лиц, записанном на вощёной табличке). Согласно Правилу Хродеганда и статутам Амалария Мецского, примицерий занимал место первого капитуляра после архидиакона и архипресвитера, осуществляя контроль над младшим клиром и руководя литургическими функциями. По сути, примицерий отождествлялся с прецентором (*cantor, præcentor*) и входил в число высших должностных лиц капитула наряду с деканом, канцлером (схоластиком) и казначеем. В соборах Англии, Франции, Испании и Германии он занимал место иногда непосредственно после декана, иногда — после архидиакона. Главной и лучше всего задокументированной обязанностью примицерия был литургический надзор. Примицерий считался руководителем певчих и младшего клира; по свидетельству Гуго Сен-Викторского, под его началом находились аколиты, экзорцисты, чтецы и псалмисты; согласно Исидору Севильскому, примицерий распределял обязанности среди клириков, регулировал пение и порядок ношения свечей на праздничных богослужениях, а также надзирал за соблюдением церковного устава. Должность требовала значительной учёности и организаторских способностей. В отдельных случаях полномочия примицерия могли значительно выходить за рамки литургических обязанностей. Учитывая, что св. Оттон Бамбергский являлся крупным государственным деятелем и дипломатом, активно занятым миссионерством в Поморье (Померании) и имперской политикой, практическое управление епархией неизбежно ложилось на плечи старших должностных лиц капитула.

² Аббатство Хирзау (нем. *Kloster Hirsau*) в Шварцвальде было одним из наиболее значительных центров бенедиктинской реформы в германских землях конца XI — начала XII в. Его авторитет неразрывно связан с деятельностью аббата Вильгельма Хирзауского († 1091), который провёл глубокое преобразование монастырской жизни, опираясь на традиции аббатства Ключни и идеи григорианской реформы. Разработанные им установления (*Consuetudines Hirsaugienses*) закрепляли строгую дисциплину, расширенную литургическую практику и упорядоченный распорядок общинной жизни в духе Устава св. Бенедикта. Важным элементом реформы стало также введение так называемых внешних братьев (*fratres exteriores*), предвосхитивших позднейший институт конверсов. Это позволило хоровым монахам всецело сосредоточиться на богослужении и духовном чтении (*lectio divina*). В условиях борьбы за инвеституру Хирзау последовательно поддерживал курс на освобождение церковных институтов от светского контроля, что способствовало укреплению его духовного авторитета. Благодаря сочетанию строгой дисциплины и институциональной устойчивости, монастырь оказал значительное влияние на монашескую жизнь в Центральной Европе: его устав переняли более ста обителей, сформировав тем самым широкое реформаторское движение, а не просто централизованную конгрегацию. В позднем Средневековье аббатство Хирзау утратило своё реформаторское первенство и стало обычным бенедиктинским монастырём регионального значения; в XVI в. в ходе Реформации, при герцоге Ульрихе Вюртембергском, оно было секуляризовано и превращено в протестантское учебное заведение, а окончательно пришло в упадок после разрушения в 1692 г. во время Девятилетней войны, сохранившись до наших дней лишь в виде руин.

³ См. «Хирзауский кодекс» (Codex Hirsaugiensis), с. 23, где в перечне «аббатов, посланных в иные обители», значится также: «Вольфрам, аббат в Бамберге» — прим. ред. ориг.

20 (21).

«Оттон, милостью Божией смиренный служитель Бамбергской церкви, — достопочтенному брату Вольфраму, аббату монастыря Святого Михаила, а также Вигнанду Тересскому, Бальдуину Банцскому, Эггехарду Аурскому, Имбрикону Михельфельдскому, Вальхуну Эндорфскому, Эрибону Прюфенингскому, Фридриху Генгенбахскому, Эберхарду Шуттернскому, Оттону Штайнскому, Лютгеру Регенсторфскому, Инграму Аниольштайнскому, настоятелям Глайнка и Остерхофена и всей братии, благочестиво подвизающейся под их началом, шлет свое приветствие и желает непрестанно служить воле Божией.

Как только мы, несмотря на недостойность наше, приняли бремя пастырского попечения, то со всем тщанием обратили внимание на то, как устроена монашеская жизнь в подчиненных нашей церкви обителях. И обнаружилось, что все они слишком расслабились, отступив от былой строгости своих порядков. Досадуя на сие и полагая такое положение дел пагубным для вверенного нам управления, мы долго и много трудились, изливая молитвы к Богу, дабы по Божественному провидению, которое не ошибается в своих предначертаниях, сие изменилось к лучшему. Наконец Бог сил (ср. Пс. 79:8; Пс. 83:9), от Коего исходит всякое даяние доброе (ср. Иак. 1:17), призрев на мольбы смиренных (ср. Вульг. Пс. 101:18), даровал всем нашим монастырям преуспеяние в благочинии.

Ибо Он избрал вас подходящими пастырями для Своего стада и приумножил число братьев ваших во святом иноческом житии. Сие зримо явлено на соседней горе Святого Михаила: ведь если прежде мы нашли там не более двадцати братьев, да и тех при весьма ослабленных порядках, то ныне, благодарение Богу, мы видим там свыше семидесяти человек, не считая тех, кто достойно подвизается за оградой обители. Оттого мы, возрадовавшись несказанно, всех вас, начальствующих и подчиненных, в святой любви призываем, смиренно кланяясь в ноги каждому из вас и умоляя в Боге и ради Бога: *поступайте достойно звания, в которое вы призваны* (Еф. 4:1), и пусть преемствующие друг другу братия по праву наследства *в долготу дней* (ср. Вульг. Пс. 22:6) сохраняют здравое благочиние ваше и порядки духовной жизни.

Итак, в память о столь спасительном увещании мы прилагаем декрет, утвержденный нашей епископской властью, который надлежит разослать, переписать и перечитывать в каждой обители. И как мы уже властью Святого Духа обновили и утвердили во всех наших монастырях это духовное воинство монашеского жития — угодное Богу, приятное людям, прославляемое ангелами и страшное для врагов, — так постановляем и решаем и впредь хранить его в целостности и неприкосновенности. Призывая во свидетели Христа и Церковь, мы вверяем его вам, избранным настоятелям и возлюбленным братиям, дабы через вас оно точно так же было передано и всем вашим преемникам. В остальном же благословляем вас во имя Господне. *Ибо свидетель мне Бог, как я люблю всех вас любовью Иисуса Христа* (Флп. 1:8).

Сии сладкозвучные и повелительные слова столь великого отца со всей очевидностью показывают, как искренне и горячо возлюбил он святое благочиние жития монашеского и с каким усердием тщился насаждать его всюду, где только мог, но наипаче в нашей обители. И когда благочиние по его желанию и при благоволении Божиим укоренилось, а братия и числом приросла, и добродетелями, он позаботился, чтобы с необходимым и

подобающим размахом расширить также вещественное здание церкви вкупе со всеми монастырскими постройками — будто услышал, что духовные его чада в любовном единодушии восклицают: *тесно для меня место; сделай мне простор, чтобы мне было где жить* (ср. Вульг. Ис. 49:20).

О, блажен тот, кто, наконец достигнув того, чего так желал — умножения благочестивой братии, — удостоился услышать от Господа слова пророчества Исаиина: *Возведи очи твои и посмотри вокруг: все они собрались, идут к тебе. Живу Я, говорит Господь: всеми ими ты облечешься, как убранством, и наденешь их на себя, словно невеста — свое драгоценное ожерелье* (Вульг. Ис. 49:18). Ибо как было ему не радоваться и с благодарностью не ликовать пред Господом, видя, как не только из соседних, но и из множества отдаленных краев собираются к месту его излюбленного упокоения (ср. Вульг. Пс. 131:14) мужи знатные и мудрые, искушенные в различных науках!

Ибо именно добрая слава о нем, распространившаяся среди всех чад Церкви, а также неустанная молитва, подкрепляемая щедрой милостью, и привлекли их туда. Такими-то преданнейшими сынами украсился он, словно прекрасными цветами, и ими, как ожерельем, нарядился (ср. Вульг. Ис. 49:18). Ибо как здесь, в сей земной жизни, они всякое его действие и начинание предворяли и сопровождали искреннейшими молитвами, так и после, во славе воскресения, окруженный славным сонмом чад своих, выйдет он в свете зажженных светильников (ср. Вульг. Мф. 25:1) навстречу Царю царей (ср. Откр. 19:16). Там и сыновья будут вечно радоваться славе своего отца, и отец — спасению своих чад.

Впрочем, рассказав об этом в качестве отступления, вернемся к ходу нашего повествования и откроем потомкам, какова была причина разрушения старого монастыря и в чем заключалась надобность возведения на его месте нового, куда более обширного.

21 (22).

В год Господень 1117, в третий день до январских нон [3 января], на отдание праздника святого апостола Иоанна за грехи людские случилось великое землетрясение. Произошло оно в среду, на исходе лунного месяца, в вечерний час, и сбылось пророчество: *«ополчится за него мир против безумных»* (Вульг. Прем. 5:21). От этого землетрясения здание нашей церкви, которое и прежде от ветхости было все в трещинах, содрогнулось так сильно, что огромный камень, венчавший фронтон святилища, внезапно рухнул, грозя разрушить всю обитель. Всех охватил великий ужас, и братия бросилась бежать. И всё же, дивное дело, хотя выпал этот великий камень, скреплявший собою весь свод, само здание храма, зияя страшными разломами и грозя неминуемым обрушением, осталось стоять неколебимо; так пребыло оно до окончания пасхальных торжеств, когда по велению честного Оттона было разобрано до самого основания.

С этого времени началось возведение нового храма, которому предстояло стать куда более обширным. И блаженнейший отец Оттон, горя желанием ускорить работы, пошел на столь щедрые траты, что подобное расточение денег у всех вызывали изумление, а у многих — еще и зависть.

Ибо как-то раз, когда он находился в замке Поттенштайн, деньги на постройку иссякли, и вернейший казначей епископа по имени Эрбон — преданный благодетель обители Святого Михаила, который впоследствии просиял здесь в святом иноческом житии, — спешно отправился к архиерею и доложил ему об этой нужде. Оттон тотчас же

пожертвовал Святому Михаилу сто марок серебра и, не терпя промедления, велел ему возвращаться. И тот, преисполненный сокровищем благочестивой воли, а ведь нет дара богаче, который можно было бы принести Богу, возвратился с такой дивной и преданной поспешностью, что в тот же самый день возложил упомянутый вес серебра на алтарь Святого Михаила, словно самое угодное всесожжение (ср. Вульг. Лев. 1:9). И так он побудил строителей продолжать начатое дело с неослабной добросовестностью и прилежностью.

Итак, когда храм, воздвигнутый, как мы видим, в форме креста по замыслу самого заказчика, был уже завершен, Оттон оставил его освящение на усмотрение братии, ибо у него с ними было *одно сердце и одна душа* (Деян. 4:32). Он велел им назначить определенный день, в который по общему согласию надлежало бы совершить это великое торжество. И вот они, долго обсуждая это между собой, по совету достопочтенного и ученейшего отца Вигнанда, о котором мы расскажем во второй книге сего труда, пришли к единодушному решению: преславное освящение должно состояться в сентябрьские календы [1 сентября].

Было это весьма сообразно и правильно: во-первых, ради заступничества блаженного Эгидия, чьим рождением для небес прославлены сентябрьские календы, а во-вторых, день этот почитается издревле, и, как известно, отмечался особым торжеством по священным установлениям Моисеева закона. Ибо так написано в книге Левит, где Господь говорит Моисею: *«В седьмой месяц, в первый день месяца... Я Господь, Бог ваш»* (ср. Вульг. Лев. 23:24, 43). И также в книге Чисел: *«В первый день седьмого месяца... [приносите] благоухание, приятное Господу»* (Вульг. Чис. 29:1–2), и прочее, что изложено там об обряде жертвоприношений, кои ныне таинственно совершаются в Церкви.

Впрочем, закон предписывает отмечать священным празднеством также десятый и пятнадцатый дни того же месяца: в эти дни не должно делать никакой работы (ср. Вульг. Лев. 23:25, 35) и надлежит приносить Господу торжественную жертву; однако сейчас речь не о них. О праздновании же сего святейшего дня Ориген говорит так: *«В первый день седьмого месяца наступает праздник труб... [Первосвященник входит,] молясь за грехи тех, кто его ожидает»* (Ориген, *Гомилии на книгу Левит*, 9, 5). Таковы слова выдающегося учителя Оригена. В другом месте об этом торжестве, выпадающем на первый день седьмого месяца, он также говорит: *«Подобно тому, как среди дней каждый седьмой день соблюдается как суббота, [так и седьмой месяц...] главенствует над ними как день праздничный»* (Ориген, *Гомилии на книгу Чисел*, 23, 9-11).

Эти выдержки из творений столь великого учителя, который в той части своего учения, что признана Церковью, не имеет себе равных после апостолов, мы привели здесь ради прославления сего святейшего празднества. Оно является матерью прочих торжеств и весьма подобающим образом совершается в первый день седьмого месяца. День этот был преславно чтим еще в ветхом законе, а ныне, во время новой благодати, он украшен еще и днем небесного рождения несравненного отца Эгидия, который служит достолюбезной пристанью и верным прибежищем для всех скорбящих. Итак, это радостнейшее торжество надлежит чтить со всем духовным благоговением тем усерднее, чем сладостнее предвосхищает оно образ и тень того небесного освящения (ср. Евр. 8:5; 10:1), где Истинный Первосвященник Христос (ср. Евр. 9:11), завершив Свой храм, который Он от начала мира и до скончания века воздвигает из живых и избранных камней (ср. 1 Пет. 2:4-5), совершает достожеланное и никогда не преходящее торжество. И это преходящее земное освящение побуждает всех чад Церкви вздыхать по оному небесному торжеству и искренне стремиться к нему всем сердцем. Но вернемся уж к ходу нашего повествования.

Итак, выслушав посланников от своих духовных чад, кои единодушно просили совершить освящение в сентябрьские календы [1 сентября], всечестной отец Оттон счел это вполне уместным и разумным. Однако было одно обстоятельство, которое заставляло его повременить с согласием и вызывало некоторые возражения: он опасался, как бы не прекратился обычный многолюдный поток богомольцев к капелле блаженного Эгидия, построенной им при странноприимном доме и нежно им любимой, ведь все, привлекаемые радостью столь великого торжества, несомненно устремились бы на гору Святого Михаила. А потому он заявил, что ни за что не пойдет на это без соизволения и просьбы Ульриха, благочестивого иерея оной церкви.

И вскоре Ульрих, понуждаемый к тому духовным отцом Вигнандом, который с особым вниманием руководил всеми предстоящими торжествами, пришел к епископу и, приводя благоразумные доводы, стал заверять его, что предстоящее освящение несколько не повредит капелле святого Эгидия, а напротив, лишь преумножит почтение и благоговение к ней. Одобрив эти рассуждения, всечестной пастырь наконец согласился. И с отеческой нежностью велел передать достопочтенному аббату Вольфрамму и всей братии, что с величайшей готовностью и любовью исполнит их желания как в этом, так и во всех прочих делах.

22 (23).

Но когда приблизился тот святейший день, Высший Судия, Который *кого любит, того обличает и наказывает* (ср. Откр. 3:19; Евр. 12:6), поразил сего блаженнейшего отца столь тяжким телесным недугом, что, совершенно лишившись телесных сил, он слег и был вынужден отложить всякие помыслы о предстоящем освящении храма. Услышав об этом, все были поражены великой печалью и тревогой, всех окутало *облако и мрак* (ср. Пс. 96:2) печали. И как учит нас само естество: если изранена голова, то мучительной болью терзаются и прочие члены, — так и преданная паства чувствовала болезнь честного пастыря своею. Единственным средством в таковых горестях им осталось обратиться к Богу всем сердцем (ср. Иоил. 2:12), и посему они со слезными воздыханиями свершали жертвы евхаристические, раздавали милостыню и непрестанно испрашивали для епископа здравия и исцеления свыше. И так продолжалось до тех пор, пока Господь, *призрев со святой высоты Своей* (ср. Вульг. Пс. 101:20), не благоволил услышать вопли и стоны бедняков Своих (ср. Вульг. Пс. 11:6; Иов 34:28).

И вот, пока братия с такой неотступностью возносила свои мольбы и обеты, стучась в уши Божественного милосердия, в один из дней любезный отец, почивая после полудня в замке Поттенштайн, увидел прекрасного юношу — а был то на самом деле ангел Божий. С радостным ликом стоял он у его ложа и с великим веселием пел антифон: «*В дом Господень с радостью пойдем*»¹. Тотчас же проснувшись, Оттон почувствовал себя совершенно здоровым и невредимым и сразу понял, что предвещало сие видение.

Призвав же своего капеллана Зифрида, он поведал ему о видении и велел как можно скорее возвестить об этом аббату Вольфрамму, а также усердно приготовить всё необходимое для грядущего освящения. Братия приняли эту радостнейшую весть как ответ от Самого Бога, и печаль их обратилась в радость, а скорбь — в веселие (ср. Иер. 31:13; Ин. 16:20). И все они, вознося к небесам подобающую хвалу не только гласом уст, но и ликованием сердца, с пламенной надеждой стали ожидать радости превеликого торжества.

Итак, в год Господень 1121, в индиктион 14, в сентябрьские календы [1 сентября] монастырь Святого Михаила на Бамбергской горе был освящен досточтимым Оттоном,

восьмым епископом сей кафедры. Освящен же он был в честь вышеупомянутого архангела и святого Бенедикта аббата, как от основания монастыря и было определено.

---

¹ Антифон «*In domum Domini laetantes ibimus*» (иногда с добавлением *Alleluia*) традиционно использовался в чине освящения церкви (*Dedicatio Ecclesiae*) или при торжественном входе епископа в храм.

КНИГА ВТОРАЯ

1.

Итак, когда мир уже состарился и день века сего стал клониться к вечеру, милостивый Бог по снисхождению своему постановил просветить сиянием веры поморян (Romeganos), дотоле поработанных языческими заблуждениями. Ибо, согласно Писанию, «*во всех народах прежде должно быть проповедано Евангелие*» (Мк. 13:10), и посему предназначил Бог для них достойного слугителя Слова — а именно благочестивого епископа Оттона.

Ибо он, всецело посвятив себя приобретению душ (ср. 1 Кор. 9:19), возвеличился, как *утренняя звезда среди облаков и как полная луна во дни свои* (ср. Вульг. Сир. 50:6), и просиял среди своих братьев-епископов, *словно солнце сияющее* (ср. Вульг. Сир. 50:7). Желаящим знать, что послужило поводом к этому его апостольству, я открою то, что слышал из уст раба Божия Ульриха — священника церкви блаженного Эгидия, которую построил тот же честной Оттон. Зная достопочтенную зрелость Ульриха и его веру, испытанную пред Богом и людьми, я твердо полагаюсь на его слова, как если бы видел всё рассказанное им собственными глазами.

Итак, поведал он, что был некий епископ дивной святости и учености, Бернгард по имени, испанец по происхождению, однако избранный в архиереи и посвященный в Риме. Некоторое время он вместе с другими слугами Божиими вел отшельническую жизнь. Но когда в Риме был низложен один впавший в заблуждение епископ, Бернгарда по мановению Божию из пустыни забрали и поставили на его место. Видя же, что его церковь раздираема ужасным расколом (ибо одна часть паствы благоволила ему, а другая — низложенному епископу), он, как муж благоразумный и ученый, рассудив, что в разделении умов нет Бога, понял, что в такое время, когда дни лукавы (ср. Еф. 5:16), надлежит отступить. Сложив с себя пастьерское попечение, он помышлял возвратиться в пустыню, словно повторяя вместе с Афанасием¹: «*Если из-за меня эта буря, возьмите меня и бросьте в море*» (ср. Вульг. Иона 1:12)

Услышав же, что Поморье всё еще предано языческим заблуждениям, он, вооружившись ревностью о благочестии, направился туда ради евангельской проповеди. Он желал либо через веру присоединить этот народ к Католической Церкви, либо пасть там за Христа славной мученической смертью. Ибо жизнь нынешнюю он презирал и жесточайше усмирал плоть свою (ср. 1 Кор. 9:27), так что, довольствуясь сухой и скудной пищей, никогда не пил ничего, кроме одной лишь воды.

Итак, прибыв к польскому князю (Болеславу III Кривоустому), Бернгард был принят с почестями, как слуга Божий. Когда же он изложил цель своего путешествия, князь благосклонно ответил, что искренне сорадуется пылу столь святого его желания, однако свирепость того народа столь велика, что они куда охотнее предадут его смерти, нежели

примут иго веры (ср. Мф. 11:29–30). На это епископ с твердостью отвечал, что ради того он и отправился в путь, дабы, если потребуется, без малейших колебаний принять смертный приговор из любви Христовой. Весьма обрадованный таким ответом, князь дал ему, как тот и просил, толмача и проводника, пожелав ему благопоспешения свыше.

Он же, храня смирение и нищету даже в епископском сане (ибо знал, что царство диавола разрушено не могуществом, но смирением Христовым, и что вдоволь богат тот, кто беден вместе со Христом), в убогом одеянии босиком вступил в город Волин (Iulin), где стал неустанно рассеивать семена католической веры. Жители же, презирая его за один только вид (поскольку они умели *судить* лишь *по наружности* (ср. Ин. 7:24)), принялись выспрашивать, кто он таков и кем послан. А он объявил себя слугою истинного Бога, Творца неба и земли, посланным от Него ради того, чтобы обратить их от идолопоклоннического заблуждения на путь истины.

Они же с негодованием отвечали: «Как можем мы поверить, что ты посланник Всевышнего Бога? Ведь Он исполнен славы и всякого богатства, а ты так жалок и нищ, что у тебя нет даже обуви. Мы не примем тебя и слушать не станем! Всевышний Бог никогда не отправил бы к нам такого убогого посланца. Если Он вправду желает нашего обращения, то посетит нас через служителя, достойного Его могущества. Ты же, коли жизнь дорога, убирайся поживее туда, откуда пришел, и не смей в оскорбление Всевышнему Богу называть себя Его посланником! Ты ведь притащился сюда только ради того, чтобы облегчить свою нищету».

Бернгард же, не устрасаясь, а перед лицом их угроз еще более в решимости своей укрепившись, молвил: «Если вы не верите моим словам, то *поверьте хотя бы делам* (ср. Ин. 10:38). Подожгите какой-нибудь дом, от старости развалившийся и ни на что уже не годный, а когда разгорится, меня внутрь бросьте. И если, когда дом сгорит дотла, я выйду из пламени невредимым, то знайте: я послан Тем, Чьей власти подчинен огонь и всякое творение, и Кому все стихии покорны».

Услышав это, *жрецы и старейшины народа* (ср. Вульг. Мк. 14:53; Лк. 22:66) долго между собой посовещавшись, молвили: «Этот человек безумен и впал в отчаяние! Доведенный до крайности великой нуждой, он ищет смерти и сам на нее напрашивается. Более того, обманывая нас своим изощренным коварством, он мстит за то, что мы его отвергли, желая погибнуть не иначе как погубив и нас. Ведь совершенно ясно, что если поджечь один дом, то неизбежно сгорит и весь город. А потому нам надобно побережиться и не слушать этого сумасшедшего. Совсем не с руки нам убивать бродягу этого босоногого. Ведь сколько-то лет тому назад наши братья пруссы убили некоего Адальберта², проповедовавшего нечто подобное, и с тех пор их постигли всевозможные скорби и бедствия, а всё их достояние обратилось в ничто. Так что, если мы хотим поступить благоразумно, давайте без всякого членовредительства выдворим его из наших пределов и, усадив на судно, заставим отплыть в другие земли».

Тем временем слуга Божий Бернгард, пылая любовью к мученичеству, схватил топор и попытался срубить колонну дивной величины, посвященную Юлию Цезарю (от имени которого город Волин (Iulin) и получил свое название)³. Язычники, не стерпев этого, в ярости набросились на него и, жестоко избив, оставили полумертвым. Но когда они удалились, к слуге Божию подбежал капеллан его по имени Петр и подал ему руку. С его помощью Бернгард поднялся на ноги и, собравшись с силами, как ни в чем не бывало снова стал возвещать народу слово спасения.

Жрецы же, силой вырвав его из гущи народа, усадили вместе с капелланом и толмачом в лодчонку, приговаривая: «Уж коли у тебя такая ненасытная жажда к проповеди, то проповедай рыбам морским да птицам небесным! И смотри не смей больше являться в наши пределы! Ибо нет здесь никого, кто бы тебя принял, *нет ни одного*» (ср. Пс. 13:3). Бернгард же, согласно евангельской заповеди отряхнув прах с ног своих на них (ср. Мф. 10:14; Мк. 6:11; Лк. 9:5), возвратился к польскому князю и не без слез поведал ему о случившемся.

На это князь молвил: «Разве я не предсказывал тебе с самого начала, что поморяне ни за что не примут веру? Оставь же попытки испытывать их собачье безумие, ибо они нечестивы и недостойны слова спасения (ср. Деян. 13:46)». Епископ же отвечал: «Они суть люди душевные и совершенно не ведают о дарах духовных (ср. 1 Кор. 2:14); а потому судят о человеке не иначе как по его наружности (ср. 2 Кор. 10:7; Ин. 7:24). И хотя меня они отвергли из-за скудости моей нищеты, однако если к ним придет какой-нибудь могущественный проповедник, чья слава и богатство вызовут у них уважение, то, надеюсь, они добровольно примут благое иго Христово» (ср. Мф. 11:29-30). Итак, князь, с должным почтением дав слуге Божию отдохнуть у себя несколько дней, снабжал его всем необходимым для поддержания жизни телесной, а сам из уст его собирал в свое сердце пищу для жизни вечной.

Ибо и достопочтенный пресвитер Геймон, каноник церкви святого Иакова, оставивший нам множество достопамятных трудов, несущих печать его даровитости, многому научился у сего раба Христова в искусстве счисления⁴, которое прежде в книгах обычных компутистов представлялось ему туманным и запутанным, если не сказать ошибочным. К тому же он тщательно исследовал вместе с ним годы от сотворения мира вплоть до страстей Христовых, а затем и лета Господни вплоть до нашего времени; ибо знал, что их счисление у обычных хронографов никоим образом не согласуется с евангельской истиной и достоинством.

Посему и сам достопочтенный брат наш Геймон, писатель дивный, в прологе к одной из своих книг, рассказывая о Бернгарде, среди прочего молвит: «Благословен Бог всемогущий, даровавший мне через этого человека услышать и познать многое, чего я прежде не ведал; и не только о хронологических вычислениях, но и о таинствах и правилах соблюдения пасхалии, да и о всяком недоумении, какое только возникало в наших беседах».

Также и благочестивый иерей церкви святого Эгидия Ульрих, которого человек Божий Бернгард удостоил своей дружбы, на вопрос его о том, каков наш устав и как устроено монашеское житие, ответил, что хотя прежде порядки в киновии были наподобие Аморбахских, сиречь расслабленными и далекими от иноческих, однако блаженный предстоятель Оттон через возлюбленного отца нашего Вольфрамма, десятого аббата сей обители, учредил здесь духовный и богоугодный чин Хирзауский. И с той поры по благодати Божией подвиг монашеский в сей киновии усовершеншился настолько, что Христово благоухание наполняет теперь всю обитель.

Услышав это, епископ Бернгард, обе длани к небу простерши, со слезами воздал благодарение Богу и впредь с величайшей любовью почитал сию обитель. Ибо, представ перед собранием братии, он даже сложил с себя архиерейские ризы и принял монашеское облачение. Своими отеческими советами он приносил достопамятному аббату Вольфрамму столь великое духовное назидание, что тот премного благодарил иерея Ульриха за то, что он свел его со столь вожделенным мужем.

Среди прочих советов, исполненных благочестия и благоразумия, он также часто давал нам увещание: если когда-либо доведется избирать здесь пастыря, мы должны в непрестанных молитвах и постах горячо просить Бога, дабы Он открыл нам достойного человека; и дабы мы твердо усвоили, что никто иной, кроме мужа, указанного Божественным откровением, не сможет во всём послужить ко благу нашей обители.

---

¹ Здесь ошибка автора: эти слова произнес на Константинопольском соборе св. Григорий Богослов. – прим. ред.

² Св. Адалберта (Войцеха) Пражского, замученного в 997 г.

³ Скорее всего, Бернгард пытался срубить священный славянский столб или главного идола города. Хронисты XII века, будучи людьми учеными, стремились облагородить историю региона и связывали непонятные им древности с именами великих римлян. Так славянский языческий объект превратился в «колонну Цезаря». Утверждение, что название города (Юлин) происходит от имени Юлия Цезаря – типичная для средневековья «ученая» этимология, пытающаяся привязать варварские земли к римской истории для повышения их престижа. Славянское название Волин первично.

⁴ Под *computus* (лат. «счисление») в средневековых текстах понимается методика церковного счета, а под *computistae* — специалисты по церковному календарю, прежде всего по вычислению даты Пасхи (*computus paschalis*) и связанных с нею подвижных праздников. Эта дисциплина сформировалась в поздней античности в связи с необходимостью унификации пасхалии в христианских общинах, особенно после решений Первого Никейского собора. Ранняя традиция пасхальных вычислений была тесно связана с Александрийской церковью, где использовались развитые астрономо-математические методы. На латинском Западе особое значение компутистика приобрела в монастырской среде Британии и Ирландии в VII–VIII вв.; классическим изложением дисциплины стал трактат *De temporum ratione* Беда Достопочтенного, оказавший определяющее влияние на образовательную практику. В эпоху Карла Великого *computus* вошёл в круг обязательных знаний клирика и преподавался в рамках квадривиума как прикладная дисциплина. Компутистика основывалась преимущественно на использовании табличных циклов (прежде всего 19-летнего лунного цикла) и арифметических правил, а не на непосредственных астрономических наблюдениях, поэтому точность её практического применения могла варьироваться.

2.

Итак, наслышанный о славной его святости и о необычайном в наши дни пыле к проповеди среди язычников, честной Оттон принял его с должным почтением и принялся с любопытством расспрашивать обо всей истории его странствия и о состоянии поморянского народа. Когда же всё это было изложено, Бернгард, чувствуя, что честной Оттон готов ко всякому доброму делу (ср. 2 Тим. 2:21; Тит. 3:1), стал убеждать его, словами своими как бы подливая масло в огонь: «Что до меня, досточтимый отче, то, памятуя слово Господа, посылающего учеников на проповедь: „Не берите ни мешка, ни сумы, ни обуви“ (Лк. 10:4), я приступил к евангельскому деланию в таком крайнем уничижении и

нищете, что даже обуви решил не носить. Однако народ тот, подверженный крайнему неразумию и совершенно не ведающий истины, видя скудость мою и жалкое одеяние, возомнил, будто я прибыл к ним не из любви ко Христу, а единственно по крайней нужде. А потому они, с презрением отказавшись слушать слово спасения (ср. Деян. 13:26) из уст моих, отвергли меня.

А посему, достолюбезный отче, если желаешь ты стяжать хоть какую-то прибыль для Христа в грубых сердцах этих варваров, надлежит тебе отправиться туда, взяв с собой благолепную свиту из сподвижников и слуг, а также побольше яств и роскошных одежд. И тогда те, кто с жестоковейно отверг иго смирения, убоявшись славы богатства, покорно склонят свои шеи. Также надлежит тебе остерегаться, как бы не покуситься на что-либо из их добра. Напротив, если они и предложат тебе что-то, воздавай им бóльшим, нежели примешь, дабы через это они уразумели, что ты взялся за евангельское дело не ради гнусной корысти (ср. 1 Пет. 5:2; 1 Тим. 3:8), но единственно из любви Божией. *Будь тверд и мужествен* (Иис. Нав. 1:6); ибо ты введешь великое множество народа в истинную Землю Обетованную (ср. Втор. 31:7). И пусть не страшит тебя этот тяжелый и непривычный труд, ибо чем тяжелее битва, тем славнее будет венец».

От этих увещеваний блаженного мужа сердце честного Оттона раскалилось, подобно железу в огне. И не было с тех пор для него ничего дороже, чем ради Христа взять на себя тяжкое бремя сего странствия. Бернгарда же тем временем разыскивали по многим землям его братья-отшельники. С трудом найдя его наконец у нас, они с радостью и изумлением великим возвратили его в свою обитель.

Вот по какому случаю честной Оттон отправился в Поморье с евангельской проповедью. А о том, как именно это происходило и какой плод он там принес, мы, с Божией помощью, изъясним далее.

3.

Зная же, что всё в доме обращается в ничто без распоряжения верховного отца семейства, он рассудил, что к столь трудному делу ни в коем случае не следует приступать без благословения Римского понтифика. А потому, направив к апостолику Каликсту почтенных послов, он испросил у него дозволения проповедовать Евангелие поморянам. В то же самое время он освятил церковь во имя святой Вальбурги девы на Альтенбургской горе.

И там впервые открыл он благочестивому иерею Ульриху свое твердое намерение отправиться к язычникам, сказав:

«Хотя в здешних краях на мне лежит множество дел, как общественных, так и частных, однако *любовь Христова* побуждает меня ради распространения славы Его имени без колебаний взять на себя тяжкое бремя странствия к поморянам, дабы либо обратить идолопоклонников на стезю истинной веры, либо самому принять смерть ради Того, Кто благоволил безвинно претерпеть ее ради нас. А потому прежде всего мне надлежит взять себе спутников и соратников, исполненных того же пыла и твердости, которые, поправ надежды века сего, были бы готовы претерпеть ради Христа даже смерть, если она на нас обрушится. Для этого дела я считаю наиболее подходящим тебя, дражайший брат и сопресвитер, а также Верингера, священника из Эренбаха, мужа, украшенного премудростью и благочестием. Вдобавок мы можем взять толмачом Адальберта, который немного понимает варварский язык. Итак, взяв себе на размышление об этом

семь дней отсрочки, приготовь душу свою, подобно доброму атлету; а после ответь мне то, что внушит твоему сердцу Дух Святой».

На это Ульрих, немного поразмыслив про себя и воспламенившись сокровенным огнем Божественной любви, молвил: «Будем считать, отче мой, что семь дней отсрочки уже миновали; и то, что ты услышал бы от меня тогда, прими, как ты того желаешь, прямо сейчас. Ибо, говоря словами блаженнейшего князя апостолов: с тобою я готов и в темницу, и на смерть идти (Лк. 22:33)».

Услышав это, честной Оттон со слезами воздал благодарение и сказал: «Теперь я с радостью приступлю к этому трудному делу, ибо благодать Святого Духа коснулась твоего сердца и столь горячо воспламенила его к сему подвигу. Итак, объявляю тебе: я решил как можно скорее достроить и освятить недавно возведенную мною церковь св. Веры, ибо неведомо, суждено ли мне будет вернуться. А тотчас же по завершении освящения я намерен без колебаний приступить к евангельскому деланию. А пока возьми у меня деньги и приобрети себе одежды и всё необходимое. Ибо по совету блаженного мужа Бернгарда нам надлежит отправиться к поморянам не в скудости, но в изобилии как одежд, так и пропитания. Иначе, обнаружив нашу крайнюю нищету, они станут насмехаться, будто мы прибыли туда не из ревности о правде, а лишь ради облегчения собственной нужды, и, отвергнув слово спасения, изгонят нас из своих пределов, как отвергли и того слугу Божию. Приищи же себе и слугу, верного и усердного в служении, которого сочтешь пригодным для сего труда».

Тогда Ульрих ответил: «Есть один юноша, состоящий в чине клирика, по имени Зигфрид — умом острый, деятельный и верный. Он будет всегда под рукой, когда в пути явится нужда писать письма, и не поленится. По моему рассуждению, он пригоден для этого путешествия, и я предлагаю его твоей, отче, любви». Честной Оттон с благодарностью принял это и молвил: «Правильно ты рассудил. Отныне по твоему совету он займет первое место среди моих приближенных».

Итак, после того как церковь св. Веры была освящена и всё необходимое для пути собрано, когда настало уже время выступить, Ульриха, слугу Божию, внезапно свалила лихорадка. Случилось же это потому, что служительницы Христовы Бертрада и Вендельмут вместе с прочими сестрами, коими тот богоугодный иерей безупречно руководил в Бамберге словом и примером, непрестанными молитвами к Богу и слезами удержали его здесь. Ибо Божественное милосердие, несомненно, приклонило свой слух к их мольбам, так как они в ту пору с величайшим благоговением повиновались его наставлениям. Но благочестивый Оттон, невероятно его болезнью опечаленный, ради него задержался в Бамберге на три дня сверх назначенного срока. Ежедневно он и сам его навещал, и своих учеников посылал, с отеческой заботой вызнавая, не появились ли какие-либо признаки выздоровления. Однако, поскольку муки не прекращались, а, напротив, по мановению Божию с каждым днем лишь усиливались, человек Божий, не без тяжкой скорби оставив избранного спутника своего странствия на одре болезни, пустился в путь вместе со своими соратниками. Зигфрида же, юношу доброго нрава, он ради любви к его честному воспитателю Ульриху принял в свою свиту, и с той поры неизменно лелеял его с глубокой сердечной привязанностью.

Прибыв же в Михельфельдскую киновию, недавно им воздвигнутую, он с еще большим усердием предался молитвам и раздаче милостыни о здравии своего близкого друга. В той обители он вновь задержался на три дня, то и дело отправляя к слуге Божию вестников с призывом: если по милосердию Божию телесные силы его хоть немного окрепнут, пусть он поспешит туда и присоединится к нему. Но поскольку того по-

прежнему мучил непрерывный недуг, честной Оттон, еще ревностнее помолвившись блаженному апостолу Иоанну, небесному заступнику этого монастыря, продолжил начатый путь.

Многие же из клира и челяди Бамбергской церкви, влекомые безмерной любовью к всечестному отцу своему, последовали за ним в Михельфельдскую обитель, желая хотя бы еще немного насладиться его любезным присутствием и вождленным красноречием его сладостнейшего учения. Воспламеняя их спасительными увещаниями к хранению мира и братского единомыслия, он питал их от сосцов отеческого утешения (ср. Ис. 66:11), говоря среди прочего: «Поскольку ради любви Христовой я желаю взять на себя тяжкое бремя сего путешествия и стяжать хоть какую-то прибыль для Христа (ср. 1 Кор. 9:19) в отдаленных варварских пределах, то мир оставляю вам, мир, повторю ещё раз, поручаю вам (Ин. 14:27).

Итак, если вы задумаетесь, сколь велика добродетель мира, то осознаете, с каким усердием вам надлежит её пестовать. Ведь именно мир наш Господь и Искупитель, шествуя на смертные муки, благоволил оставить и даровать Своим ученикам как несравненный и драгоценный залог (ср. Ин. 14:27), дабы через него в благодном единении соделать Своими сопричастниками тех, кто был привязан к Нему твердостью веры. Ведь написано: „*Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими*“ (Мф. 5:9). А посему всякий, кто желает стать наследником Отцу своему (ср. Рим. 8:17), пусть не отказывается быть Ему сыном, сохраняя мир».

«Ибо тот, кто дает место раздору, поистине сам лишает себя столь великого дара. Итак, если есть в вас хоть сколько-нибудь ревности о Божественной любви, хоть сколько-нибудь милости ко мне, убогому, *старайтесь иметь мир со всеми* (ср. Евр. 12:14) — как дома, так и вне его; и со своими, и с чужими творите то, что служит к миру и любви (ср. Рим. 14:19). С искренним устремлением благой воли возвращайте гостеприимство, *заботясь о добром не только пред Богом, но и пред всеми людьми* (ср. 2 Кор. 8:21)». Это и подобное он внушал им на протяжении трех дней, и наконец простился с ними, словно бы без надежды увидеться снова. С вящим усердием помолясь за них Христу, он со слезами, свидетельствовавшими о его отеческой любви, отпустил их обратно в их обитель.

Когда же он выступил в путь, чтобы продолжить намеченное путешествие, среди всех сынов его поднялся столь великий плач и такой невероятный стон, что словами не выразить. Ибо, будучи теснейшим образом связаны с ним *совокупностью совершенства, сиречь любовью* (ср. Кол. 3:14), они рыдали так, будто несравненного их отца вырывали у них вместе с сердцем из груди; так, словно несли они к могиле гроб своего возлюбленного кормильца. Так, со слезами и жалобными стенаниями провожая его, они последовали за ним за пределы Михельфельда. Он же, обращаясь к ним, с пастырской властью и священнической степенностью всеми силами старался рыдавших утешить.

Итак, выступив в путь вместе со своей благолепной свитой, на следующий день он был приглашен знатным мужем Гебхардом Вальдекским освятить его церковь, каковую честной Оттон освятил с величайшим благоговением и с подобающим Божественному служению торжеством. Продвигаясь далее, он освятил и другую церковь, а именно в Фоэнштраусе, что в епархии достопочтенного Гартвика, епископа Регенсбургского, разумеется, с дозволения и по просьбе самого владыки. Там огромная толпа народа, насчитывавшая до шести тысяч человек и более, выйдя ему навстречу, смиренно умоляла о благодати святого миропомазания. Обретя её через вождленное возложение

его рук, люди дивным образом исполнились радости о Господе и с вящим усердием стали умолять Божественное милосердие о долголетьи для столь великого отца, а также о благополучном исходе его путешествия. Ибо он обрел величайшую милость у Бога и людей (ср. Лк. 2:52), так что все с жаждущим сердцем спешили увидеть его достопочтенные седины и лик, подобный ангельскому (ср. Деян. 6:15), почитая за великую радость облобызать не только его честные руки, освященные непрестанной и щедрой раздачей милостыни, но и следы стоп его.

После этого он прибыл в Кладрубский монастырь, где вместе со спутниками был принят с великим почетом. Ибо князь Богемский Владислав¹ заранее выслал туда навстречу честному отцу своих почтенных послов, дабы они с подобающим благоговейным почтением прислуживали ему и были проводниками, вплоть до самого прибытия его к князю в город Прагу. Там князь вместе со светлой памяти Мегенгардом, епископом того города, а также со всем клиром и народом встретил его с величайшим радушием и преподнес ему богатые дары, которые святитель тотчас же передал на нужды нищих.

Сам же сей избранный Божий архиерей Мегенгард уже издавна был связан с честным Оттоном узами необычайно тесного дружества. И ради любви к нему он с дивным благорасположением заботился об этой обители, зная, что Оттон чрезвычайно любит ее. Он осыпал её великими благодеяниями и, выказывая искреннюю преданность ей, учредил здесь вечное поминовение своей годовщины, что, как видно, соблюдается и по сей день.

Продолжив путь, честной Оттон направился в Садское аббатство, а оттуда свернул к реке Лабе. В этих краях князь Богемский Владислав повелел приготовить для него надежные места для ночлега вплоть до самой польской земли. Там же новому апостолу наших дней вышли навстречу послы достопочтенного Болеслава, князя польского, которые дали ему проводников и в изобилии обеспечили его пропитанием до самой Гнезненской митрополии.

Так он прибыл во Вроцлавскую епархию, где, встреченный с подобающим почетом, задержался на два дня. На третий день он достиг Познанской епархии. Отправившись оттуда и рассеивая по окрестным краям семена веры и благочестия, он спустя без малого две недели добрался до Гнезненской церкви, каковая является митрополией Польши.

---

¹ Речь идет о Владиславе I (Годы правления: 1109–1117 и 1120–1125) — князе Чехии из династии Пржемысловичей. Он вошел в историю как активный покровитель Церкви и монашества. В частности, именно Владислав I в 1115 году основал упомянутый в тексте Кладрубский монастырь. Поддерживал дружеские связи с немецким епископством и Священной Римской империей.

4.

А князь Болеслав, узнав о прибытии человека Божия, заплакал от радости и без промедления вместе со всем клиром и народом вышел навстречу возлюбленному отцу, ступая босыми ногами, и с таким благоговением он принял его, что велел вынести ему навстречу даже своих грудных детей, дабы те облобызали его стопы, и со слезами просил преподать им святое таинство миропомазания, благословив их через возложение рук. Ибо сам князь питал великое почтение к Церкви Христовой, а будучи покровителем бедняков и милосерднейшим утешителем неимущих, он стяжал всеобщую любовь

добродетелью смирения и милосердия и при этом имел обыкновение прилагать куда больше усердия к созиданию общин верных и обитателей для святых, нежели к строительству городов. На целых три недели он удержал при себе в Гнезненской епархии столь любезного ему отца Оттона, поселив его в доме Иакова, препозита кафедрального собора (впоследствии ставшего епископом). Сделал же он это для того, чтобы и сладости его учения отведать, и в изобилии снабдить его всеми средствами, необходимыми для предстоящего пути. Покинув же Гнезненскую епархию, честной Оттон в ближайшем селении был обворован, однако вскоре по указу Болеслава ему всё возвратили. Там же спутники его Герольд и Годабольд, приняв благословение, отбыли восвояси. После этого, ведомый Богом, он благополучно продолжил путь, достигнув самых пределов польской земли.

И когда со своими спутниками он прибыл к некоему замку под названием Уйсьце, что стоит на границе обеих земель, комес Павел, его проводник, выслал вперед вестников к князю поморянскому Вартиславу. Им было поручено возвестить, что в его пределы ради евангельской проповеди вступает слуга Божий Оттон, молва о ком уже весьма широко разошлась среди них, дабы они со всем благоговением вышли ему навстречу как из почтения к его святости, так и признавая духовную власть Владыки апостолика Каликста, чьим посланником он является, и во всем повиновались его наставлениям и предписаниям.

Приняв это извещение, князь Вартислав вышел навстречу отцу Оттону в крепости, именуемой Старгард, и принял его с почетом, словно ангела Господня. Честной же Оттон, преподав ему мир Христов, по обыкновению своему преподнес также дары, а именно — епископское кресло, покрытое дорогой тканью (pallio), и драгоценную накидку вместе с прочими подношениями, уповая, что благами преходящими легче удастся склонить его сердце полюбить и небесные.

Варвары же, по наущению врага рода человеческого и прислужников его, сиречь жрецов своих, в порыве ярости устремившись на служителей Христовых, принялись угрожать им смертью. Увидев это, князь, весьма опечалившись, поспешил к ним со своими людьми. Мужественно встав на защиту христиан, он их немало утешил, хотя они были перепуганы и уже почти впали в отчаяние.

Сверх того князь приставил к честному Оттону своих посланников, кои в течение долгих семи дней вели его через пролежавшую на их пути великую пушу. Там они подверглись страшной опасности от ядовитых тварей, однако, благодаря защите Божией, уцелели.

После этого они вышли к некоему озеру. Там им встретились поморяне, чьих сердец уже коснулся Господь; и так как они сами, по доброй воле взыскали благодати веры и купели спасительной, святитель, плача от радости, присовокупил сии начатки нового стада к Христовой овчарне. На следующий же день он направился в ближайшее селение и там споспешением Господним приобщил к таинству второго рождения еще многих.

---

¹ В XII веке уделение таинства миропомазания (конфирмации) грудным младенцам на Западе было вполне нормальной и распространенной практикой, если рядом находился архиерей. В ранней Церкви крещение и миропомазание всегда совершались вместе, но на Западе таинство миропомазания (через возложение рук — *per manus impositionem*) строго закрепилось за самими епископами. Поскольку епископ физически не мог присутствовать на каждом крещении в своей обширной епархии, миропомазание стало поневоле

откладываться до его пастырского визита. Практика откладывать конфирмацию до «возраста распознавания» (7–12 лет) стала повсеместно утверждаться в Католической Церкви несколько позже, в XIII–XVI веках, и окончательно закрепились лишь после Тридентского собора.

*² Возврат похищенного имущества был обеспечен княжеским *edictum* — властным повелением Болеслава III Кривоустого, а не добровольной уступкой грабителей. В реалиях XII века такой указ означал немедленное приведение в действие административно-карательного аппарата: местным наместникам (каштелянам) и княжеской дружине предписывалось найти виновных и принудить их к возврату похищенного. Механизм этот был весьма эффективен. Местные жители и старосты, как правило, прекрасно знали, кто в их округе промышляет разбоем, а за неисполнение княжеского приказа им самим грозили суровые кары. Розыск, по всей видимости, занял минимум времени. Столь решительная реакция Болеслава объясняется и политическим контекстом: епископ Оттон как высокопоставленный гость миссии находился под личной защитой правителя — в так называемом «княжеском мире» (*pacis ducis*). Ограбление такого лица было прямым вызовом княжескому авторитету, и медлительность в подобном деле была бы недопустима. Латинский источник лаконично констатирует факт: *resuperavit* — «вернул». За этим пассивным глаголом стоит отлаженная машина раннепьястовского управления, которую Галл Аноним в *Gesta principum Polonorum* неоднократно описывает как инструмент поддержания порядка именно через систему каштелянств.*

³ Польский вельможа на княжеской службе, выполнявший военные и представительские функции; аналог западноевропейского графа лишь по социальному рангу, но не по наследственному характеру титула.

5.

На третий день он прибыл к Пыжицам, первой крепости в Поморье. Там, увещевая ее жителей обратиться к вере, он просидел четырнадцать дней. Однако те решительно противились и побуждали слугу Божия перебраться в иные края, заявляя, что не могут принять этот новый закон без указания своей знати и старейшин.

Честной Оттон всецело предался неустанным молениям об их спасении, и жители, тронутые Духом Божиим, Который *дышит, где хочет* (Ин. 3:8), и *кого хочет, милует* (Рим. 9:18), наконец уступили и, склонив выи под благое иго веры, приняли крещение — *все, которые были представлены к вечной жизни* (ср. Деян. 13:48).

Итак, в Рождество святого Иоанна Крестителя он прибыл к великой крепости, именуемой Камень, где находится двор княжеский. Пробыв там долгое время, а именно четырнадцать недель или даже более, он возвел из древесных ветвей церкви, как того требовало тогдашнее младое насаждение веры. Сам он крестил младенцев, а его соратники — стекавшихся ко Христу мужчин и женщин.

Там при катехизации женщин спрашивали, не убивали ли они своих младенцев (ибо по языческой жестокости они имели обыкновение умерщвлять девочек, а мальчиков оставлять в живых), и за сие злодеяние на них налагалась особая епитимья. Итак, мужчины и женщины омывались в святой купели порознь. Вокруг баптистерия, как и подобало, были натянуты завесы, и они были отделены друг от друга столь значительным расстоянием, дабы из этого не возникло никакого повода для соблазна.

6.

Для вящего подтверждения проповеди честного Оттона не замедлило явиться и небесное чудо, рассказать о коем здесь требует сам ход нашего повествования. Ибо в той же крепости Камень жила некая женщина, чрезвычайно знатная и богатая. Обольщенная же наущениями врага рода человеческого, она ни во что не ставила учение благочестивейшего апостола, к ней посланного, и, пренебрегая его словами, не желала им следовать.

Посему, в ряду прочих свидетельств своего презрения и беззакония, в день воскресный, когда все покоились от трудов, она сама вышла в поле жать; и хотя домочадцы возражали ей и пытались её удержать, она с непочтительным и дурацким упорством продолжала начатое дело.

Но милостивый Господь, Который соизволил дать Своим проповедникам обетование, сказав: *Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается* (Лк. 10:16), ради вразумления прочих выступил мстителем и карателем за таковое пренебрежение, явив очевидное чудо.

Ибо когда несчастная женщина, упорно предаваясь нечестивому труду, стала осыпать надменными угрозами своих домочадцев и попрекать их за то, что пренебрегают помощью ей, она внезапно рухнула навзничь, в мгновение ока испустила дух и повергла всех стоявших вокруг в великий ужас.

И вскоре плачущие и вопиющие домочадцы, возложив женщину на погребальный одр, с горестными погребальными обрядами обнесли её кругом по всей крепости. А поскольку каждого ужаснул столь явный суд Божий, народ стал всё более и более утверждаться в христианской вере и благочестии.

7.

Итак, продолжив свой путь, апостол поморян прибыл к великому граду Волину, где река Одра, протекая мимо, образует озеро превеликой длины и ширины¹ и там же впадает в море. Жители же того места были жестоки и нечестивы. Посему честной проповедник, вступив туда с великой опасностью для собственной жизни, вместе со всеми своими спутниками ожидал там неминуемой смерти.

А есть в том краю обычай, чтобы у правителя в каждой крепости был собственный двор и жилище; и всякий, кто укроется в нем, обретает там надежное от врагов прибежище. И вот, вступив туда, честной Оттон предавался молитвам и слезам об обращении народа поморянского; однако всё было тщетно.

Ибо горожане, на горе себе упившись из чаши ярости Божией (ср. Отк. 14:10, 19:15), едва слышав о прибытии слуг Божиих, на следующий же день рано на заре с оружием в руках набросились на них. Напав с дубинами и камнями на проповедников, они пытались их изгнать, крича, что те напрасно прокрались в княжье жилище в надежде обрести там безопасность, ибо по указу богов враги отечества и ниспровергатели древних законов защите этой не подлежат. И так, претерпев многообразные оскорбления и побои, они едва ушли живыми — и то лишь благодаря вмешательству и заступничеству князя.

И, раскинув шатры перед крепостью, они пробыли там семь дней. Каждодневно через посланников обоих князей, а именно Болеслава и Вартислава, они допытывались у волинян, не решили ли те склониться под иго христианской веры. Однако те, обольщенные дурным советом своих жрецов, ни за что не желали принимать глашатая

здорового учения; более того, с бесчестьем изгнав его из своих пределов, они вынудили его направиться к щецинцам.

---

¹ *Щецинский залив*

8.

Случилось также слуге Божию претерпеть в том же месте тяжкое и недостойное его звания поругание, каковое, впрочем, стяжало ему пред Богом еще большую славу вечного воздаяния. Ибо некий поселянин, *сын погибели* (Ин. 17:12), пошел в лес рубить дрова. Возвращаясь с повозкою, нагруженной дровами, он встретился с человеком Божиим в месте, где была огромной глубины грязь. И, вооружившись крайним безумием ярости по наущению владевшего им сатаны, он схватил прекрепкое полено и попытался проломить голову слуге Божию и вышибить ему мозг.

Но так как Господь хранил честного Оттона ради назидания многих, сей нечестивый человекоубийца в святую его макушку угодить не смог. Однако он нанес ему страшный удар между лопаток, отчего святитель ничком рухнул в грязь, и та самая глава, коей надлежало бы воздавать почести за её благоговейную седину, вместе со всем телом оказалась осквернена зловоннейшей грязью. Притом и верный его соратник по имени Гильтан, попытавшись стать на защиту святителя, сам получил удар в руку, заступаясь за истину.

Слуга же Христов, будучи поднят из грязи, воздавал благодарения за поругание, говоря: «Слава Тебе, Господи, ибо даже если большего не суждено, удостоился я принять ради любви Твоей хотя бы один удар!»

Однако Бог не до конца оставил слугу Своего (ср. Пс. 118:8), претерпевавшего столь горькие опасности ради имени Его; более того, Он соизволил ниспослать ему знатного мужа по имени Недамир, дабы тот стал ему защитником и *помощником в скорбях и в нуждах* (Пс. 9:10). Ибо этот Недамир славился среди своих соплеменников великим богатством и могуществом. Будучи ранее крещен в Саксонии, он оставался тайным христианином.

Он оказывал честному Оттону всяческую милость и защиту, а когда святитель отбыл, проводил его с великим и благоговейным почтением, с радостью снарядив для него три немалых корабля, доверху груженных припасами, и весьма услужливо выделил ему провожатых до самого города Щецина, вплоть до княжеской крепости, а сам под покровом ночи тайно вернулся к своим согражданам-волинянам.

Итак, апостол поморян, пребывая в городе Щецине девять недель в безопасном месте, подолгу и помногу во время и не во время (2 Тим. 4:2) трудился в деле Божиим и в слове проповеди. И наконец, по предваряющему милосердию Божию, он добился обращения дикого народа; а произошло это при следующих обстоятельствах:

9.

Некий Домислав, выдающийся среди щетинцев своей телесной и духовной силой, обилием богатств, а равно и знатностью рода, пользовался у всех таким почетом и уважением, что даже сам князь Поморья Вартислав не осмеливался предпринимать что-

либо без его совета и согласия; напротив, по одному его мановению устраивались все дела, как общественные, так и частные.

Ибо не только бóльшая часть города Щецина, каковой, удерживая первенство среди всех поморянских городов, включает в свою городскую черту три горы, была населена кровными родственниками и свойственниками Домислава, но и в прочих окрестных областях имел он такое великое множество родичей, что вряд ли кто-либо мог бы с легкостью ему противостоять.

Итак, честной Оттон, будучи мужем в высшей степени проникательным, понимал: если он покорит этого человека вместе с его родичами христианской вере, то его примеру последует и весь народ. Посему он всеми силами постарался привязать сего «носорога» ремнем проповеди к борозде (ср. Вульг. Иов. 39:10), дабы тот вспахивал ниву Господню. Но поскольку тот был строптив и легко обуздать себя не давался, Оттон сначала, в отсутствие отца, приобщил к таинствам веры его сыновей, а затем вместе с ними присоединил к овчарне Христовой и их мать.

Услышав об этом, Домислав поначалу сильно вознегодовал на то, что всё это было совершено без его воли и согласия. Уподобившись Савлу, он стал зачинщиком жесточайшего гонения, так что, набросившись на честного Оттона с угрозами, устрашениями и бранью, попытался с бесчестьем изгнать его из тех пределов.

Но апостол поморян преклонял колени пред Богом и со слезами молился, дабы там, *где умножилось беззаконие, стала преизобиловать благодать* (Рим. 5:20), и Домислав проникся одновременно страхом пред Богом и любовью к Нему, словно и к нему обратился горный глас: «Домислав, что ты гонишь Меня? (ср. Деян. 9:4) Давно уж надлежало Мне погубить тебя, но Оттон, слуга Мой, помолился за тебя». Внезапно из волка он превратился в агнца, то есть из Савла — в Павла, и весь заливаясь слезами, в смиренном коленопреклонении склонился пред честным Оттоном, испрашивая у него прощения и «места покаяния» (ср. Прем. 12:10).

Будучи благосклонно принят святителем и получив утешение через его отцовское благословение, Домислав в тайной исповеди открыл, что некогда в Саксонии он уже сподобился благодати крещения, однако, по коварству врага рода человеческого, когда в сей варварской земле на него свалилось такое огромное богатство, он не смог сохранить Христову веру среди идолопоклонников.

И вот теперь, до основания отринув всякое языческое заблуждение, он соделался могущественнейшим защитником той самой веры, с каковой прежде боролся; и, на удивление, исправившись, он принес больше пользы, нежели причинил вреда, пока пребывал в заблуждении. Тотчас же вся его челядь — а именно более пятисот душ — с радостью омылась в купели нового возрождения; но также и его родичи и друзья вместе со своими домочадцами, побужденные его примером, приняли веру.

И так случилось, что, поскольку число верных росло изо дня в день, весь город вместе с прилегающей областью, рассеяв мрак идолопоклонства, просветился сиянием веры. Итак, честной проповедник остался там на всю зиму¹, преподавая благодать крещения стекавшему к нему народу и возводя в подходящих местах церкви, каковые вверял достойным служителям и священникам, заботливо снабжая всякой церковной утварью.

---

¹ 1124–1125 гг.

10.

Но никоим образом не следует обойти молчанием то, каким образом Господь соизволил свидетельством чуда прославить верного Своего работника, мужественно за Него подвизающегося, ведь предрекал Он устами пророка: *Ибо прославляющих Меня Я прославлю* (1 Цар. 2:30).

Две знатные женщины, всё еще опутанные языческим заблуждением, были скованы столь тяжелым недугом, что, совершенно лишившись возможности владеть своими членами, казались уже стоящими на пороге смерти.

К ним явился честной Оттон и возвестил им слово спасения, сообразуясь с их способностью вместить его, и, со святой надеждой уповая на милосердие Христово, он пообещал им, что если они пожелают уверовать и креститься, то обретут не только исцеление души, но и полнейшее телесное здравие. Когда же те без промедления дали на это свое согласие, слуга Божий, сотворив молитву, возложил на их головы руки, укрепив их крестным знаменем и благословением.

И тотчас боли отступили, а женщины выздоровели. Так, освобожденные от двоякой смерти, сиречь телесной и душевной, по молитвам святителя они с великой радостью возродились в спасительных водах. И для многих они послужили поводом ко спасению и обращению.

11.

Волиняне же, которые недавно прогнали от себя глашатая истины, услышав, что щецинцы приняли веру, по мановению Божию сокрушились сердцем и отправили знатных послов, дабы призвать человека Божия обратно. Увидев их, он, движимый благочестивой ревностью, спросил: «Зачем вы пришли ко мне, человеку, которого вы возненавидели и изгнали от себя?» (Вульг. Быт. 26:27). Они же, в смиренном покаянии испрашивая прощения, отвечали: «Отче достопочтенный, мы не осмелились нарушить древний закон наших отцов и старейшин без согласия знати нашего столичного града Щецина, которую мы глубоко чтим. Но после того как твой Бог через тебя подчинил Себе предводителей наших, мы также готовы, отбросив всякое прекословие, повиноваться твоим наставлениям и принять спасительное учение». Услышав это, предстоятель Господень преклонил колени и воздал благодарение Богу. Отправившись в путь вместе с послами и будучи принят волинянами с подобающим почтением, он открыл заблуждающимся путь истины и, очистив их в таинстве крещения, собрал в усыновленный Богу народ.

И было исчислено, что крестившихся в то время оказалось двадцать две тысячи сто пятьдесят шесть человек. Святой отец вывел на правый путь и научил воздавать *разумное служение* (Рим. 12:1) Богу живому тех, кто из-за неведения Творца и поклонения бездушным тварям *приложился скотам несмысленным и уподобился им* (Вульг. Пс. 48:13). Ибо без познания своего Творца всякий человек есть скот.

12.

Ну и стоит труда привести здесь для сведения потомков также саму летопись его проповедничества, дабы и это не ускользнуло от любознательного читателя. Ибо надлежит высоко ценить таковой пыл любви Христовой и почти неслыханную в нынешние времена духовную ревность его. Тогда как иные архиереи более усердствуют

в строительстве городов и крепостей, нежели церквей или жилищ для Христовых бедняков, и предпочитают, скорее, коснеть в ленивой праздности, нежели отправляться ради евангельской проповеди в отдаленные пределы варваров, у сего же блаженнейшего слуги Божия было совершенно иное расположение сердца.

Никогда не прилагал он усилий к строительству укреплений или городов, повторяя за апостолом: *«Не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего»* (Евр. 13:14). Напротив, с таким усердием и щедростью ежегодно возводил он базилики, Христу посвящаемые, келлии для верных и странноприимные дома, что для всех это служило предметом безмерного изумления и восхищения.

И хотя столь великая занятость богоугодными делами в немецких краях могла бы с легкостью служить ему извинением, освобождая от тяжелой повинности путешествия, однако, не довольствуясь этим, он позаботился простереть и на отдаленнейший народ поморян широту пылавшей в нем святой любви, *излитой в сердце его Духом Святым* (ср. Рим. 5:5), дабы через Евангелие породить там *народ, взятый в удел* (ср. 1 Пет. 2:9), и сынов Божиих, коим он, ликуя вместе с апостолом Павлом, мог бы сказать: *«Ибо кто наша надежда, или радость, или венец славы? Не и вы ли пред Господом нашим Иисусом Христом в пришествие Его? Ибо вы — слава наша и радость»* (1 Фес. 2:19-20), а также *печатъ моего апостольства* (1 Кор. 9:2). Желаящим узнать летопись сего счастливейшего апостольства и само его учение, подкрепленное священной властью, мы изложим их со всей ясностью¹:

«В тысяча сто двадцать четвертый год от воплощения Господня, во второй индикт, когда Римский престол занимал папа Каликст II, Оттон, милостью Божией восьмой епископ Бамбергской церкви, воспламененный огнем божественной любви и подкрепленный священной властью и согласиём вышеназванного апостолика, отправился в пределы язычников-поморян и некоторые города земли лютичей, дабы отвратить их от языческого заблуждения и привести на путь истины и к познанию Христа, Сына Божия.

Когда же с помощью Господней они были обращены и крещены, он воздвиг и освятил для них церкви. Затем, согласно установлениям святых отцов, он научил их соблюдать следующее: а именно, чтобы в пятницу они воздерживались от мяса и молока по обычаю христиан; в день воскресный покоились от всякого дурного дела², приходили в церковь слушать божественную службу и предавались там усердным молитвам; чтобы праздники святых вместе со всенощными бдениями соблюдали со всяким тщанием, сообразно тому, как им будет указано; святую Четыредесятницу старались тщательнейшим образом соблюдать в постах, бдениях, раздаче милостыни и молитвах; а младенцев своих в святую субботу Пасхи и Пятидесятницы со свечами и накидкой, именуемой «белой одеждой», они должны приносить ко крещению в сопровождении восприемников. А затем, облаченных в сии одежды невинности, изо дня в день приносить их в церковь вплоть до восьмого дня после оной святой субботы и непременно присутствовать при совершении божественной службы.

Строгим внушением запретил он им следующее: умерщвлять своих дочерей, ибо сие нечестие было у них в особом ходу; а также самим держать своих сыновей и дочерей при крещении, повелев подыскивать для них восприемников и сохранять к сим крестным такую же верность и дружеское расположение, как к кровным родителям.

Запретил он также кому-либо брать в жены свою куму, равно как и кровную родственницу вплоть до шестого и седьмого колена; и постановил, чтобы каждый довольствовался лишь одною женой. Запретил хоронить умерших христиан вместе с

язычниками в лесах или полях, но повелел погребать их на кладбищах, как заведено у всех христиан, и не ставить на их могилах деревянных кольев.

Он заповедал им отвергнуть все языческие обряды и непотребства: не строить идольских капищ, не обращаться к ведьмам-прорицательницам и не предаваться гаданиям. Также он предписал не есть ничего нечистого: ни мертвечины, ни удавленины, ни идоложертвенного, ни крови животных (ср. Деян. 15:29). И чтобы они не имели общения с язычниками, не разделяли с ними пищу или питье и не вкушали из их сосудов, дабы во всем этом не возвращаться к языческим обычаям.

Также предписал он им, чтобы, будучи во здравии, они приходили в храм к иереям и исповедовали свои грехи; в болезни же призывали к себе пресвитеров и, очистившись чистосердечной исповедью, причащались Тела Господня.

Постановил он также, дабы за клятвopеступления, прелюбодеяния, убийства и прочие тяжкие грехи они получали епитимии согласно каноническим установлениям; чтобы они пребывали послушными во всяком христианском благочестии и соблюдении обрядов; а женщины после родов приходили в церковь и по заведенному обычаю принимали благословение от священника³.

---

¹ Прим. Ф. Яффе: «О том, что следующее далее повествование было написано по повелению самого епископа Оттона, свидетельствует Эккехард (Mon. Germ. SS. VI, 263), который включил его в свою хронику, такими словами: "Он повелел письменно зафиксировать прибыль, выреченную от вверенного ему таланта"».

² Традиционно церковные правила предписывали в воскресенье воздерживаться от *opus servile* (рабского, тяжёлого физического труда), чтобы освободить время для молитвы. Заменяя «рабский труд» на «дурное дело», агиограф передаёт содержательный сдвиг, который, по всей видимости, отражает собственную проповедническую практику св. Оттона. Это не риторическая вариация, а намеренное смещение акцента: *opus servile* — категория литургического права, *opus malum* — категория нравственная. Такой подход имеет глубокие святоотеческие корни: например, св. Августин, толкуя заповедь о субботнем покое, писал, что истинный «рабский труд», от которого надлежит отдыхать в святой день, — это грех (опираясь на слова Христа: «всякий, делающий грех, есть раб греха»). Смысл здесь двоякий. Во-первых, воскресенье должно быть настолько полно посвящено Богу, что в этот день нужно избегать не только очевидных грехов, но и любой мирской суеты: тяжб, ссор, шумных развлечений. Даже то, что в будний день несовместимо со святостью в меньшей степени, в день Господень оскверняет его, становясь «дурным делом». Во-вторых, для вчерашних язычников, привыкших к жестокости и грабежам, св. Оттон устанавливает хотя бы один день строгого перемирья. Воскресенье должно было стать днём абсолютной чистоты и покоя, с которого это благочестие постепенно распространилось бы и на всю остальную неделю.

³ В латинской традиции XII в. чин воцерковления родившей женщины именовался *benedictio* или *purificatio mulieris post partum*; его теологическая интерпретация была неоднородной — Григорий Великий (Reg. XI, 56) настаивал на том, что женщина после родов не нечиста и её приход в церковь есть акт благодарения, а не очищения. В славянской традиции соответствует молитвам сорокового дня и воцерковлению. Обычай возводится к ветхозаветным предписаниям об очищении родившей (Лев. 12) и к евангельскому событию принесения Христа в храм и очищения Марии (Лк. 2:22–38),

которое в западной традиции XII в. праздновалось как *Purificatio Beatae Mariae Virginis* и служило типологическим обоснованием обряда.

13.

Одни лишь жрецы идольские противились пути Господню; расставляя слуге Божию множество западней, они пытались тайно его погубить. Но поскольку народ ежедневно во множестве обращался к вере, и у святотатственных и нечестивых жрецов не было к святителю никакого доступа, они, смутившись и устранившись лица его, по примеру волхвов Зароя и Арфаксата, бежавших от Христовых апостолов Матфея, Симона и Иуды¹, отступили подалее за пределы той области.

И так как они не могли воздвигнуть на слугу Божию открытое гонение, то терзали его ужасными злословиями и богохульствами; и куда бы они ни прибыли, всюду возбуждали к нему зависть и вражду, осыпая его проклятиями и поношениями. Однако за это сей достойный Бога святитель обретал от Господа еще более обильную благодать. Ибо, как написано: *Благословение Господне на главе праведника* (Притч. 10:6), посему даровал Он ему вечное наследие на небесах, и *обрел он благодать в очах всякой плоти* (Ср. Вульг. Сир. 45:1).

Когда же честной Оттон начал разрушать капища и изваяния идолов, нечестивые жрецы похитили золотое изображение Триглава², почитавшегося у них превыше всего. Вывезя идола за пределы области, они передали его на хранение некой вдове, жившей в маленькой деревушке, где не было бы никакой надежды его отыскать.

Нанятая за плату, она прятала это нечестивое изваяние и берегла его как зеницу ока: выдолбив ствол прекрепкого дерева, она сокрыла в нем изображение Триглава, закутав в драгоценную ткань, дабы ни у кого не было возможности не то что коснуться, но даже взглянуть на него. В стволе зияло лишь небольшое отверстие, куда надлежало опускать жертвы; и никто не входил в тот дом, кроме как ради совершения нечестивых жертвенных обрядов. Услышав об этом, славный апостол поморян приложил все возможные старания, дабы так или иначе туда добраться. Он опасался, что впоследствии и случилось, как бы после его ухода это изваяние не послужило к гибели людей, еще грубых и не утвердившихся в вере.

Но, будучи мужем, наделенным великой проницательностью, он благоразумно рассудил, что если открыто объявит о своем отправлении туда, то жрецы, прослышав о его приближении, снова увезут изваяние Триглава, дабы упрятать его еще дальше. Посему, прибегнув к мудрой уловке, он распорядился тайно направить к той вдове некоего из своих спутников по имени Герман, который немного разумел варварское наречие и отличался изрядной смекалкой и остротой ума. Ему он повелел, переодевшись в варварское платье, притвориться, будто направляется принести жертву Триглаву.

Итак, Герман, купив варварскую шапку и плащ, после многих опасностей трудного пути наконец встретился с той вдовой. Он стал уверять её, будто недавно спасся из бурной морской пучины, призвав на помощь своего бога Триглава; и теперь, желая принести ему должную жертву за спасение, он под водительством того же божества чудесным образом добрался сюда по неведомым дорогам.

А она и молвит: «Раз уж ты послан от него, вот храмина, в коей содержится наш бог, заключенный в выдолбленном дубе. Самого его ты не сможешь ни увидеть, ни коснуться; но, пав ниц поодаль от ствола, высматривай небольшое отверстие, куда и опусти

обещанную тобой жертву. И как только вложишь её, благоговейно затворив за собою дверь, уходи. И если тебе дорога жизнь, берегись, дабы никому не открывать нашего разговора».

Он же, с готовностью войдя в ту храмину, бросил в отверстие серебряную драхму, дабы по звону металла женщина сочла, будто он принес жертву. Но проворно вытащил обратно то, что только что бросил, и вместо почести нанес Триглаву оскорбление, то бишь вместо жертвы наградил его смачным плевком. Затем, присматриваясь внимательнее, не представится ли случайно какой-либо возможности исполнить дело, ради коего он был послан, Герман заметил, что изваяние Триглава так надежно и крепко вколочено в ствол, что его никоим образом нельзя ни вырвать, ни даже сдвинуть с места.

Уязвленный немалым из-за того огорчением, мучительно раздумывал Герман, как же ему поступить, говоря про себя: «Увы, такую пучину пути я преодолел впустую! Что отвечу я моему господину? И кто поверит, что я действительно был здесь, если я вернусь с пустыми руками?»

Оглядевшись же кругом, он увидел седло Триглава, прикрепленное к стене совсем рядом; оно было чрезвычайной древности и уже почти ни на что не годное. Тотчас вскочив радостно, Герман сорвал со стены сей злополучный дар³ и спрятал его. А ранней ночью, едва всё стихло, он выбрался оттуда и со всей возможной поспешностью вернулся к своему господину и товарищам. Пересказав всё, что совершил, он предъявил седло Триглава как доказательство правдивости своих слов.

Итак, апостол поморян, посоветовавшись со спутниками, рассудил, что ему и его людям надлежит отказаться от поисков, дабы не показалось, будто он поступает так не столько из ревности о правде, сколько из алчности к золоту. Однако, собрав предводителей, а вместе с ними и старейшин, он потребовал от них клятвы совершенно отринуть почитание Триглава, а само изваяние разбить и всё золото употребить на выкуп пленников⁴.

---

¹ Это имена легендарных персидских магов-чернокнижников из раннехристианских апокрифов (в частности, из «Страстей Симона и Иуды» Псевдо-Авдия). Согласно легенде, они сначала были посрамлены апостолом Матфеем в Эфиопии, а затем бежали в Персию, где столкнулись с апостолами Симоном Зилоном и Иудой Фаддеем.

² Главное божество поморских славян (особенно в Щецине и Волине). Идол имел три головы, символизировавшие власть над небом, землёй и подземным миром.

³ В латинском оригинале здесь используется выражение *infaustum munus*. Слово *munus* означает часто используется, когда речь идет о жертве или даре божеству. Судя по всему, древнее седло Триглава было пожертвовано идолу его почитателями.

⁴ Выкуп христианских пленников, захваченных во время войн и набегов и проданных в рабство, считался в Средние века одним из высочайших дел милосердия.

14.

Но когда Сильнейший Христос, придя, одолел «сильного с оружием» (ср. Лк. 11:21-22), который дотоле владел своим двором, сиречь Поморьем, и, сокрушив его оружие руками

блаженного святителя, роздал добычу, тот (диавол), не стерпев насильственного изгнания из своих обиталищ, попытался, как лев рыкающий, нанести слуге Божию хотя бы малый урон. И, не находя, что еще предпринять, ибо Господь того не попускал, он внезапным губительным пожаром уничтожил большую часть города Бамберга, дабы выдающийся пастырь, завершив проповедь среди чужеземцев и с радостью возвратившись к своей невесте, застал её не в прежней целостности, но отчасти потрясенной сим уроном и сокрушенной скорбью.

Сей плачевный пожар вспыхнул из-за некоей мучившейся родами женщины¹ в ту самую ночь, когда совершалось празднество святого мученика Гермеса², чьими драгоценными мощами это место изначала славно украсил его основатель, блаженный Генрих³. Тотчас в мощном порыве распространившись вокруг, он с такой свирепостью опустошил всё пространство за пределами городской черты, что едва уцелели лишь считанные дома некоторых жителей.

Сам же город вместе со своими церквями, расположенными как внутри, так и снаружи городских стен, по предстательству блаженного Гермеса и иных своих заступников остался невредим. Так в ничто обратились коварство и злоба изворотливого врага; ибо и чистейшая невеста Бамберг легко развеяла мрачную тучу сего бедствия, когда к ней, словно сияние яснейшего солнца, вернулся отец ее. И он (диавол) более не мог удерживать свой двор, которым так долго и беззаботно владел, ибо когда Христос воцарился в Поморье через апостольские труды честного Оттона, у врага совсем не стало оружия, и города его разрушились (ср. Пс. 9:7).

---

¹ Судя по всему, в доме роженицы ночью грели воду или жгли яркий свет, из-за чего случайно и занялось пламя.

² Праздник святого мученика Гермеса Римского отмечается 28 августа. Таким образом, агиограф дает точную дату исторического пожара Бамберга — ночь на 28 августа 1125 года.

³ Речь идет об императоре Священной Римской империи Генрихе II Святом (канонизирован в 1146 г.), который в 1007 г. основал Бамбергское епископство и принес туда мощи многих святых, в том числе и св. Гермеса.

15.

Многие же волиняне к тому времени были в отлучке за морем по своим торговым делам. Услышав об обращении сограждан, они по предваряющему действию Духа Божия становились им подражателями. Возвращаясь в свою столицу, они склоняли выи пред Царем царей Христом, тотчас принимая крещение от пресвитеров, коих поставил там честной Оттон, и присоединялись к своим согражданам, уравниваясь в благочестии с теми, кто еще ранее был приобщен к христианским законам. И дивным образом, пока вернейший глашатай истины трудился в деле Божиим, Церковь по всей той области росла и укреплялась, и Господь ежедневно прилагал спасаемых к Церкви (Деян. 2:47).

Итак, апостол поморян основал там две церкви. Первую — в городе Волине в честь святых Адальберта и Венцеслава¹, кои пользовались у варваров великим почитанием. Он заложил её на том самом месте, где прежде совершались нечестивые бесовские обряды, дабы там, где некогда толпы собирались ради мерзких непотребств, впредь сходились они на Христовы таинства.

Другую же церковь он выстроил за пределами города на лугу удивительно просторном и приглядном в честь блаженнейшего князя апостолов²; и там же он учредил епископскую кафедру³.

---

¹ *Святые Адалберт Пражский (Войтех) и Венцеслав Чешский (Вацлав). Это главные святые покровители соседних христианских государств — Польши и Чехии. Упоминание о том, что они пользовались "великим почитанием у варваров", свидетельствует о тесных культурных и торговых контактах Волина с южными славянскими соседями задолго до миссии Оттона.*

² *«Блаженнейший князь апостолов» — традиционный католический титул св. ап. Петра.*

³ *Волин стал первым местом пребывания Поморского епископства. Первым епископом был Адалберт Померанский, спутник св. Оттона Бамбергского. Лишь позднее, около 1175 г., из-за упадка Волина и датских набегов кафедра была перенесена в более безопасный Камень; в 1188 г. это перенесение было формально подтверждено.*

16.

Честной учитель задержался там, непрестанно приобретая души, а тем временем преданное множество его паствы, собранное не только в самом Бамберге, но и во многих киновиях и приходах, томилось невероятной тревогой и скорбью из-за столь долгого отсутствия своего великого пастыря и всеми способами добивалось его возвращения. Посему, часто отправляя к нему посольства, они прибавляли просьбы к просьбам и мольбы к мольбам.

Более того, в письмах, исполненных сыновней любви, они не переставали просить о его возвращении. Одно из них кажется достойным того, чтобы привести его здесь — как ради изящества слога, так и на вечную память о его составителе, светлой памяти аббате Вигнанде¹. Гласит же оно следующее:

«Владыке и дражайшему отцу, честному епископу Оттону и апостолу поморянского народа, Вигнанд, недостойный настоятель Тересской киновии, приносит уверения в неизменно преданном служении и воздает духовный долг молитвенный. Благословен Бог, Отец милосердия (2 Кор. 1:3) и Отец светов (Иак. 1:17), Который, от самого чрева образовав Вас рабом Себе, соделал Вас светом для язычников, дабы спасение Его проповедано было Вами до краев земли (ср. Ис. 49:5-6), а темные сердца языческие светом веры озарились.

Посему святая мать Церковь по достоинству радуется новому чад приумножению, видя, как Вашим служением многие тысячи из варварского народа возрождаются в святом крещении, и как по отвержении идолопоклонства, разрушении капищ и церковей созидании люди истинному Богу поклоняются и служат.

Итак, после возвещения Евангелия чужеземцам, после завершения столь великого дела служения всё стадо счастливое выходит навстречу пастырю, возвращающемуся к овцам своим; клир вкупе с народом и шествие монашеское в веселии неслыханном встречают своего отца, воспевая с ликованием сердца и гласом радости (ср. Пс. 46:2): *«Возвратись, возвратись, Суламита! Возвратись, возвратись, — дабы воззрели мы на тебя»* (Вульг. Песн. 6:12).

Я же, наименьший из всех, но в полноте веры и любви никому не уступающий, около праздника святого Маврикия приехал в Саксонию, чая вседолгожданного прибытия моего владыки, дабы первым встретить того, кого последним проводил. Но когда ваш гонец возвратился, я, обманутый в своих чаяниях, однако же весьма возвеселенный вестью о вашем несомненном возвращении, постарался совершить в духе смирения то, чего не смог сотворить телесным присутствием, — первым поприветствовать моего владыку, молвив не уст лишь звуком, но и пламенным ликованием сердца:

«Радуйся, отче великий!» — послание, молви с почтением.

Молви, прошу, и в стихах: *«Славный святитель, привет!»*

О долгожданный, вернись, надежда народа и клира избранниче,

Истины щедрый податель и верное стаду спасение.

Итак, мы не хотим оставлять вас в неведении, святейший отче, о том, что с самого вашего отбытия над нами постоянно тяготели дни тесноты и скорби (ср. Соф. 1:15). Ибо пресловутый тиран Конрад², проведя почти целый год в Нюрнбергском замке, разорил соседствующие с ним владения епископства. Он отнял часть зерна из причитающихся вам оброков, повелев выплачивать подати себе; а управляющего из Росталья, дважды захватив в плен, дочиста обобрал. Более того, как говорят, он попытался хитрыми кознями захватить и сам город Бамберг, но, благодарение Богу, его беззаконие не увенчалось успехом.

Ибо я и кустод Конрад, радея о вверенном нам управлении, вместе с прочими вашими верными людьми выделили для защиты города гарнизоны и стражу; вокруг мы воздвигли оборонительные орудия; воинам, по мере надобности, выплатили жалованье; и всё прочее, что вы нам поручили, старательно исполнили.

Война между Германом и Фридрихом³ в самом разгаре; с обеих сторон устраиваются всевозможные засады, на грабежи отвечают грабежами, а на поджоги — поджогами; в ходе сей распри была сожжена вместе со своей церковью деревня, лежащая под замком Поттенштейн. Фридрих как-то раз ночью тайно проникнув со своими воинами в крепость Ниенштейн, начал действовать весьма решительно; однако защитники цитадели, метая копья и камни, убили одного из его людей, а многих ранили. И так, не завершив начатого дела, он с трудом спасся бегством вместе со всеми своими людьми.

Кроме того, по всей провинции свирепствуют великие бедствия; всё кругом опустошается грабежами и пожарами.

Итак, надеясь, что ваше прибытие положит конец стольким бедам и стольким несчастьям, мы взываем каждый порознь, взываем все как один: Приди, владыка, приди! Поспеш, не медли (ср. Пс. 39:18, Откр. 22:20); приди, о долгожданный, по кому мы тоскуем во тьме сих скорбей!

В остальном же положение ваших дел в Баварии и Саксонии обстоит весьма благополучно. Что же касается особо порученного мне дела, хочу, чтобы вы, честной отче, были осведомлены: мы приобрели медь в количестве семисот и даже более центенариев⁴, триста из которых с величайшим трудом доставили в Шмалькальден. И ныне, совершенно выбившись из сил, мы с горячим нетерпением ждем от вас руки

помощи и не чаем дождаться возвращения **Вашего** Преосвященства, по кому всё королевство страшно истосковалось».

Таково послание благочестивейшего отца Вигнанда, начертанное пером истинной любви.

---

¹ Ф. Яффе замечает, что это письмо Вигнанда, ошибочно отнесенное Эбоном к 1124 году, в действительности было написано в 1127-м. Письмо относится к подготовке второй миссии Оттона в Поморье (когда бамбергская паства вновь умоляла его вернуться или не уезжать надолго), но агиограф вставил его сюда, чтобы проиллюстрировать любовь паствы во время первой экспедиции.

² Как отмечает Ф. Яффе, речь идет о швабском герцоге Конраде III Гогенштауфене. В декабре 1127 г. он поднял мятеж против Лотаря III и был провозглашен антикоролем (*regni aetulus*). Описанные в тексте бои и нападение на Росталь (близ Нюрнберга) были частью междоусобной войны. Примечательно, что, несмотря на этот ранний конфликт, историческая судьба Конрада III оказалась неразрывно связана с Бамбергом. В 1152 г., уже будучи признанным королем, он скончался именно в этом городе во время подготовки к походу в Рим и стал единственным германским королем, удостоившимся погребения в Бамбергском соборе (рядом с его основателем императором Генрихом II), что превратило бывшего «тирана» и врага епархии в одну из центральных фигур мемориальной истории города.

³ Исторические лица эпохи гражданской войны в Германии (мятежа Гогенштауфенов). Фридрих, по всей вероятности, — Фридрих II Одноглазый (ок. 1090–1147), герцог Швабии и старший брат антикороля Конрада III. Имя Германа относится к одному из верных императору военачальников или местных вельмож; его точная идентификация затруднительна (возможны различные кандидаты, включая Германа фон Штахлек (ум. 1156)).

⁴ Центенарий — средневековая мера веса, равная 100 фунтам (около 45–50 кг), соответственно, 700 центенариев — свыше 30 тонн. Как указывает в своем примечании к этому месту Ф. Яффе, эта медь предназначалась для масштабных работ по покрытию кровли церкви св. Петра в Бамберге (Бамбергского собора).

17.

Это и есть тот самый Вигнанд, сладкоречивейший проповедник, которого честной Оттон избрал как бы советником своим (ср. Вульг. 2 Цар. 23:23) вернейшим; питал он к нему такую любовь и почтение, что сделал сопричастником всех своих тайн. Поручив ему лично попечение о городе, он также вверил его исключительному руководству то выдающееся предприятие, которое тогда начал, а именно — покрыть медными листами здание главной церкви святого Петра вместе с башнями, дабы предотвратить опасность пожаров. И не зря.

Ибо был он мужем великой рассудительности и проницательности, а облик его и слова несли славу нашему ордену. Он превосходил других не только духовным изяществом, но был любезен всем и телесным благообразием, и приятностью нрава и обхождения. Да будет же нам позволено немного восхвалить достойными словами его почтенную старость и главу, белоснежную, подобно Христовой (ср. Откр. 1:14). Ибо, хотя шел ему уже

без малого сотый год и он премного трудился в деле Божиим денно и ночью, глаза его сохраняли незамутненное зрение; ноги ступали твердо и быстро, слух оставался остр, а зубы пребывали в полном числе и крепости. Голос его был звучен, тело крепко и не согбенно преклонной старостью; с сединами спорил румянец, а телесные силы не соглашались с возрастом.

Глубокая старость не разрушала цепкости его памяти, как мы это видим у большинства людей; хладная кровь не притупляла остроты его горячего ума; изборожденный лоб не придавал суровости его стянутому морщинами лицу; и, наконец, стилос в дрожащей руке не блуждал, выводя кривые дорожки на восковых табличках.

Итак, в нем Господь явил нам свежесть будущего воскресения, дабы мы знали, что телесная смерть иных еще в молодые годы — от греха; а поздняя младость сего мужа — по праведности. И хотя мы видим, что подобное телесное здоровье выпадает на долю многих, даже грешников, однако те злоупотребляют им ради грехопадения, сей же муж обращал его на благие деяния.

Ведь он с младенчества обучался у нас Божественным Писаниям и, будучи в святом подвижничестве испытан, ревностно исполнял здесь должность приора под началом достопочтенного аббата Вольфрама до тех пор, пока честной Оттон, насильно оторвав от нас, не поставил его во главе Тересской киновии. Благолепно управляя ею долгое время, а именно на протяжении более чем тридцати лет, и повсюду распространяя сладость небесного учения своей медоточивой проповедью, он во всех пробуждал сердечную любовь к Богу. Ибо весь он, словно серафим, воспламененный пламенниками горней любви, дышал одним лишь стремлением к Искупителю; божественные службы он исполнял с преисполненным жара благоговением; тайн небесных вершины и постигнуть способен был, и возвещать; речами же разжигал и других, ибо те, кого он касался словом, тотчас же возгорались любовью к Богу. А уж священные торжества мессы он совершал с особым сердечным волнением и со сладостным сокрушением сердца, а потому как живым словом, так и письмами, исполненными несравненной приятности он и других людей, теснее прочих с ним связанных *совокупностью совершенства* (Кол. 3:14), которая есть любовь, с настойчивостью пламенно побуждал вершить сие жертвоприношение в горячайшем устремлении к Верховному и Истинному Священнику. И неудивительно, что, подолгу и помногу вкушая сокровенное благоухание сего брашна духовного, он всё больше алкал его (ср. Сир. 24:23); ведь в священном сане он прослужил более сорока лет.

О, счастливый муж, достойный всякого блаженства! Почтенная старость застигла его в служении Христовом, а последний день застал его воинствующим за Спасителя с великим благоговением. *Не останется он в стыде, когда будет говорить с врагами в воротах* (ср. Пс. 126:5). При входе в рай ему будет сказано: *«Добрый и верный раб.., войди в радость Господина твоего»* (Мф. 25:21). *Прими сокровенную манну, прими белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает* (ср. Откр. 2:17); узри долгожданный лик Христа,

— *Коего прежде, сокрытым под чистым хлеба покровом,*

*Воспевая тайные гласы, ты непрестанно святил.*¹

Если же кто пожелает услышать о его кончине, пусть выслушает вкратце. Ибо всё пятидесятидневное пасхальное торжество он с привычным благочестием провел в божественных славословиях, прилежа псалмам и молитвам, священному чтению и проповеди. А когда ученики попросили его возвести в обители новые укрепленные

постройки, он, глубоко задумавшись о непостоянном течении человеческой жизни и о дне своего призвания, отвечал:

«Вы видите, что я старая развалина, скоро должен оставить храмину мою (2 Пет. 1:14), и короткие дни мои скоро кончатся (Вульг. Иов. 10:20). А потому я желаю собрать средства для постройки здания в небесах; проливая слезы, раздавая милостыню, принося священные жертвы и усердствуя в иных подвигах, хочу я дожидаться пришествия Судии, Который вот-вот постучит в двери» (ср. Иак. 5:9, Откр. 3:20).

Итак, при приближении долгожданного дня воздаяния сей старый работник виноградника Господня (Мф. 20:1-16) в то воскресенье, когда поется «Глас радости»², по своему обыкновению оживленный и бодрый, войдя на хоры, вопреки обычаю сам запел: «Аллилуйя, воскрес Пастырь добрый», а затем и секвенцию «Пасхальной жертве»³.

Голосом, взмахами рук и всем движением тела он побуждал присутствующих петь с еще большим благоговением, словно, понимая, что предел его земной жизни уже настал, хотел сказать: «Всякая хвала поется в конце»⁴. Ибо он и прежде частенько имел обыкновение петь гимны, побуждающие к столь сладостному сокрушению, безо всякого уставного порядка, всякий раз, когда Дух Святой внушал это его сердцу; ведь дар Духа, как известно, никаким законом не скован (ср. Ин. 3:8).

По окончании же торжественного богослужения он призвал к себе брата, коему было вверено управление монастырским хозяйством⁵, и сказал: «Сегодня, как ты слышал, дражайший сын, мы по мере наших сил должными славословиями почтили славу Воскресения Господня. Посему усердно совершай то, что от тебя зависит, и исполняй служение твое (2 Тим. 4:5); ибо столь благочестивым служителям Христовым надлежит сегодня оказать особо щедрую милость. И как я сам был запевалой и побудителем к сладкозвучному пению, так и духовного пира желаю быть распорядителем».

И так всечестной пастырь, проведя со своим стадом последний пир, со свойственным ему благоговением в слезах и молитвах готовился к грядущему Вознесению. В дни молений, то есть в понедельник и вторник, он участвовал вместе с братией в литаниях⁶. Но в среду, охваченный ночью тяжким недугом, он не смог подняться к заутрене.

Ибо?? уже настало время его отшествия (ср. 2 Тим. 4:6); уже Верховный Домовладыка стучал в дверь к Своему самому бодрствующему рабу (ср. Лк. 12:36), уже готовился Он даровать награду вечного блаженства почтенному старцу, который так долго и с неустанным усердием совершал бег на ристалище сего многотрудного пути (ср. 1 Кор. 9:24).

Итак, призвав к себе брата, он признался им, сколь тяжек недуг его, и велел пропеть перед собой службу часов. Утром же он попросил отнести себя в капеллу свою, дабы выслушать торжественную мессу. По возвращении оттуда он преподал всем мир и с отцовской любовью поручил себя их молитвам. Так он хворал два дня, по мере сил своих назидая словом Божиим всех стекавшихся к нему.

Когда же недуг усилился, в пятницу после Вознесения Господня, приняв Напутствие, в девятом часу он преселился из Египта сего мира в истинную землю обетованную. И присутствовавшие там свидетельствовали, что на его бездыханном теле не заметно было и следа бледности или какого-либо искажения. Напротив, благостное выражение лица совершенно уподобило его спящему, так что румянец на щеках и дивное изящество всего тела поначалу даже заставляли усомниться в его кончине. И неудивительно, что

разрушительная сила смерти не возымела на него ни малейшего действия, ведь он переходил не к смерти, а скорее *из смерти в жизнь* (1 Ин. 3:14).

Ранее его, бывало, нередко приковывал к постели тяжелый и весьма продолжительный недуг, дабы *сила Духа испытывалась в немощи плоти* (ср. 2 Кор. 12:9). Но поскольку все ревностно молились о его жизни и здравии, Господь, словно отзывая от самого порога смерти, не раз возвращал скорбящим и плачущим сынам возлюбленного их отца невредимым, хотя надежды уже не оставалось.

Тогда же, предпослав ко Господу многие сонмы своего стада, сей выдающийся пастырь, сраженный скоротечным недугом, и сам пал — благороднейший — поверх сего благородного собрания. Желая узреть *Царя славы в Его благолепии* (ср. Ис. 33:17), он с ежедневными воздыханиями воспевал вместе с пророком, говоря: «Как вожделенны жилища Твои, Господи сил! Истомила душа моя, желая во дворы Господни» (Пс. 83:2-3).

Но об этом довольно. Вернемся же к ходу нашего повествования.

---

¹ Дословная цитата из известной англо-латинской поэмы VIII в. «Чудеса епископа Ниниана» (*Miracula Nynie Episcopi, 433–434*), традиционно приписываемой Алкуину или анонимному монаху из Уитхорна. В оригинальной поэме эти стихи обращены к англосаксонскому пресвитеру Плеггильсу, пережившему евхаристическое чудо (скрытый в хлебной гостии Христос является ему телесно). Эбон заимствует эту цитату в качестве эпитафии для аббата Вигнанда: на протяжении сорока лет священник незримо созерцал Христа под видом хлеба при произнесении установительных слов мессы (*Mistica verba canens*), а теперь, войдя в рай, наконец-то видит Спасителя воочию.

² *Vocem iocunditatis* – это первые слова интроита (входного песнопения мессы) пятого воскресенья после Пасхи (*Dominica V post Pascha*). Таким образом, Эбон указывает точную литургическую дату — пятое воскресенье после Пасхи (в год смерти Вигнанда оно выпадало на 13 мая, что отметил Яффе).

³ *Alleluia, surrexit pastor bonus* и секвенция *Victimae paschali laudes* (Пасхальной жертве хвалы) по литургическому уставу (*Missale Romanum*) поются не в пятое воскресенье после Пасхи, а в самое Светлое Христово Воскресение. Столетний аббат Вигнанд, предчувствуя свою скорую встречу со Христом, нарушает строгий устав и поет самые торжественные пасхальные гимны, переполненный предсмертной радостью.

⁴ *Omnis laus in fine canitur* – изречение, имеющее двоякий исторический контекст. Во-первых, оно фиксирует базовое правило теории григорианского хорала: лад (тонус) песнопения определяется по его последней ноте (финалису). Исторически эта формулировка закреплена в трактате Гвидо Аретинского «Микролог» (*Guido Aretinus, Micrologus, гл. XI, ок. 1026 г.*). Позже теоретик Иоанн Аффлигемский называет ее «общеизвестной пословицей» (*vulgare proverbium*). Во-вторых, пословица применялась для толкования структуры библейских текстов. Современник Эбона теолог Герхот Рейхерсбергский (PL 193) цитирует ее, чтобы объяснить композицию 102-го псалма (псалом начинается и заканчивается благословением Господа, так как наивысшая хвала воздается в конце). Здесь Эбон использует правило определения музыкального лада в качестве метафоры: подлинный итог и ценность человеческой жизни определяются лишь ее финалом — переходом в вечность.

⁵ Т.е. келаря. – прим. Яффе.

⁶ Речь идет о так называемых Малых рогациях (*Litaniae minores*) — трех днях (понедельник, вторник и среда) перед праздником Вознесения Господня. В эти дни в Католической церкви традиционно совершались покаянные крестные ходы (и литании) с молением о прощении грехов и даровании хорошего урожая. Аббат Вигнанд слез в ночь на среду.

18.

Итак, апостол поморян Оттон честной не в силах был более противиться непрерывным мольбам своей братии и чад духовных, посылавших гонцов к нему, и, перезимовав у волинян, около праздника Очищения Святой Марии решил утешить несравненную невесту свою, Бамбергскую церковь, заждавшуюся его, и возвратиться к ней, на что испросил у всех дозволения. Услышав об этом, новокрещеный люд поморянский, пораженный немалой скорбью, со слезными мольбами припадая к столам честного учителя, пытался удержать его у себя, но напрасно. Ибо он отвечал, что в родной земле у него накопился тяжкий ворох различных дел, а еще утверждал, что душе его грозит великая опасность, если, взыскав для Христа новых прибылей от чужих стад, он пренебрежет собственными овцами, вверенными его особому попечению.

И вскоре, собрав сонм спутников и соработников, он обошел всех, среди кого посеял слово веры, и утвердил их в христианском благочестии как наставлениями, так и усердными молитвами. Сперва он посетил крепость Камень, а затем обитель в Додине¹, освященную в честь Святого Креста; там он крестил многих поморян, возвратившихся с морских островов, где они скрывались из страха перед князем Болеславом. Ибо князь Болеслав славился тем, что был на совесть верен Богу и к Его почитателям благосклонен, а к идолопоклонникам и преступникам — неумолим и суров, как подобает. Ибо каждый год, собрав сильное войско, князь имел обыкновение опустошать земли язычников, дабы хотя бы под страхом меча подчинить их игу христианской веры. Когда же сего удалось достичь трудами честного Оттона, вместо оружия явился мир (ср. 1 Мак. 11:51), и все, покинув тайные убежища, где дотоле скрывались, и получив от блаженного святителя заверение в безопасности, сподобились благодати крещения. Итак, сие святое занятие отсрочило возвращение проповедника истины и на некоторое время удержало его в додинской обители.

По завершении же всех дел он направился в град Бялогард, а затем в Колобжег. Там он достроил и освятил церковь в честь Святой Богородицы Марии, заложенную им еще прежде. После сего, посетив все церкви и с искренним излиянием слез препоручив их Богу, он, преисполненный благословения Господня, покидает Поморье.

Затем, прибыв после благополучного путешествия в Польшу, он был принят князем Болеславом, а также всем клиром и народом с несказанной радостью и почтением, как Ангел Божий (Гал. 4:14). Всеобщая радость охватила весь народ — как о том, что племя поморянское обратилось, так и о том, что вседолгожданный отец Оттон вернулся в добром здравии.

Он пробыл там некоторое время, удержанный гостеприимным князем Болеславом, и направился в Чехию, своим прибытием доставив такую же радость тамошнему князю Владиславу и всем его людям. По прибытии же в Кладрубскую киновию он со свойственным ему сердечным смирением поручил себя молитвам братии, с единокровным благоговением вышедшей ему навстречу.

И вот, со всей поспешностью вступив в пределы своей земли, во вторник Страстной седмицы он прибыл в Михельфельд и там, окруженный множеством верных, с должным благоговением отпраздновал Вечерю Господню. Ибо многие из бамбергского клира и народа, жаждущие его ангельского присутствия, вышли к нему туда навстречу и, приняв всечестного пастыря словно восставшего из мертвых, со слезами воздавали благодарения всемогущему Богу, Который сквозь столько опасностей привел его обратно невредимым.

Итак, в святейшую предпасхальную субботу сей любящий отец навестил свою долго вдовствовавшую невесту и, прибыв в селение Трунштадт, торжественно совершил там досточтимую всенощную Пасхи (*sacre noctis*).

Ранним утром в день Воскресения Господня над нами воссияла заря, блистательнее обычного, и нас охватила сугубая радость, озаренная как ликованием пасхального праздника, так и прибытием честного Оттона.

Ибо, когда собрался весь клир и народ, в присутствии множества досточтимых преподобных отцов из иных киновий сей новый апостол нашего времени, сокрушивший в варварских землях врата смерти (ср. Пс. 106:16)², победоносно возвратился и с благолепным торжеством вступил в свою церковь. И плакали все от радости, встречая его со всяческим духовным благоговением под пасхальное песнопение: *«Пришел ты, о желанный!»*³.

Всех охватила радость, смешанная со слезами глубокого умиления, какая бывает при возвращении к жизни дорогих нам людей; и все голоса с несказанно сладостным ликованием гремели *«Аллилуйя»*, да так звучно, что человеческие уши едва могли выдержать. Ибо всем казалось, будто они чуть ли не взаправду принимают Самого Христа, воскресшего из мертвых. Никто не безмолвствовал, но в единодушном порыве нараспев возглашали: *«Хвала Богу, благодарение Богу!»* Все жаждали узреть его почтенные седины и ангельский лик; все почитали за счастье облобызать его ноги, освященные благовествованием мира (ср. Рим. 10:15, Еф. 6:15). Изливая на них слово Божие (ср. Пс. 44:2) со свойственной ему благостью, он поведал о великих деяниях Христовых и об обращении народа поморянского; и, сам пылая огнем любви, зажигал их сердца желанием постичь дар милости Божией.

С тех пор, памятуя о неверном пределе человеческой жизни и в усердном размышлении повторяя слова из книги блаженного Иова: *«Не знаю, как долго я пребуду, и не заберет ли меня вскоре Творец мой»* (Вульг. Иов. 32:22), он поспешил как можно скорее завершить постройку всех начатых им прежде монастырей и церквей.

Но при этом, как добрый отец семейства, он хлопотал, чтобы в достатке снабдить всем необходимым обители и странноприимные дома для Христовых бедняков, дабы впоследствии ему не пришлось сокрушаться об умалении своей небесной награды, случись ему допустить в сих делах хоть какое-то небрежение.

Но пока честной святитель в сих краях всеми силами усердствовал в божественных трудах, древний враг, изнывая от яда зависти, скорбел, что лишается в Поморье столь многих душ; а потому постарался *посеять плевелы между добрым семенем* (ср. Мф. 13:25). Ибо два главных тамошних города, Волин и Щецин, по наущению врага впали в отступничество и, отринув почитание истинного Бога, на свою погибель предались отжившим бесовским обрядам.

Как именно это произошло и каким образом во время второго апостольства честной Оттон всё это по милости Божией чудесно исправил, — о том, если Господь соизволит, поведает третья книга.

---

¹ Локализация Додина (*Dodin*) вызывает споры среди историков. Чаще всего его отождествляют с поморянским поселением в устье Одры, неподалеку от Волина или Камня (возможно, современный Дзивнув / *Dziwnów* или исчезнувшее поселение на побережье).

² Сокрушение врат смерти — это деяние Самого Иисуса Христа при сошествии во ад. Агиограф переносит этот образ на миссионерский подвиг Оттона: подобно Христу, он разрушил власть дьявола в Поморье и с триумфом вернулся домой.

³ Цитата из средневекового литургического песнопения. Фраза *Advenisti desiderabilis, quem exspectabamus in tenebris* («Пришел ты, желанный, коего мы ожидали во тьме») изначально является частью службы нисхожденья Христа во ад (когда ветхозаветные праведники приветствуют грядущего Спасителя).

КНИГА ТРЕТЬЯ

1.

Когда в непрестанном размышлении обдумывал я неутомимое усердие владыки и отца нашего, честного Оттона епископа, с коим он, благовествуя, распространил славу Христову и почитание не только в германских землях, но и в отдаленных пределах варварских, то почел нечестием обойти бесплодным молчанием столь достохвальные деяния его. Посему, ведомый духом не высокомерия, но скорее искренней любви, позаботился я предать письменам всё то о втором его апостольстве в Поморье, что поведал мне верный его соратник Ульрих, пресвитер церкви Святого Эгидия. О первом же его странствии уже было написано в другом месте. Итак, пусть читает тот, кто пожелает, а неохотного и придирчивого никто к чтению не принуждает.

Когда блаженнейший отец наш Оттон после первого своего апостольства среди поморского народа благополучно возвратился на свою кафедру, два славнейших города, а именно Волин и Щецин, по наущению завистливого дьявола вновь обратились к прежней скверне идолопоклонства; и вот по какому случаю.

Волин (*Iulin*), Юлием Цезарем основанный и названный, где ради памяти о нем сберегалось его копье, вонзенное в колонну дивной величины, имел обыкновение в начале лета при великом стечении народа и ликовании совершать празднество в честь некоего идола. И вот, когда словом веры и купелью крещения город был очищен, а большие и малые идолы, находившиеся на открытом месте, повелением блаженного святителя начали предавать огню, некие безумцы, тайно похитив небольшие истуканы идолов, украшенные золотом и серебром, припрятали их у себя. Не ведали они, какую погибель тем самым навлекают на свой город, подобно несчастному Ахану, который при разрушении Иерихона похитил золотой слиток в пятьдесят сиклей, червленую мантию и двести сиклей серебра (Вульг. Нав. 7:21), отчего и узрел тяжкое мщение гнева небесного и гибель народа Иудейского.

Ибо когда жители той земли стеклись на упомянутое идольское празднество с обычным в такие дни воодушевлением и с превеликим размахом учинили игрища и пиршества, те самые похитители, показав народу, разнуздавшемуся в суетной забаве, недавно припрятанные изображения истуканов, вновь склонили его к отжившему языческому обряду. И тотчас навлекли они на себя бич Божественного наказания. Ведь пока весь народ по языческому обычаю предавался игрищам и пляскам, внезапно огонь Божий спал с неба (Вульг. Иов 1:16) на отступнический город, который с такой яростью весь возгорелся, что никто не смог выхватить ничего из своего имущества; желая уберечь хотя бы жизни свои, жители стремительным бегством с трудом спасались от свирепствующего пожара.

Когда же наконец город был уничтожен свирепым пожаром, жители, возвратившись, обнаружили, что церковь святого Адальберта, воздвигнутая там в середине их апостолом Оттоном (из-за недостатка камня она была выстроена в виде плотного деревянного сруба), наполовину поглощена пламенным жаром. Но, о диво, алтарная часть, имевшая чрезвычайно скудное убранство, ибо крыта она была лишь тростником, под коим растянули льняной плат, дабы отгонять от престола насекомых, осталась совершенно не тронутой огнем. Узрев сие великое чудо, весь народ разразился громким и ликующим криком, восхваляя Бога и возвещая, что сей Бог несомненно истинен, коль скоро в таком яростном пожаре, сокрушавшем даже камни, смог сохранить невредимым тростник, распростертый над Своим алтарем.

Итак, призвав христианских священников, принесли они всенародное покаяние; и, совершенно отрекшись от идолов, а город свой по мере сил отстроив, с благочестивым рвением склонили выи свои под иго Христово. Таким-то образом бич Божественного наказания принес исцеление их земле.

Что же до Щецина, сего обширнейшего града, превосходящего размерами Волин, то он заключал в пределах своих три горы. Средняя из них, будучи самой высокой, была посвящена верховному богу язычников Триглаву, и стоял там трехглавый истукан, чьи очи и уста закрывал золотой кидар¹. Идольские жрецы утверждали, что сей верховный бог оттого имеет три головы, что надзирает над тремя царствами, сиречь небом, землею и преисподней; лицо же свое он прикрывает кидаром, дабы грехи человеческие оставлять без внимания, словно не видя их и безмолвствуя.

Итак, когда сей могущественнейший град трудами блаженного святителя был приведен к познанию Истинного Бога, идольские капища предали огню и заложили две церкви: одну на горе Триглава в честь святого Адальберта, а другую — за городскими стенами во имя святого Петра. И с той поры приношения, кои прежде посвящали идольским жрецам и капищам, возвеличивая их благолепие и богатство, стали воздавать Церкви Христовой.

Посему встревоженные жрецы, видя, как день ото дня оскудевают услады их прежней пышности, стали искать случая, дабы ради своей корысти вновь совратить народ к идолопоклонству. Случилось же так, что постиг город великий мор. И на вопросы народа жрецы отвечали, что люди навлекли на себя это по причине отречения от идолов; и что все враз погибнут, если не постараются умиловить древних богов, как прежде, жертвами и дарами. По слову сему тотчас созывают народные сходы, разыскивают истуканов и всем миром возобновляют нечестивые обряды жертвоприношений и празднества, а церкви Христовы разоряют.

И когда разъяренная толпа подступила к самой алтарной части, она, не смея шагнуть дальше, с шумным криком так обратилась к верховному идольскому жрецу: «Вот, что нам

надлежало, мы исполнили; твое же теперь дело по должности — приступить к сему главному престолу (caput et culmen) германского бога и осквернить его». Он же схватил топор, но едва десницу занес высоко, как внезапно оцепенел и, падая навзничь, с жалобным воплем возвестил о своей боли. Сбежавшийся народ стал допытываться о причине его боли. Тот же, тяжко стенося, молвил: «Увы, о горе! Какого могущества, какой силы исполнен германский Бог; и кто может воспротивиться Ему? Вот я дерзнул прикоснуться к священному Его храму, и как жестоко ныне поражен!»

Когда же они, ошеломленные, стали вопрошать, что им делать, их верховный жрец отвечивал: «Воздвигните здесь обиталище бога вашего подле храма Бога германского; и почитайте Его наравне с вашими богами, дабы Он, прогневавшись, не навел вскорости гибель на сие место». Они повиновались его повелению. И вплоть до возвращения всечестного апостола своего Оттона пребывали в сем заблуждении.

---

¹ *Cidaris* – латинское слово, означающее персидский головной убор или тиару ветхозаветного первосвященника.

2.

Тем временем, однако, милостивый Промысл Божий, всегда желающий обращения заблудших, не переставал с отеческой кротостью обличать их через некоего чрезвычайно могущественного их согражданина по имени Вышак¹, который чудом спасся от вражеского плена и морского бедствия. И сие никоим образом не следует обходить молчанием, в особенности же потому, что Христос соизволил явить столь явное чудо через блаженнейшего апостола поморян, хоть и в отсутствие его.

Ведь варварская область Поморье расположена на востоке, а по соседству с нею лежит край датчан, отделенный морем. И ширь моря, разделяющего обе сии земли, столь велика, что плывущий посреди него даже в самый ясный день с трудом может различить их берега, подобные крошечному облаку. И вот сей щецинский гражданин, славою и богатством среди своих весьма знаменитый, имел обыкновение часто плавать в земли датчан и брать там добычу; равно как и те, со своей стороны, совершали на Поморье частые пиратские набеги.

Но в то самое время, когда его город впал в отступничество, как мы сказали выше, сей могущественнейший муж Вышак, снарядив внушительную флотилию из шести кораблей, отправился в поход против враждебных ему датчан; однако, угодив в непредвиденную засаду, он был схвачен вместе со всеми своими людьми. Его соратников жестоко удавили, и лишь его одного — только ради выкупа — бросили в темницу, оковав ему руки и ноги, шею и грудь тяжкими цепями. Находясь в сем теснейшем заточении и каждый миг ожидая, что его повлекут на лютую смертную казнь, начал он вспоминать о всечестном апостоле своем, который некогда воспринял его от святой купели Христовой.

И, орошенный целительным ливнем слез, излил он Господу из самых недр сердечных сию смиренную молитву: «Господи Боже Всемогущий, даровавший нам познать Имя Твое из уст святого отца нашего, епископа Оттона, смилуйся и помоги мне в сей скорби ради блаженнейших заслуг того, кто воспринял меня, хотя и недостойного, от священной купели нового рождения. Дабы, если истинно всё то, что слышал я из уст его о Твоем безмерном милосердии, ныне, оказавшись пред столь ужасным ликом смерти, познал я

на опыте. И если Ты даруешь мне свободу, я впредь отступлюсь от сего пиратского промысла; и вере Твоей буду с должным благоговением непрестанно привержен».

Промолвив это, он от крайнего изнурения, вызванного скорбью и голодом, забылся сном; и тотчас узрел возлюбленного апостола своего Оттона, увенчанного епископской митрой. Тот предстал пред ним и пастырским посохом толкнул его, спящего, в бок.

Ошеломленный Вышак, расплакавшись от радости, воззвал к нему слезным гласом: «О отче святой, о слуга Бога Живого, кто привел тебя столь нежданно в этот час?» А тот молвил: «Ради тебя я пришел; вставай как можно скорее и следуй за мною». Пленник же ему: «Как смогу я встать, господин мой и отче, будучи со всех сторон опутан столь тяжкими цепями?» Тогда благодостный отец, сотворив крестное знамение, поднял его; и тотчас оковы его, разрешенные небесною силой быстрее, чем можно вымолвить слово, спали на землю.

Слуга же Господень сказал ему: «Вот, освободил тебя Христос, в Которого ты уверовал. Помни же: когда вернешься в свою землю, передай всем твоим согражданам мое послание. Ибо навлекли они на себя тяжкий гнев Божий, оскорбив Его тем, что, пренебрегли почитанием Его и не убоялись оскверниться прежней идолопоклоннической нечистотою. И если вскорости не одумаются, то навлекут на себя многократное отмщение мести прогневанных Небес — либо здесь, либо в будущем веке». Сказав это, он исчез с глаз его. А Вышак, поспешно выйдя, стремительным бегом направился к морю.

Но, колеблясь, что же делать дальше, он внутренне терзался различными мыслями, говоря: «Вот, Бог по заступничеству блаженнейшего отца моего Оттона даровал мне свободу; но как же без корабля пересеку я такие обширные морские просторы?» Обдумывая сие, в молчании мрачной ночи вдруг видит он перед собой маленькую лодочку, прибывшую к берегу без кормчего — в ней мог бы плыть лишь один человек, сведущий и опытный в таком деле.

Войдя в нее без промедления, он, вооруженный одною лишь верой, пускается в море, так про себя размышляя: «Лучше уж погибнуть в морской пучине, если так нужно, нежели вновь впасть в кровавые руки врагов; ибо если они, упаси Боже, схватят меня на этом берегу, то, предав небывалым и неслыханным пыткам, жестоко удавят».

Но едва он забрался в лодочку, Господь тотчас послал на море сильнейший ветер, который без промедления и без всякого гребца примчал его к берегу города Щецина. Выйдя же на сушу, Вершак со слезами воздал должное благодарение Всемогущему Богу и блаженнейшему отцу своему Оттону. Когда же сограждане с величайшей радостью и изумлением встретили его, он по порядку поведал им всё о постигшем его злосчастье и избавлении.

Во свидетельство сего чуда они даже подвесили ту самую лодочку у входа в городские ворота. Однако, подстрекаемые злыми жрецами, они пренебрегли посланием своего благочестивого учителя, коснея всё в том же заблуждении вплоть до того времени, пока сам святитель, вновь посетив их, не возвратил их на путь истины. О том же, как всё это свершилось, поведает наше дальнейшее повествование.

3.

Итак, избранный архиерей Божий, услышав, что враг посеял плевелы поверх доброго семени (ср. Мф. 13:25), не стерпел того, чтобы щециняне хромали на оба колена (ср. 3 Цар. 18:21), служа и Господу, и идолам. Испросив благословения у Владыки апостолика Гонория и светлейшего короля Лотаря, решил он вновь отправиться в варварские пределы, как для того, чтобы возвратить отступников в лоно Церкви, так и для того, чтобы покорить игу веры иное племя, именуемое Узнам¹, которое еще не слышало Имени Христова.

Итак, с отеческим попечением в изобилии приготовив всё необходимое в пути и призвав многих служителей Слова и соратников, отмеченных набожностью и трудолюбием, в святейший день Вечери Господней, вскоре после освящения мира, благоговейно отслужив торжественную мессу, он, не поевши и обутый в те самые сандалии, в коих предстоял пред алтарем, вознёс знамение креста и пустился в проповеднический путь во исполнение написанного: «Как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое!» (Рим. 10:15).

Итак, когда все духовные чада со слезами провожали многолюбезного своего отца и в искренних молениях испрашивали ему благополучного пути, сам он, вооружившись верою и оградив себя шлемом спасения (ср. Еф. 6:16-17), ринулся в бой, намереваясь взять приступом и сокрушить град вражий.

Первую же остановку сделал он в принадлежащем Бамбергской церкви поместье, именуемом Гройце²; там вместе со спутниками он торжественным образом совершил обряд омовения ног³. На следующий же день, по завершении богослужения и чина Погребения Господня отбыв оттуда, он прибыл в древний город по названию Кирхберг, где с величайшим благоговением встретил Святую пасхальную субботу и самый день Воскресения Христова.

В второй день Пасхи он прибыл в недавно выстроенный им самим монастырь Регенхерсторф, который во вторник с должным благоговением освятил во имя святого Иоанна Крестителя, в многократных молитвах препоручив себя и свой путь блаженному Иоанну, своему близкому покровителю. После сего, будучи всю пасхальную неделю занят сбором средств, необходимых для путешествия, в церковных владениях Шайдунген и Мюхельн, он прибыл в знаменитую саксонскую митрополию Магдебург, где был с почетом принят своим возлюбленным братом, архиепископом Норбертом⁴.

Но поскольку за славою всегда следует зависть, сей архиепископ, видя, как Оттон прибыл из столь далекого края ради дела проповеди, устыдился. Ведь сам он, находясь в городе на границе с варварскими племенами, не дерзнул предпринять ничего подобного. Поэтому, подстрекаемый завистью, он захотел на некоторое время задержать благочестивого учителя, однако тот, пламенея духом, ни в коей мере не мог отступить от своего благого намерения.

Итак, испросив у него благословения, на следующий день Оттон направился в Гаволинское епископство⁵, которое в ту пору из-за частых набегов язычников было разрушено до такой степени, что в нем едва ли сохранились хоть слабые следы христианского имени. Ибо в самый день его прибытия город, повсюду расставив знамена, справлял празднество в честь некоего идола по имени Яровит². Как только человек Божий заметил сие, сокрушенный до глубины сердца столь тяжким заблуждением, отказался вступить в городские стены.

Но, остановившись перед городскими воротами, Оттон призвал к себе Вирикинда, властителя тех мест, и стал укорять его, что допускает совершение такого идолопоклонства. Тот же в свое оправдание поведал, что народ, восставший против своего архиепископа Норберта, когда тот пытался наложить на них еще более тяжкое ярмо рабства, никак невозможно принудить к принятию от него слова учения; и что они скорее предпочтут смерть, нежели смирятся с таковым рабским бременем.

Тот же Вирикинд умолял епископа не отказываться раскрыть этому городу его заблуждение, уверяя, что народ гораздо охотнее внемлет его увещаниям, нежели приказам своего архиепископа. И Оттон, стоя на возвышении перед городскими воротами, проповедовал собравшемуся народу слово спасения и без труда добился от людей отказа от святотатственного празднества, ибо они клятвенно заверяли, что с великой готовностью примут благодать крещения, если только будут под началом иного архиепископа.

Честной же проповедник, являя присущую ему благосклонность, одарил того самого Вирикинда великим множеством золота, а его супруге преподнес драгоценную псалтирь⁷; и там же для нужд путешествия он приобрел различные припасы вместе с тридцатью повозками. Затем он стал допытываться у Вирикинда, готов ли тот предоставить ему проводников через свои земли, как обещал ему в городе Мерзбурге в присутствии славнейшего короля Лотаря. Тот отказал, ответив, что Оттону вскоре предстоит проходить через земли его врагов, и потому он не может дать ему провожатых, ибо его приверженцы, будучи схвачены этими врагами, могут погибнуть лютой смертью.

---

¹ Жители острова Узнам (*gens Uznoim*; польск. *Uznam*) относились к западнославянским поморским племенам и были ближайшими соседями волинян.

² В исторической географии *Growse* чаще всего отождествляют с тюрингской коммуной *Грайтшен-бай-Бюргель* (нем. *Graitschen bei Bürgel*) — в пользу этого говорит маршрут миссии: на следующий день Оттон прибыл в *Кирхберг* близ *Йены*, находящийся неподалёку. Иногда упоминается также саксонский *Гройч* (*Groitzsch*), однако эта версия менее согласуется с географией пути. Оба современных названия, как и латинское *Growze* в тексте Эбона, происходят от славянского корня «град» (*grad / gradišče* — городище, укрепление), так как эти земли ранее были населены славянами-сорбами.

³ В оригинале – *autenticum mandatum*, т.е. «установленная свыше заповедь». В средневековье обряд омовения ног в Великий четверг так и назывался – *Mandatum*, по первым словам антифона «*Mandatum novum do vobis*» (Заповедь новую даю вам — Ин. 13:34).

⁴ Речь идет о св. Норберте Ксантенском, основателе ордена премонстрантов и архиепископе Магдебургском в 1126–1134 годах.

⁵ Город *Гаволин* (ныне *Хафельберг*) располагался на реке *Гавола* (*Хафель*), на границе со славянскими племенами *лютичей* и *ободритов*, и после Великого славянского восстания 983 г. регулярно подвергался их набедам, из-за чего христианская жизнь там практически угасла.

⁶ *Яровит* (в латинской передаче *Gerovitus*) — западнославянский бог войны и плодородия, чей культ был особенно силен в *Гавельберге* и *Вольгасте*. Его главным атрибутом

выступал священный щит, а празднества традиционно сопровождалось выставлением боевых знамен (vexillis).

⁷ Возможно, именно в щедрости св. Оттона заключалось его миссионерское преимущество в глазах славян перед св. Норбертом, который, как известно из его жития, отличался необычным даже для своей среды отрешением от материальных благ.

4.

Затем достолюбезный отец, призвав на себя всемогущую длань Божию, продолжил свой путь. Был там лес преобширный. Пробираясь через него в течение пяти дней, он вышел к озеру дивной длины. Увидев там какого-то бедолагу, сидевшего в уютной лодчонке, он купил у него великое множество рыбы. Но тот, о диво, несмотря на предложенное ему в изобилии серебро и иные блага, не согласился взять никакой другой платы, кроме одной лишь соли. Ибо он поведал, что уже семь лет не вкушал хлеба, поддерживая свою скудную жизнь лишь рыбою да водой из того озера.

Дело в том, что когда эта область была захвачена князем Польским, он, бежав вместе со своей женой и прихватив лишь топор да тесак, отыскал посреди того озера небольшую отмель. Построив там хижину, он жил в безопасности и в летнее время заготавливал такое множество сушеной рыбы, что ему с избытком хватало на всю зиму. Для засолки сей рыбы он и купил у доброго проповедника немалое количество соли.

Было там также одно варварское племя, именуемое моричанами (Moriz). Услышав о славе блаженного святителя, они сами пожелали, чтобы он просветил их таинствами веры. Но он, будучи мужем благоразумным и одаренным чрезвычайной сметливостью, отослал их к архипастырю их Норберту, сказав, что не подобает строить на чужом основании (Рим. 15:20); и что сам он призван указом Владыки папы и посланиями поморского князя Вартислава идти к более отдаленным народам.

Они же, открыто заявив, что не желают следовать за Магдебургским архиереем, ибо тот пытался угнетать их тягчайшим игом рабства, пообещали смиренно преклонить выю своего сердца пред Оттоном как пред благочестивым слугою Божиим и во всем повиноваться его словам. Видя их усердие, он благосклонно ответил, что покамест держит путь к порученным ему племенам; но после их обращения, если моричане пребудут в своем желании, он с превеликой готовностью посетит их, опираясь на власть и позволение Владыки папы, а также с согласия архиепископа Норберта.

5.

Итак, прибыв в город Дымин, он обнаружил там великие военные приготовления и вражеское вторжение лютичей. Ибо лютичи, чей город вместе с языческим капищем славнейший король Лотарь из ревности о справедливости недавно предал огню, пытались опустошить Дымин и увести в плен его жителей. Но те, мужественно сопротивляясь, просили помощи у князя Вартислава. Князь же наказал нашему блаженному отцу дожидаться там его прибытия; и Оттон ожидал его в течение двух дней среди вражеских набегов не без угрозы для собственной жизни.

В самый же день прибытия несравненного святителя граждане Дымина проводили перед городскими воротами народный сход. Но поскольку город был расположен в долине, то когда Оттон спускался с гор со столь огромным караваном из тридцати повозок, весь народ, перепуганный этим шумным грохотом и решив, что это на них идут в наступление

вражеские отряды, попытался как можно скорее укрыться в городе и приготовиться к обороне. Однако, когда слуга Божий приблизился, они не заметили в его окружении никакого оружия, а увидели лишь знамение креста. Тотчас узнав благочестивого Оттона, о коем среди них уже ходила громкая слава, они с ревностным благоговением выбежали ему навстречу и настойчиво просили войти в стены их города.

Он же, отказываясь вступать в город, оскверненный нечистотами идолопоклонства, раскинул шатры перед городскими воротами и обитал там. Тем временем, призывая к себе народных старейшин, он дивной сладостью своей проповеди побуждал их принять благодать христианской веры и спасительной купели. Однако древний враг, видя, как приумножаются там приобретения Господни и его собственные убытки, не смог утаить зависти своей к слуге Божию, но, напустив некий ложный страх, попытался изгнать его из тех пределов.

Ибо в следующую ночь на помощь дыминцам прибыл поморянский князь с двумя войсками, а именно с морским и конным. Конница должна была подоспеть первой, однако ветер, стремительно подталкивая корабли, пригнал их к берегу быстрее. Когда же конное войско, прибыв позже, обнаружило там союзный отряд, который, как оно полагало, должен был последовать за ним с большим опозданием, то заподозрило, что наткнулось на вражеский строй, ибо опустилась непроглядная ночная мгла; и тотчас с обеих сторон поднялись беспорядочный крик и невыносимый шум.

Вся свита честного святителя, объятая великим ужасом, стала побуждать друг друга к бегству, **ибо** господин Альбвин, переводчик человека Божия, уверял, что это подоспел отряд язычников-лютичей и уже терзает княжеское войско безжалостной резней. Несравненный же учитель поспешно послал туда того самого Альбвина, благочестивого пресвитера, дабы разведать истинное положение дел. Тот, стремительно бросившись в реку, благо был искусен в плавании, обнаружил, что всё уже успокоилось, ибо оба войска наконец-то узнали друг в друге сограждан; и твердили они, что были охвачены дьявольским наваждением.

Князь же Вартислав, невероятно обрадовавшись прибытию честного пастыря, велел ему без промедления переправиться к нему на противоположный берег, сказав, что это поистине Божественное чудо — как Оттон два дня пробыл там невредим среди столь частых вражеских набегов. И в самом деле, если бы не осеняла его многомогущая защита Божия, словно несокрушимый щит, он погиб бы вместе со всей своей свитой, не оказав ни малейшего сопротивления.

Вскоре же, когда на землю вернулся день, князь со своими войсками вторгся в земли мятежных лютичей, опустошая всё мечом и огнем. К вечеру же, возвратившись обремененным великой добычей, он с подобающим почтением препроводил дражайшего своего отца Оттона в Узнам, где тот своевременно обрел спокойное пристанище для жизни и проповеди.

6.

И тотчас же, в праздник Пятидесятницы, князь созвал в том же месте всеобщий съезд предводителей своего государства. Когда туда съехались старейшины Дымина и прочих городов, он мудро стал побуждать их принять иго христианской веры. Ибо сам он еще в отрочестве был уведен пленником в германские земли и в городе Мерзебурге обрел благодать крещения; однако, живя среди язычников, не мог открыто исполнять обряды

христианского закона. Оттого и желал столь горячо, чтобы народ, над коим он властвовал, покорился игу веры.

Итак, когда предводители заняли свои места, князь начал такую речь: «Вы видите, возлюбленнейшие, как сей блаженнейший отец, убеленный к тому же почтенными сединами, ради вашего спасения оставил всю славу и великолепие, коими он обладал у себя на родине. С опасностью для жизни он прибыл в эти далекие и неведомые ему края; ради любви к Богу не щадя ни собственных средств, ни своих седин, но душу свою полагая на смерть (ср. Ин. 10:11), дабы призвать вас от смерти к жизни, не поколебался он предпринять сие тяжкое и невероятно трудное путешествие.

Уже, правда, многие приходили раньше, возвещая слово Божие в здешних краях, и их вы по наущению сатаны предали смерти. Одного из них вы даже недавно распяли на кресте; однако капелланы господина моего епископа, собрав его кости с должным благоговением, с почестями предали их погребению. Но с сим достопочтеннейшим владыкою моим епископом, о коем повсюду ходит громкая слава, вы не должны, да и не сможете обойтись подобным образом. Ведь он — посланник папы и любимец непобедимейшего государя нашего, короля Лотаря, а потому и сам повелитель Римской империи, и все вельможи, почитая его как отца, во всем стараются следовать его советам.

Посему знайте несомненно: если государь король услышит, что вы причиняете ему хоть какую-то неприятность или чините противодействие, он без промедления явится сюда с войском и, не остановившись перед бойней, изничтожит вас и вашу землю.

«Не мое это дело — принуждать вас к этому вероучению, ибо, как слышал я из уст владыки моего епископа, Богу не угодны служения по принуждению, но лишь добровольные. Посему, собравшись меж собою втайне для единогодушного совета, обсудите дело вашего спасения и сообща постановите, как надлежит вам с должным уважением принять сего достопочтеннейшего слугу Божия и вашего апостола».

Услышав это, предводители и старейшины, отыскав удобное место для совещания, долго и мучительно колебались, терзаясь сомнениями, и в особенности потому, что идольские жрецы ради собственной корысти яро им противились.

Но сторонники более здравого суждения утверждали, что было бы верхом безграничного безумия, когда земли всех окрестных народов и весь Римский мир уже приняли иго христианской веры, им одним, словно выкидышам (ср. Вульг. 1 Кор. 15:8), оставаться отчужденными от лона святой матери Церкви. И говорили, что по справедливости надлежит возлюбить Бога христиан, Который на протяжении стольких лет терпел их мятежность, снисходительно ожидая их обращения; и что следует премного страшиться, как бы, и далее отвергая Его иго, не навлечь им на себя невыносимую месть небесного гнева.

Наконец, по предваряющему милосердию Божию, они единогодушно отреклись от почитания идолов и, склонив шею под иго веры, запросили благодати крещения. Услышав об этом, всечестной пастырь, расплакавшись от радости и преклонив колени, вознес Богу глубочайшие благодарения.

7.

Итак, вскоре, когда в том же городе приняли крещение все предводители, Оттон разослал некоторых из сопровождавших его пресвитеров по двое (ср. Лк. 10:1) в другие города

перед лицом своим, дабы они возвещали народу об обращении знати и о его скором прибытии.

Двое из них, а именно Ульрих, благочестивый пресвитер церкви Святого Эгидия, и уже упомянутый Альбвин, переводчик человека Божия, направились в богатейший город, именуемый Вологощ. Там их с почетом приняла почтенная госпожа, жена градоначальника. С превеликим смирением и благоговением она омыла им ноги и, тотчас накрыв на стол, подкрепила их обильнейшими яствами. Они же немало удивлялись и поражались тому, что обрели в царстве диавола такую благодать смирения и гостеприимства. Наконец по завершении трапезы господин Альбвин, обратившись к хозяйке наедине, поведал ей о причине своего прибытия и о том, как на съезде в Узнаме все предводители, отвергнув скверну идолопоклонства, облеклись в благодать Христову. Услыхав сие, она испугалась до такой степени, что, рухнув наземь, долгое время лежала ни жива ни мертва.

Когда ее привели в чувство водой, господин Альбвин стал допытываться: отчего она так ужаснулась благодати Божией, тогда как ей следовало бы скорее радоваться тому, что Бог посетил народ Свой (Лк. 7:16), ниспослав ему столь достойного служителя Слова. А она молвила: «Не от этого оцепенела я, но сердце мое содрогнулось от мысли о вашей неминуемой смерти, что нависла над вами уже прямо сейчас. Ибо градоначальники вместе со всем народом твердо постановили: если вы хоть где-нибудь появитесь, вас умертвят без всяких колебаний. И вот дом мой, всегда тихий и мирный, бывший гостеприимным кровом для всех приходящих странников, ныне запятнается вашей кровью! «Ибо воистину, стоит лишь кому-либо из градоначальников проведать, что вы вошли сюда, как в тот же час мой дом будет взят в осаду; и я, несчастная, если не выдам вас, сожжена буду вместе со всеми моими домочадцами. Посему поднимитесь в верхние покои моего дома и там затаитесь. А я отошлю своих слуг вместе с вашими пожитками и лошадьми в свои дальние поместья, дабы, если нагрянут соглядатаи, я могла бы уверенно отвести подозрения, коль скоро ни вашей одежды, ни лошадей у меня не обнаружат».

Они же, возблагодарив ее за милосердную предусмотрительность, поступили так, как были научены. И тотчас же, когда слуги увели их лошадей и унесли одежду, в дом ворвалась разъяренная толпа; обыскивая всё вокруг, они с угрозами требовали выдать им на смерть вошедших туда странников. Хозяйка дома молвила им: «Признаюсь, они приходили в мой дом; но, вдоволь подкрепившись, спешно ушли. А я так и не смогла выяснить, ни кто они, ни откуда пришли, ни куда держали путь. Ступайте же в погоню — быть может, настигнете их» (ср. Вульг. Нав. 2:4-5).

Они же поведали: «Раз они уже ушли, то гнаться за ними бесполезно; пусть себе продолжают свой путь. Но уж если вновь здесь объявятся, пусть знают несомненно: их предадут верной смерти». Таким-то образом по мановению Божию их поиски прекратились; слуги же Божии Ульрих и Альбвин тайно скрывались в верхней горнице той госпожи (ср. Вульг. Нав. 2:6), словно у новой Раав.

8.

Причиной же тех самых поисков и смятения послужил некий идольский жрец. Заслышав молву о новой проповеди, он прибегнул к хитрой уловке: облачившись в храмовую мантию и прочие священные одеяния, он тайно покинул город и, отправившись в соседний лес, внезапно выскочил перед неким проходившим мимо крестьянином, до смерти напугав его своим необычным видом. Тот, увидев его облаченным в одеяния

идола, решил, что это явился ему сам верховный бог его; оцепенев от ужаса, он рухнул ниц, ни жив ни мертв, и услышал, как тот говорит: «Я — бог твой, коего ты почитаешь. Не трепещи; но встань поскорее и, войдя в город, передай градоначальникам и всему народу мое послание: если ученики того обольстителя, что обретается ныне с князем Вартиславом в Узнаме, объявятся здесь, пусть без малейшего промедления предадут их самой лютой смерти. Иначе же город вместе с жителями погибнет». Когда тот крестьянин с превеликой поспешностью возвестил об этом горожанам, те, единодушно собравшись, попытались исполнить повеление своего бога. Но, как мы уже говорили, Божественный Промысл скрывал Своих слуг, пока на следующий день благочестивый епископ Оттон, прибыв туда вместе с князем, не вывел их из укрытия.

Однако даже в самый день прибытия епископа не обошлось без испытания, ниспосланного слугам Божиим по зависти диавола. Ибо когда день уже клонился к вечеру, некоторые из спутников владыки епископа, желая осмотреть языческий храм, расположенный в том же городе, отправились туда без должной осторожности. Заметив это, некоторые из горожан заподозрили, что те хотят предать сие святилище огню, и, собравшись вместе, порывались с устрашающим лязгом оружия выступить им навстречу. Тогда благочестивый пресвитер Ульрих, обратившись к своим товарищам, молвил: «Неспроста собираются эти люди; но знайте: они наверняка спешат нас погубить».

Услышав сие, спутники повернули вспять, ища спасения в бегстве. Клирик же по имени Дитрих, который, опередив их, уже подошел к дверям самого капища, не зная, куда бы ему скрыться, дерзко ворвался прямо в храм. Увидев прикрепленный к стене золотой щит, посвященный Яровиту, который был у них богом войны (прикасаться к этому щиту у них воспрещалось), он сорвал его и выступил им навстречу. Они же, будучи людьми невежественными и темными, решив, что это сам бог их Яровит выходит им навстречу, отступили назад и пали на землю (Ин. 18:6). Дитрих же, видя помешательство их, бросил щит и обратился в бегство, благословляя Бога, Который соизволил избавить Своих верных от их рук.

9.

Итак, апостол поморян, всю ту неделю сеявший в том же городе слово веры и преподававший благодать крещения, поставил над ними благочестивого пресвитера Иоанна. А затем он направился в другой город, Хоцьков¹, в коем находились искусно выстроенные и изумительно украшенные храмы языческие, воздвигнутые тамошними жителями за триста талантов. Они даже предлагали нашему блаженному отцу огромную сумму денег, лишь бы он не разрушал эти капища, а оставил их целыми и невредимыми ради украшения того места. Однако человек Господень наотрез отказался от этого, твердо заявив, что ни при каких условиях не позволит сохранять святотатственные строения. Ибо, говорил он, после его ухода они послужат поводом для отступничества и причиной падения для немощных в вере, а он вовсе не желает обременять себя пред Богом виной за подобный грех.

Великую же убедительность придавало его проповеди то, что — хотя Господь повелел возвещающим Евангелие жить от Евангелия (ср. 1 Кор. 9:14) — сам он, подобно апостолу, не воспользовался этим правом. Более того, он содержал себя и своих спутников на собственные средства, с отеческой предусмотрительностью рачительно распорядившись, чтобы верные посланники в установленное время доставляли их ему из епископских поместий. Так он всеми силами старался лишить завистников всякого повода для злословия, дабы те не возомнили, будто он отправился в столь отдаленные края из-за нужды; словно бы, спасаясь от нехватки продовольствия на своей родине, он

подался в эти богатейшие области и хитроумно искал себе средства существования под предлогом благовествования.

Благоразумно понимая это, муж пронцательнейшего ума ни за что не желал пожинать плотского у тех, кому сеял духовное (ср. 1 Кор. 9:11), и даже в дар не соглашался ничего от них принимать. Если же кто-либо из знатных людей, привязанных к нему самой преданной дружбой, предлагал что-то по доброй воле и настойчивыми мольбами понуждал его принять это, он, почтительно преподнося им какие-либо из своих ценностей, отдавал им больше, чем получал. Так он брал пример с Соломона, который даровал царице Савской, поднесшей ему всевозможные дары, много больше того, что от нее получил (ср. 3 Цар. 10:13). Оттого-то все и слушали сего блаженного отца с величайшей охотой, ибо видели: будучи столь щедро наделен мирскими богатствами, он взялся за дело проповеди лишь по любви Христовой, а не ради какой-либо корысти.

---

¹ *Ныне г. Гюцков в земле Мекленбург-Передняя Померания.*

10.

В то самое время, когда он разрушал эти дивные по своей постройке капища в городе Хоцькове, к нему прибыли почтенные послы маркграфа Адальберта, дабы тщательно разузнать о его положении. Вместе с ними прибыли и посланники из его собственных поместий Мюхельн и Шайдунген, доставившие ему, согласно уговору, своевременное вспоможение. Видя же, как благодать Божия там возрастает, а Церковь укрепляется, они исполнялись великой радости и утешения Святого Духа.

И поистине это было отрадное зрелище, когда истуканов дивной величины, невероятно красиво искусными ваятелями вырезанных, которых с трудом могли сдвинуть с места многие упряжки волов, волокли на сожжение по спуску некоего моста — с отрубленными руками и ногами, с выколотыми глазами и отсеченными носами. Приверженцы же идолов стояли рядом и с громким воплем призывали помочь богам, а сих нечестивых губителей отечества сбросить с моста в воду. В то же время другие люди, державшиеся более здравых суждений, возражали: если бы они были богами, то смогли бы защитить самих себя, но поскольку они безмолвствуют и не могут сдвинуться с места, если их не тащат, то совершенно очевидно, что они лишены всякого чувства и духа жизни. Идольские же жрецы ради собственной корысти пытались поднять мятеж.

Ибо, как читаем мы у пророка Даниила, изо дня в день сим высящимся огромной громадою истуканам с превеликой пышностью подносили всевозможные яства и пития, а жрецы, тайно пробираясь туда со своими друзьями, всё это поглощали и утверждали, будто всё съедено богами.

11.

И, очевидно, не следует обходить молчанием то чудо, которое явилось при разрушении самих капищ. Ибо внезапно, когда вокруг стояло великое множество народа, из идольских святилищ с неистовой силой вырвались мухи необычайной величины, доселе невиданные в той земле. Они покрыли всю городскую округу так плотно, что, казалось, почти затмили дневной свет мрачной мглой. С неимоверной назойливостью облепляя всем глаза и губы, они наводили немалый ужас на взиравших на это людей.

И хотя их пытались отогнать сильными взмахами рук, они тем не менее довольно долго оставались назойливы. И лишь когда верные громогласно воспели хвалу Богу и совершили крестный ход, сие ненавистное чудище, вылетев в открытые ворота, со стремительной быстротою умчалось в землю варваров, коих именуют руянами¹. Посему по суждению всех мудрецов было решено, что знамение сего рода предвещает не что иное, как изгнание бесов, коих князем был Вельзевул, то есть «повелитель мух». И сии бесы, не в силах вынести благодати христианского имени, просиявшей от новых учителей, и не найдя более пристанища в этих краях, направились к руянам, доселе опутанным языческим заблуждением.

---

¹ *Rutneni* – славяне островного княжества Руян (ныне нем. о. Рюген), иначе называемые также ругиями и руянами.

12.

Итак, честной проповедник, разрушив идольские капища и собрав народ в лоно матери-Церкви посредством купели святого возрождения, начал во имя Христова строить новую базилику. Когда на ее освящение прибыл местный князь по имени Мицлав, который недавно вместе с другими предводителями удостоился благодати крещения на собрании знати, состоявшемся в Узнаме на Пятидесятницу, блаженный святитель обратился к нему через своего переводчика Адальберта, ставшего впоследствии епископом, такими словами: «Сын мой возлюбленный, которого я родил Христу Господу благовествованием (ср. 1 Кор. 4:15), сие внешнее освящение знаменует будущее внутреннее освящение твоего сердца. «Ибо ты храм Божий, в коем Христос благоволил обитать верой (ср. 1 Кор. 3:16 и Еф. 3:17); и если ты пожелаешь так украсить обитель своего сердца, дабы сие жилище было угодно Богу, испытующему его (ср. Прит. 24:12), то я с духовной радостью смогу совершить это внешнее освящение». Тот же, глубоко тронутый сими словами блаженного отца и своего апостола, слезным гласом ответил: «Что же, отче святой, велишь ты мне сотворить, дабы Бог благоволил посетить обитель моего сердца?» А тот: «Вот в чем мое наставление: исследуй тайники своей совести и, если ты отнял у кого-либо что-нибудь силой, воздай по справедливости; если же кого-то взял в плен ради выкупа, отпусти его во славу Божию». Тогда князь в ответ: «Я ни над кем не чинил насилия; однако у меня есть много пленников, которые тяжело мне задолжали». Человек же Господень ему: «Разузнай, нет ли среди них христиан». И когда князь провел розыск, то нашел множество христиан из датских земель; тотчас освободив их от всякого долга, он передал их нашему блаженному отцу.

Слуга же Божий, возрадовавшись сему, молвил: «Раз уж ты положил начало, доведи до конца угодную Господу жертву: освободи также и язычников, томящихся в плену, дабы им было легче склонить свои выи под иго веры». Князь ответил: «Эти люди повинны во многих злодеяниях и нанесли мне невосполнимый урон. Однако, дабы радость сего освящения не омрачилась никакой печалью, то по слову твоему, возлюбленный отче, пусть будут отпущены на свободу». Услышав это, всечестной учитель со слезами возблагодарил его, молвив: «Вот теперь сие освящение будет Богу благоугодно, ибо этим делом милосердия ты освятил обитель своего сердца Господу, дабы Он вселился в него». И, промолвив это, он приступил к торжественному чину освящения церкви.

Однако по мановению Божию совершенно неожиданно не оказалось пепла¹. И хотя служители клялись, что накануне разложили его вокруг алтаря, странным образом нигде не удалось найти даже следа того, что он был просыпан². Тогда благочестивый пресвитер

Ульрих, ведомый Духом Божиим, поспешно отправился в некое подземное помещение, дабы набрать пепла. Услышав, как он вошел, томившийся там пленник издал стон и протянул руку из своей темницы. Ошеломленный слуга Божий Ульрих подошел посмотреть, что бы это могло быть, и увидел юношу, чьи шея, грудь и ноги были жалким образом закованы в железо.

Призвав переводчика, Ульрих услышал от него следующее: «Слуга Божий, сжался надо мною; прости руку свою и вызволи меня от сего тягчайшего ига неволи. Ибо я — сын знатнейшего предводителя датского, а князь Мицлав держит меня здесь взаперти за пятьсот марок, что должен выплатить ему мой отец». Услышав сие, Ульрих поспешным шагом возвратился к епископу и, встретившись с ним наедине, молвил: «Неспроста приключилось сие препятствие нашему освящению; ибо, отлучившись за пеплом, я по мановению Божию обнаружил в тягчайшем заточении сына датского предводителя. И это освящение не будет действительным, покуда юношу не отпустят на свободу вместе с остальными».

Епископ ответил ему: «Он уже и так сделал для нас так много, что я не осмеливаюсь просить его о чем-то еще, ведь вообще-то даже в германских землях вряд ли кто-нибудь из знати с легкостью пошел бы на подобное. Но если желаете, поговорите с ним наедине сами; быть может, он и уступит вам, хотя дело это крайне трудное». Итак, Ульрих, взяв с собой своего переводчика Адальберта, отвел князя Мицлава в сторону от толпы. Поприветствовав его сперва словом мира Христова, он спросил: все ли его пленники отпущены на свободу?

Когда тот ответил: «Да», переводчик Адальберт ему: «Зачем же ты пытаешься обмануть Христа, Коего обмануть невозможно? Зачем, лукавя, огорчаешь апостола Его? Вот, своим лукавством ты создал препятствие сему освящению. Ведь пепел, положенный здесь вчера, сегодня по мановению Божию бесследно исчез. А когда дражайший капеллан господина моего Ульрих не случайно, но по Божьему устройению отлучился, дабы отыскать пепел, он обнаружил твоего пленника, коего ты вздумал утаить от Бога, Которому открыто всё».

Услышав сие, ошеломленный князь промолвил: «Этот пленник обременен передо мною долгом в исключительной степени, больше всех остальных. И посему я слезно прошу тебя: пусть дело его не передается огласке, но пусть он и дальше, как того и заслуживает, содержится в том подземном узилище». Слуга же Божий Ульрих ответил ему: «Упаси Бог, чтобы столь великие дела милосердия, явленные тобою пред Господом — дела, коими ты снискал изумление и почет даже у самого моего владыки епископа, — пошли прахом из-за одной лишь этой жестокости! Знай же воистину: радость сего святейшего освящения никоим образом не сможет свершиться, если ты не принесешь угодной Богу жертвы, отпустив заодно с прочими и этого юношу».

А князь молвил: «Что же тогда станется с теми пятьюстами талантами³ серебра, что его отец должен выплатить мне за нанесенный неслыханный урон?» На что слуга Божий ответил: «Не терзайся об этом столь тяжелой печалью; у Господа есть из чего воздать тебе за сие сторицею».

Князь же Мицлав, ощутив благодаря предваряющей благодати Божией сокрушение, весь залился слезами и, тяжело вздыхая да внутренне с самим собой борясь, молвил: «Бога призываю во свидетели: даже если бы я предал свое тело на мученичество ради имени Его, не смог бы совершить ничего значительнее и для души моей тяжелее, нежели то, что я совершаю ныне. Сего юношу, обремененного передо мною столь великим долгом,

которого я твердо решил ни за что не отпускать на свободу, ныне, совершая лютое насилие над собственной душой, я освобождаю к чести Всемогущего Бога и из любви к владыке моему епископу».

И тотчас, послав своих воинов, князь вывел юношу из мрачного узилища и, своими руками возложив его, всего закованного в цепи, на освящаемый алтарь, принес его словно бы на всесожжение в приятное благоухание Господу (ср. Лев. 1:9, Еф. 5:2). Затем он велел снять с него оковы, в то время как все присутствующие плакали от радости и благословляли Бога за столь великое княжеское благочестие. И тогда наконец досточтимый архиерей Христов завершил торжественный чин освящения церкви с еще большей радостью и усердием, нежели в начале.

---

¹ См. Римский Понтификал (*Pontificale Romanum*); Чин освящения церкви (*De ecclesiae dedicatione*): «Тем временем один из служителей рассыпает пепел по полу церкви в форме креста» и т.д. «Затем архиерей берет соль и смешивает с пеплом... Затем, взяв горсть из смеси соли и пепла... трижды бросает в воду... Затем наливает... вино в саму воду» и т.д. – прим. изд.

² Из сосуда. Ибо накануне освящения «приготавливаются в церкви те вещи, которые необходимы для освящения», среди них «сосуд с пеплом», см. Римский Понтификал в указ. месте. – прим. изд.

³ Выше этот же выкуп за плененного датского принца был назван «пятьюстами марками» (*quingentis marcis*). Здесь агиограф Эбон использует более возвышенное, классическое и библейское слово *talenta* (таланты).

13.

Но древний враг рода нашего, взирая на эти радости неблагоклонными очами, ибо блаженный святитель исхитил там из его неволи бесчисленные сосуды (ср. Вульг. Мк. 3:27), попытался всеми способами заглушить сии радостные семена христианского посева плевелами мятежей и внешних военных вторжений. Ибо польский князь по имени Болеслав, еще до прибытия отца нашего Оттона претерпев тяжкий урон от народа поморского, объявил о походе на них с сильным войском. Этой вестью народ сей, лишь недавно приобщенный к таинствам веры, был немало уstraшен.

Тогда предводители и старейшины, единодушно бросившись к своему апостолу, словно в самое надежное убежище, стали настоятельно просить у него совета, говоря: «Ты, господин наш и отче, когда мы склонялись под иго христианской веры, именем Божиим пообещал нам свободу и нерушимый мир. И вот, братья наши поляки в самом начале нашего пути в вере, разорвав мирный договор, объявляют нам войну и пытаются пролитием человеческой крови вновь осквернить народ, лишь недавно очищенный купелью крещения. Но не дай Бог, чтобы в твоём присутствии собранная здесь Церковь Христова была рассеяна, ведь вместе с твоим приходом в край этот вошел и мир!»

Услышав сие, всечестной отец, роняя из глаз слезы, молвил: «Не бойтесь. Могушествен Бог мой, в Которого вы уверовали при смиренном приходе моем: Ему под силу пресечь причины этой войны и возвратить желанный мир Своей новой овчарне. И сам я готов предать душу мою на смерть за вас; вы же лишь усердствуйте в вере, коей были научены. Я со своими спутниками отправлюсь к польскому князю и с Божией помощью отвращу

его от намерения воевать». Они же, припав к его стопам, воздавали ему должные благодарения.

И тотчас, дав надлежащие распоряжения своим спутникам, он оставил благочестивого пресвитера Ульриха вместо себя для утверждения в вере новокрещеного народа Узнама; сам же, как и условился, без промедления отправился к польскому князю. Князь же, узнав о его прибытии, поспешно вышел ему навстречу с должным почтением и, как и подобало, неустанно окружал его всяческим человеколюбивым попечением. Ведь он и прежде имел с ним весьма близкое знакомство.

Узнав же о цели его пути, князь пришел в крайнее изумление. Он поведал, что этот свирепый народ со зверской жестокостью опустошил его земли и перебил его людей, дойдя до того, что даже вытаскивал предков его из могил, разбивал им черепа, выбивал зубы и разбрасывал их кости по большим дорогам. Князь поражался тому, что епископ не был разорван ими заживо, ведь все, кто прежде проповедовал там Христа, были преданы смерти, а один недавно погиб, будучи распят на кресте.

Он же, открыто засвидетельствовав, что надежно огражден защитой Божией, покровительством Римского государя и заступничеством князя Вартислава, ответил, что народ этот уже приобщен к благодати Христовой; и что сам он для того и прибыл, дабы отвратить военное вторжение от тех, кто принял мир Божий, чтобы сие новое стадо, смутившись в самом начале своего пути в вере, не совершилось с правой стези.

Князь же Болеслав ответил, что ему нелегко прервать этот поход, который готовился столь долгое время. Ведь весь его народ впредь ни во что не будет его ставить, если он не покарает должным возмездием князя поморян, так тяжело перед ним провинившегося; и добавил, что благодарит Бога за то, что слуга Божий покинул те края, ибо в его присутствии он не смог бы пойти войной на враждебный ему народ. На это епископ ответил: «Хотя сам я и ушел, но там остался мой возлюбленный капеллан Ульрих, которого я оставил для утверждения и утешения новокрещеной паствы; и я терзаюсь о нем тревогой ничуть не меньше, чем о самом себе. Итак, да будет тебе ведомо, дражайший сын мой: если сию новую невесту Христову, потрясенную натиском этой войны, ты отвратишь от ига веры, то на Страшном суде должен будешь дать за это ответ Богу (ср. Рим. 14:12). Я же готов и смерть принять за вверенных мне овец» (ср. Ин. 10:11). На это князь ответил: «Если князь поморян пожелает, смирившись, самолично выйти мне навстречу и молить о прощении, я поступлю по твоему слову. И призываю во свидетели Бога Небесного: в столь великом деле я не уступил бы даже государю моему, королю Лотарю; но ныне я почтил лицо твое и досточтимые седины твои (ср. Лев. 19:32), ибо ради любви Божией ты не побоялся утрудиться, отправившись в столь отдаленные варварские пределы».

И тотчас же были направлены почтенные послы, дабы призвать князя Вартислава и капеллана Ульриха, предварительно предоставив им столь желанную поруку крепчайшего мира. Совершив трехдневный путь, они прибыли в Польшу и, будучи с почетом приняты вместе со своей свитой, приступили к обсуждению дела, ради которого приехали. Два дня они не могли договориться, но наконец на третий день при споспешении Господнем и посредничестве честного Оттона примирились и обменялись лобзанием мира. И, оставив всякий помысел о войне, оба князя на глазах у многочисленной знати и вельмож заключили договор о нерушимой дружбе.

Сам же князь поморян в свидетельство своего благочестия возложил на алтарь блаженного мученика Адальберта великое множество серебра на нужды каноников,

совершающих там служение Богу. Усердно поручив себя их святым молитвам, он тем же путем, коим прибыл, вместе с честным Оттоном и всею своею свитой возвратился в Уznam. И вот народ, лишь недавно посвященный законам Христовым, со слезами воздавая благодарения за ниспосланную Богом поруку мира, взаимно побуждал друг друга к непоколебимому хранению предания правой веры. Честной же проповедник, как и прежде, с неусыпным попечением рассылал служителей Слова по окрестным городам.

14.

Жили же за морем¹ варвары, отличавшиеся беспримерной жестокостью и свирепостью; называли их укранами². Они, заслышав молву о блаженном святителе, через частые посольства велели передать ему: если он когда-либо осмелится вступить в их пределы, пусть знает, что без малейшего промедления будет предан самой лютой смерти вместе со всеми своими спутниками. Человек же Божий, пламенея духом, ни во что не ставил их угрозы и раз за разом порывался направиться туда, однако все, кому была дорога его жизнь, удерживали его. И всё же он тяжко скорбел, что никто из его спутников не изъявлял желания взяться за сие дело.

Уразумев сие, Ульрих, благочестивый иерей церкви Святого Эгидия, без малейших колебаний вызвался пойти на эту опасность. Честной Оттон, безмерно сему обрадовавшись, тотчас дал ему соизволение и выделил спутников для пути. Толмач же человека Божия, Адальберт, в ту пору при этом не присутствовал; однако впоследствии, проведая о случившемся, принялся всемерно отговаривать владыку епископа от этого намерения, со слезными рыданиями взывая к нему: «Святый отче, что же ты делаешь? «Отчего же ты не страшишься обречь на смерть своего возлюбленнейшего соратника? Знай же воистину, что все мы наложим на тебя покаянный пост, как на виновника его гибели!» Слуга же Божий, улыбнувшись, молвил: «Разве не Сам Господь Иисус Христос посылал учеников Своих, как овец среди волков (ср. Мф. 10:16; Лк. 10:3)? Да и учитель всей Церкви, князь апостолов³, столь многих из числа своих предназначал на то, дабы усмирять варварскую свирепость».

А ведь и святой папа Климент направил Дионисия Ареопагита в Галлию; да и иные римские понтифики ради благовествования посылали своих возлюбленнейших учеников к язычникам, от рук которых те пали убиенными. И однако же наставники не признавали себя виновниками их гибели, но, напротив, с радостным благоговением сорадовались славе их мученичества. *Свидетель мне Бог* (Рим. 1:9), что ради любви к Нему я и сам готов был бы взять на себя сию опасную повинность проповеди. Но раз уж вы силой преграждаете мне путь к отбытию, я не стану отказывать сему борцу Христову, желающему отправиться туда по доброй воле».

В следующую же ночь Ульрих увидел во сне, будто он стоит в притворе церкви святого Эгидия и препоясуеться, собираясь в некий путь. И когда он уже пытался выйти за ворота, служительницы Христовы Бертрада и Вендельмут вместе с прочими сестрами с великим плачем тянули его назад за подол одеяния и ни в коем случае не позволяли ему выйти. Когда же, пробудившись, он пересказал это толмачу Адальберту, тот ответил, что видение сие совершенно ясно; и не предвещает оно ничего иного, кроме того, что невесты Христовы, чьим наставником он был в Бамберге, своими непрестанными молитвами к Богу добились, дабы он не ходил к укранам, где ему угрожала верная смерть, но лучше, оставшись в живых, с радостью возвратился к своим духовным дочерям. Слуга же Божий Ульрих ни за что не соглашался из-за этого отступить от своего благого намерения.

Когда же настало утро, он, принеся честному Оттону чистую исповедь, с радостным усердием взял на себя труд отправиться в сей проповеднический путь во отпущение грехов своих. И вскоре, взойдя на корабль вместе со своими спутниками и неким польским толмачом, мужем благочестивым, он, огражденный благословением человека Божия, пустился в плавание, а все молились о благополучном пути для него.

Поначалу же великая ясность небес и спокойствие моря дивно улыбались ему. Однако когда он отдалился от берега, внезапно сильнейший ветер вздыбил волны, и начала надвигаться нешуточная буря. Не терпя промедления, она подхватила корабль, пригнала его к оставленному берегу и возвратила слугу Христова Ульриха на его прежнее место. Сия же буря, непрерывно бушевавшая над морем семь дней кряду, обратила в ничто всякий помысел об этом путешествии.

---

¹ Речь идет об обширном Щецинском заливе, который для путешественников того времени казался подобным морю.

² Западнославянское племя, обитавшее в бассейне реки Укер (нем. *Uecker*), к западу от течения Одры.

³ По преданию, ап. Петр из Рима рассылал своих учеников (таких как св. Марциал, св. Аполлинарий и др.) на проповедь в Галлию и другие отдаленные, "варварские" земли, навстречу неминуемым опасностям.

15.

Апостол же поморян, благоразумно усмотрев в этом волю Божию и рассудив, что украинцы недостойны слова спасения, направил свой путь к щецинцам, кои, как мы сказали выше, отпали от веры; и это несмотря на то, что многие верные Христовы и его приближенные пытались отговорить его от этого намерения. Ибо идольские жрецы единодушно подстрекали отпавший народ убить его. Но сам он, пламенея жаждою мученичества и видя, что никто из его спутников не осмеливается взяться за сие дело, в один из дней тайно собрал свои архиерейские облачения и, взвалив их себе на плечи, в одиночку двинулся туда. Увидев случайно проходивший мимо корабль, он заплатил за провоз и со всей поспешностью вошел на него.

Ульрих же, по мановению Божию заметив это, тотчас сообщил спутникам. Они быстрым бегом устремились за ним; и первым толмач Адалберт, схватив епископа, противящегося и упирающегося, силой заставил вернуться в дом. Глубоко вздыхая и горько сокрушаясь, что был пойман, честной Оттон в конце концов всё же удостоился получить нескольких своих людей в спутники для этого опасного пути; ибо они, видя его чрезмерный пыл, сочли за грех отговаривать его или бросать без сопровождения. Итак, они взошли на корабль, а когда приблизились к городу Щецину, дозорные, узнав и разглядев их, с превеликим шумом стали кричать гражданам, что прибыл давний наставник заблуждения и что надлежало бы выйти ему навстречу с мечами и дубинами и — дабы отомстить за оскорбление богов — подвергнуть его жестокой расправе.

Когда слуга Божий через толмача узнал об этом, он, неустрашимый и вооруженный пылом веры, воздвиг знамя креста, облачился в архиерейские одеяния и решил выйти им навстречу. Но сперва, войдя в церковь князя апостолов, которую сам выстроил перед воротами сего города, святитель, как должно, предстал на служении Христовом, с минуты

на минуту ожидая нападения варваров и своей мученической во Христе кончины. Они же, спустя немного времени с шумным грохотом вырвавшись из ворот и увидев слуг Христовых, воспевающих божественные хвалы, долго и много колебались, обсуждая между собой, как поступить. Наконец, по мановению Божью объятые страхом, они в смятении возвратились тем же путем, каким и пришли. В тот день, а также в последовавшую за ним субботу, святитель вместе со своими спутниками непрестанно предавался в этой церкви богомыслию, с жаждою ожидая часа своего мученичества.

Когда же занялась заря воскресного дня, рано утром, по торжественном завершении мессы, слуга Божий Оттон, увенчанный архиерейской митрой, велел нести перед собой знамение креста, вышел к толпе, дабы возвестить Евангелие; при этом он взял с собою Ульриха, облаченного в далматику для служения в чине диакона, Адальберта в чине субдиакона и прочих соратников на ниве Слова Божия. Были же там огромные пирамиды, высоко выстроенные по языческому обычаю. И вот, когда народ собрался, благочестивый проповедник вместе со своими спутниками взошел на одну из этих пирамид и через своего толмача Адальберта начал возвещать заблуждающимся путь истины, грозя им вечной погибелью, если они не обратятся от сего отступничества.

16.

Пока он так проповедовал, внезапно прибежал запыхавшийся идольский жрец и, в обильном поту, протиснувшись сквозь густую толпу, ударил по пирамиде и громогласным криком повелел рабу Божию замолчать. Ибо сей жрец вместе со своими приспешниками еще прошлой ночью сговорился убить епископа на самом рассвете воскресного дня; однако по устроению Божью, отягощенный беспробудным сном, он не смог осуществить своего умысла. А когда, пробудившись лишь во втором часу дня, он услышал, что человек Божий уже проповедует среди собравшегося на рынке народа, то, взбешенный, прибежал туда и повелел ему умолкнуть. Но слуга Господень непоколебимо продолжал начатое.

Жрец же, заглушая своим громогласным криком слабый голос толмача Адальберта, с великой властью приказал варварам не медля пронзить проповедника Христова копьями, которые те постоянно носили при себе по древнему обычаю римских квиристов. Они, повинувшись его приказам, уже высоко занесли десницы, чтобы метнуть в него свои копья, но тут же силой Божественного всемогущества окаменели, так что не могли ни опустить оружия, ни открыть уст; так и стояли, неподвижно воздев ввысь десницы, словно увязшие в воздухе. Злосчастный идольский жрец, увидев это, воспылал гневом и принялся обвинять их в трусости; вырвал из рук одного из них копье и попытался сам пронзить слугу Христова. Но тотчас же и он сам оцепенел; а затем, гонимый стыдом, обратился в бегство.

Когда же он удалился, честной Оттон, сотворив крестное знамение, призвал на народ благословение; и тотчас они, разрешившись от невидимых уз, опустили десницы вместе со своим оружием. После чего святитель Господень, воздав Богу благодарение за столь явное чудо, с упованием вступил в город. Увидев же, что церковь блаженного Адальберта наполовину разрушена, он горько заплакал и, преклонив колена вместе со своими спутниками, долгое время предавался молитве.

Тем временем варвары, собравшись с мечами и дубинами, обступили врата церкви, с криками требуя предать слуг Божиих смерти; однако вскоре, объятые трепетом пред некоей божественной силой, они обратились в бегство. Тогда предводитель Вышак, не так давно избавленный честным Оттоном из датского плена, прибыл туда вместе с

прочими приближенными епископа; он стал всемерно умолять святителя удалиться из города, прежде чем тот, пав жертвой вероломства идольских жрецов, подвергнется смерти. Но блаженнейший предстоятель ответил отказом, молвив: «Ибо ради сего я и пришел» (ср. Ин. 12:27).

Итак, через четырнадцать дней было назначено всеобщее вече, на котором жрецам и народу надлежало принять окончательное решение: либо принять иго Христово, либо отвергнуть его напрочь. И вот, в установленный день святитель Господень взошел на гору Триглава посреди города, где находился княжеский двор, и вошел в большой дом, подходящий для такого собрания. Туда же явились знатные люди вместе со жрецами и старейшинами. Когда же установилось молчание, человек Божий сказал так: «Давно назначенный день нашей встречи уже настал; и я, алчущий вашего спасения, желаю услышать из уст ваших, кому вы решили служить: Господу ли моему Иисусу Христу, Который есть истинный Свет, или же князю тьмы — диаволу?»

В ответ один из жрецов промолвил: «Не следовало так надолго откладывать это вече; ибо как прежде, так и ныне, и вовеки мы твердо решили почитать богов наших отцов. А посему оставь свои напрасные труды: слово твое не вмещается в нас» (ср. Ин. 8:37).

Услышав сие, человек Божий молвил: «Вижу я, что сатана ослепил ваш разум, дабы не могли вы узреть истинного света (ср. 2 Кор. 4:4). Невиновен я в крови всех вас (ср. Мф. 27:24; Деян. 20:26); ибо не уклонялся я от того, дабы возвещать вам слово Божие благовременно и неблагоприятно (ср. 2 Тим. 4:2). Но коль скоро вы отвергли иго Господа моего Иисуса Христа, отныне я предаю вас во власть сатаны, коего вы сами избрали, дабы, преданные вместе с ним вечной гибели, вы унаследовали ту долю, где червь их не умирает и огонь не угасает» (Мк. 9:44).

И тотчас, поднявшись со своего места, он берется за духовное оружие: возлагает на шею столу, дабы связать их узами анафемы. Увидев сие, знатные люди, объятые спасительным страхом, припадают к его стопам. Смиренно молят они, дабы он отложил сей обвинительный приговор и дозволил им еще раз провести кратчайший совет. Всечестной святитель тут же внял их мольбам; и, сняв столу, вновь воссел на свое место.

Итак, предводители, оставив жрецов в доме и выйдя вон, по отвержении скверны идолопоклонства единодушно приняли веру Христову. И первым Вышак, благороднейший из них, подойдя к слуге Божию, держал от имени всех такую речь: «Я, досточтимый отче, вместе со знатью, правящей сим местом, по вдохновению Божию пришел к единому решению: святотатственных сих жрецов, зачинщиков всех зол, мы изгоним прочь из наших пределов, а за тобою как за вождем и наставником на пути к вечному спасению с искренней готовностью последуем».

И, обернувшись к тому жрецу, который выступал прежде, он молвил: «О, жалкий и ничтожный! Какую пользу принесли мне твои боги тогда, когда я, закованный в цепи в теснейшей темнице, с минуты на минуту ожидал смертного приговора, а товарищи мои уже были жестоко удушены? И где же были они там, где я воочию узрел, как владыка и отец мой Оттон разрешает меня от уз и возвращает к долгожданной свободе? Разве не лучше для меня служить живому Богу и истинному моему Избавителю, нежели безжизненным и бесчувственным деревяшкам и камням? А потому ступай со своими приспешниками куда пожелаешь; и берегись впредь появляться в наших пределах. Ибо отныне, когда правит нами Господь наш Иисус Христос, нет места в сих землях ни тебе, ни твоим идолам!» Услышав это, все идольские жрецы немедля поднялись и спаслись стремительным бегством, так что ни один из них впредь там не появлялся. Святитель же

Господень, воздав за сие глубочайшее благодарение Богу, вместе со своими спутниками тотчас приступил к разрушению идольских капищ.

17.

Затем он очистил тех, кто отпал от веры, благословением священной купели¹ и возложением рук, а затем силой молитвы и знаменем животворящего креста с радостью воссоединил с Вселенскою матерью (Церковью); прочим же преподал благодать крещения и таинства веры. Но как написано: «Ищущие Господа не терпят нужды ни в каком благе» (Пс. 33:11), так и Господь изволил явить свойственную Себе щедрую благодать проповеднику истины, трудящемуся в деле Божиим. Ибо щецинские рыбаки осеннею порой, когда как раз и закладывались сии начатки христианского воинствования, отправившись на реку Одру, поймали двух ромбонов² необычайной величины, встретить которых в здешних водах можно лишь весеннею порой.

Пораженные сим небывалым уловом, что был устроен свыше для новых проповедников, рыбаки принялись обсуждать это между собой. Вскоре, выйдя навстречу своему апостолу с этим радостным подношением, они говорили, что отроду в здешних краях не видывали ромбонов в осеннюю пору, но воистину, то небесное чудо, коим Господь к его прибытию ниспослал столь обильное благословение. Были же те ромбоны столь громадны и длинны, что с избытком питали слугу Божия и всю его свиту в течение четырнадцати дней, а то, что оставалось от сего изобилия, честь по чести разделили даже с несколькими знатными людьми. Видя всё это, народ больше и больше укреплялся в вере, дивясь тому, сколь великая благодать почиет на их апостоле, принося ему обильное преуспеяние как в духовном, так и земном.

---

¹ Т. е. окроплением святой водой в знак обновления крещальных обетов

² От классического латинского *rhombus* (плоская рыба, предположительно тюрбо). В средневековых источниках, описывающих устья крупных балтийских рек, под этой «рыбой необычайной величины» ряд исследователей усматривает балтийского осетра (*Acipenser sturio*), который в ту эпоху достигал исполинских размеров. В пользу этого говорит и замечание Эбона о том, что такие рыбы обычно появляются лишь весной — это согласуется с анадромным поведением осетра, поднимающегося в реки в весенний сезон. Эбон, таким образом, использует латинское название плоской рыбы, описывая при этом повадки рыбы проходной. Поимка же этих гигантов поздней осенью воспринимается им как явное чудо, совершённое Богом для пропитания Своего святителя.

18.

Было же там некое святилище, находившееся в изрядном отдалении, и разрушить его он направил благочестивого иерея Ульриха, самого верного и близкого себе человека. Однако те немногие приверженцы идолов, что там еще оставались, завидев со стены, что он направляется туда, злоумышляли проломить ему голову градом камней и поленьев. Он же, хранимый защитой Божией, избег их невредимо и, возвратившись к честному отцу Оттону, поведал об их кознях.

Человек Господень, тотчас воздвигнув знамение креста и увенчавшись святительской митрой, без колебаний сам вверх себя в сию опасность. Варвары же, не в силах вынести его присутствия, рассеявшись кто куда, скрылись в убежищах.

Итак, когда, разрушив святилище, человек Божий возвращался обратно, он обнаружил исполинское ореховое дерево, посвященное идолу, а из-под его корней бил родник. Оттон тотчас же повелел своим людям срубить его, однако подошли щецинцы и стали слезно умолять не рубить дерево, ссылаясь на то, что бедный страж этого дерева убогую свою жизнь поддерживает его плодами. При этом они клятвенно заверяли, что всеобщим указом навсегда запретят жертвоприношения, что совершались там бесам. Всечестной наставник, вняв справедливым доводам, охотно согласился на их прошение.

Пока же они вели между собой сию беседу, внезапно подбежал тот самый варвар — страж дерева. Тайно подкравшись к рабу Божию со спины, он с великой силой попытался разрубить ему святую главу францискской¹. Однако по мановению Божию удар не достиг цели: злодей с такой силой вонзил свой топор в крепкий дощатый настил моста, на котором святой тогда как раз стоял, что не смог быстро его вытащить, и эта заминка задержала убийцу.

19.

Увидев сие, толмач Адальберт, потрясенный величайшим ужасом, проворно вырвал франциску из рук варвара и спрятал; а все остальные, объятые небывалым страхом, набросились на святотатца, грозя предать его смерти. Но милосердие Оттона воспрепятствовало тому, чтобы человекоубийца потерпел какое-либо зло, и умолил он оставить того, хотя и недостойного милости, живым и невредимым.

Адальберт же, залившись слезами и отвесив благоговейный поклон в сторону бамбергской горы святого Михаила, произнес: «Сей удар, вне всякого сомнения, был отвращен от владыки моего епископа божественным заступничеством по молитвам братии монастыря святого Михаила. Ибо сей варвар, наделенный от природы необычайной сноровкой, столь искусен в стрельбе из лука и в боевом метании, что способен без промаха попасть в цель размером с узкое кольцо».

В то самое время у нас², как и всегда, возносились долгие молитвы и прошения за возлюбленного отца Оттона. Ибо он непрестанно пекся о нас пуще прочих, и притом дивным образом — выказывая нежность скорее материнскую, нежели отцовскую. Дошло до того, что однажды, когда он, будучи вызван светлейшим королем Лотарем на гофтаг, тяжело заболел в городе Магдебурге, то призвал нашего аббата Германа блаженной памяти (через которого тогда же, помимо прочих даров, передал нам триста марок) и горестно воскликнул:

«Какая безмерная скорбь объемлет меня оттого, что в этой болезни я нахожусь столь далеко от сладчайшего места моего упокоения, а именно от горы господина и покровителя моего, блаженного архангела Михаила! Сердцем и душой я так крепко привязан к ней, что, видит Бог, если бы в сей час я оказался там, то не променял бы это благо и на тысячу марок».

Посему, так как любовь требует ответной любви, мы позаботились воздать глубочайшим молитвенным усердием за его особую к нам милость (ибо на голове его, как глаголет Писание, не оскудел елей (ср. Еккл. 9:8), то бишь никогда не иссякала спасительная любовь его). Ибо, не говоря уже о прочих, наш старец Элленгард — муж, исполненный всяческого благоразумия и благочестия, достолюбезный несравненно умирительным своим сокрушением и смирением, имевший обыкновение предварять молитвой ночные бдения братии, — не переставал слезными рыданиями взывать к благостному слуху

Божественного милосердия о спасении честного Оттона до тех пор, пока не удостоился получить небесное откровение о его долгожданном возвращении.

Ибо когда он в ночную пору по своему обыкновению, стоя в темноте на ступенях часовни святых дев³, усердно возносил преискренние молитвы за возлюбленного отца, внезапно на том месте воссиял яркий свет, и он услышал голос, говорящий ему: «Услышаны мольбы твои о честном Оттоне, ты встретишь его невредимым».

Впрочем, сделав по необходимости сие краткое отступление, вернемся теперь к ходу нашего повествования.

---

¹ *Боевой топор. Изначально оружие германского племени франков, но в средневековой латыни термин часто обозначал любой подобный топор. Скорее всего, язычник метнул его, промахнулся, а оружие застряло в древесине.*

² *В монастыре св. арх. Михаила.*

³ *Вероятно, речь идет об одном из боковых алтарей или крипте, посвященной святым девам, в Бамбергском аббатстве св. Михаила.*

20.

Итак, утвердив щецинцев в вере и учении Господнем, человек Божий вознамерился вернуться в Уznam. Тогда горожане приступили к нему со смиренной мольбой, дабы он своим заступничеством погасил вражду, что по наущению дьявольскому вспыхнула между ними и князем Вартиславом. На это он молвил: «Сделаю, что вы желаете. Но прошу отправить со мною знатных с вашей стороны посланцев, кои принесут вам вести о примирении, а если князь имеет справедливые причины для недовольства, смогут дать ответ на его упреки». Тотчас же доброму пастырю были приданы щецинские послы, которые вдобавок послужили благому святителю надежной защитой в пути.

Ибо двое верховных идольских жрецов расставили человеку Божью сети смерти (ср. Вулг. Прит. 21:6). Они тайно выслали вперед восемьдесят четыре воина, дабы те, подстергши святителя на обратном пути, перерезали ему горло, а отсеченную голову, насадив на кол, отослали им обратно. Но нет мудрости, нет силы и нет совета вопреки Господу (ср. Притч. 21:30). Ибо честной Оттон под защиту благодати Божией ушел невредимым, а сии неверные сами угодили в сеть и яму, которую вырыли (ср. Пс. 7:16).

Когда же блаженный святитель отбыл, старший из верховных жрецов идольских, созвав своих друзей, в великом ликовании повелел им устроить праздник в честь их богов. Он заявил: «Бог наш, коего пытался истребить сей старый обольститель, явился мне и возвестил, что голова Оттона сегодня же без всяких сомнений будет отсечена и доставлена мне». И едва он произнес эти слова исступленным и хохочущим голосом, как дьявол тотчас свернул ему шею. Голова жреца ужасным и жалким образом вывернулась назад, а мозг, вылетев наружу, с жуткой силой выплеснулся на стену.

Увидев сие, его друзья, придя в крайнее изумление, стали допытываться у него о причине столь необычайной беды. Он же, долго издавая жуткие хрипы, наконец разразился словами: «Из-за того, — молвил он, — что я расставил сети слуге Божью и умыслил совратить вас с пути истины, столь страшно поразил меня Бог». Сказав это, он

испустил дух; и такой смрад наполнил то место, что в часы предсмертных мук жреца того никто не мог там находиться из-за невыносимого зловония. И, как написано: «Когда наказывается нечестивец, мудрее становится мудрый» (ср. Притч. 19:25 и 21:11), так и весь народ, слыша о его бесславной кончине, всё больше и больше утверждался в вере.

Другой же святотатственный жрец даже после этого не раскаялся. Осыпая человека Божия оскорблениями, он заявлял, что его учение в тех краях вскоре будет искоренено. И кого только мог, пытался он совратить с истинного пути; отчего вскоре и сам погиб по суду Божию. Ибо когда по некоему спешному делу он плыл на корабле через море и сошел на берег по телесной нужде, то скрылся в зарослях соседнего леса. И тотчас некоторые из его собственных спутников, по мановению Божию вооружившись ревностью о справедливости, тайно последовали за ним и, схватив его, жестоко повесили в лесной чаще на петле. И так злоба его и злодейство на темя его обратились (ср. Пс. 7:17).

Когда же те восемьдесят четыре воина, коих, как мы сказали выше, тайно выслал вперед тот нечестивый идольский жрец, завидели плывущего человека Божия, они вырвались из засады и громкими криками стали допытываться, куда он держит путь. Отвечая им, щецинские послы в свою очередь спросили, к чему им это знать. Те же, узнав голоса своих сограждан и друзей, остановились и признались, что не ведали об их присутствии здесь.

Они же молвили: «Святитель Господень намеревается разрешить застарелый раздор между нами и князем, а потому мы не потерпим, чтобы на этом пути он претерпел хоть малейшую неприятность. Мало того: смерть готовы за него принять. Посему, если желаете уцелеть, как можно скорее возвращайтесь тем же путем, каким пришли».

21.

Так, по мановению Божию, расстроился нечестивый замысел того святотатственного жреца. А слуга Господень прибыл в город Волин, который не так давно сам приобщил к таинствам правой веры. И пока он укреплял их в Господе как своим учением, так и примером, некая женщина, лишенная зрения, припала к его стопам, настойчиво испрашивая у него благословения и исцеления. Честной Оттон, выслушав ее, молвил шутливо: «Вот рядом церковь святого мученика Адальберта; ступай туда с верою в Бога и святых Его и, ударив в колокол, моли о помощи Христова мученика». Ибо варвары, будучи еще неискушенными в вере, испрашивая в церкви какого-либо исцеления, имели обыкновение звонить в колокол, словно бы побуждая тем самым святых прийти к ним на помощь.

Когда же она, поверив, исполнила это с искренним простодушием, то тотчас прозрела. Подпрыгивая от радости, она возвратилась к слуге Божию, безмерно благодарая за обретенное исцеление. Он же ответил ей: «Не меня благодари, а Бога и святых Его; и не преставай до самого конца твердо держаться веры, каковой научилась». После этого некий воин, у которого был сын-лунатик, привел его к слуге Божию и предложил ему четырех быков в плату, чтобы тот вернул мальчику здоровье. Но святитель, по смирению своему отказавшись от этого, молвил: «Ошибаешься, человек, сие не в моей власти; но ступай в шатер, где покоятся у меня мощи святых, и там с верою принеси Богу и святым Его свои обеты за сына — и тотчас же получишь его здоровым». Тот пошел вместе с мальчиком и сделал всё так, как был научен, а вскоре с благодарностью представил исцеленного сына человеку Божию.

22.

После этого в праздник блаженного Лаврентия случилось так, что некий пресвитер из свиты благочестивого Оттона по имени Бок, проходя мимо, увидел крестьян, жнущих хлеб в поле. Он кротко одернул их, говоря: «Несчастливые, что вы делаете? Сегодня день небесного рождения блаженнейшего мученика Лаврентия, который празднуется всей Церковью с величайшим благоговением; а вы, злосчастные, осмеливаетесь его осквернять!» Они же отвечали: «Не можем мы, — говорят, — всё время праздновать; нужно ведь когда-нибудь и о пропитании для наших семей позаботиться».

Бок же, *воспылав в духе* (ср. Вульг. Деян. 18:25), молвил: «Знаю я, что осквернение сего святейшего торжества не пройдет для вас безнаказанно, но да будет вам ведомо, что всё, незаконно вами сжатое, будет пожрано небесным огнем». Едва он изрек это, как тотчас же, по слову его, огонь Божий упал с неба (Иов. 1:16), охватив их снопы, спалил всё дотла. Они же, осознав свою вину и смиренно прося за нее прощения, с тех пор в великом благоговении почитали преславного Христова мученика Лаврентия, вверяя его защите самих себя и всё свое достояние.

Также в городе, именуемом Камень, некий крестьянин вместе с женой вышел на жатву в праздник Успения Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии. Заметив это, вышеназванный Бок, спутник человека Божия, движимый ревностью о справедливости, упрекнул их, говоря: «Прекратите, несчастные, прекратите! никоим образом не дозволено предаваться этому труду в столь славный праздник святейшей Матери Господа». Был же тогда понедельник. А они ответили: «Вчерашний воскресный день, — говорят, — мы уже провели в праздничном покое; а сегодня мы должны заняться ручным трудом».

Бок же молвил: «И сегодня мы должны с величайшим благоговением праздновать в честь Матери Господа, Чье досточтимое Успение украшает всю Церковь Христову». Но поскольку они не уступали и с упрямством продолжали начатый труд, благочестивый иерей Бок изрек: «Раз вы не верите моим словам, кровь ваша будет на главах ваших (ср. Деян. 18:6). Прямо сейчас вы на деле и со всей очевидностью испытаете возмездие за это преступление».

Едва он окончил сии слова, как вдруг тот самый неверующий крестьянин упал навзничь и испустил дух. Пучок колосьев, схваченный во время жатвы, он с такой силой сжимал в руке даже умирая, что никто и никак не мог ни разжать его ладонь, ни вырвать колосья; и в итоге он всем на диво был похоронен вместе с этой странной ношей. Жена же его, оставшаяся живой заступничеством Богородицы, но с подобной же странной судорогой (пальцы её со стиснутыми в них колосьями намертво намертво прижались к ладони) в трепете прибежала к человеку Божию Оттону и, открыв свою провинность в смиренной исповеди, слезно умоляла о прощении.

Как только же он осенил ее крестным знаменем и отправил к устроенной там часовне святого мученика Адальберта, она исцелилась. И с того времени в тех краях, равно как и повсюду в христианском мире, возросло особое почитание Госпожи нашей Приснодевы.

Вскоре после того некий воин, сойдя с ума, измучил всех безумным криком и жуткими движениями членов. Спутники и соработники человека Божия, не в силах более терпеть его буйство, схватили его и притащили в то место, где слуга Господень имел обыкновение молиться и совершать торжественные мессы. Там был устроен деревянный помост; и когда воин пролежал на нем некоторое время, то внезапно исцелился. Вскочив, он возблагодарил Бога и блаженного святителя, а потом многим послужил ко спасению своим словом и примером жития.

23.

Итак, избранный святитель Божий, направившись вместе со щецинскими послами к поморскому князю, прибыл в город Камень. Там князь Вартислав вместе со всем народом вышел ему навстречу и принял его с должным почтением, словно ангела Божия. Войдя в церковь и вознеся Богу положенные молитвы и песнопения, он приступил к обсуждению дела, ради которого прибыл, и, как добрый пастырь, повсюду пекущийся о своем стаде, он постарался обратить разделенные члены Церкви к вечному миру и единению.

Князь же, вняв словам всечестного апостола своего так, словно они были ниспосланы ему с небес, благосклонно и смиренно ответил: «Твое право, возлюбленный отче, чего бы ты ни соблаговолил, добиваться от меня не просьбами, а скорее приказами. Ведь и мы сами, и всё наше достояние принадлежат тебе; ибо ты родил нас во Христе Иисусе благовествованием (ср. 1 Кор. 4:15) и во тьму нашего неведения излил сияние вечного Солнца. Народ сей, за который ты просишь — жестоковыен: ни Бога, ни людей не уважает. Долгое время он осквернял мое княжество, опустошая его грабежами и разбоями. Но ты, нежнейший пастырь, укротил этих дикарей, соделав из волков агнцев; а посему, при твоём посредничестве, пусть обретут они впредь на радость себе мир нерушимый».

Тотчас же щецинские послы, припав к его стопам, торжественно отреклись от всего, что служило поводом к прежним распрям; и, приняв от князя лобзание мира, воздали блаженному святителю должную благодарность за это примирение. Затем, накупив вдоволь всяких необходимых припасов, на что прежде, в пору раздора ни за что не осмелились бы, с ликованием возвратились домой.

Но поскольку злые всегда преследуют добрых и, как говорит Исаия, удаляющийся от зла подвергается хищению (Вульг. Ис. 59:15), руяне, всё ещё опутанные языческими заблуждениями, услышав об обращении щецинцев, сильно вознегодовали, что те приняли христианский закон и отреклись от идолов без оглядки на них и без их совета, а потому дерзнули пойти на них войной. Собрав огромное войско, они осадили берега реки, выстроили боевые порядки, устрашающе бряцая оружием, и с безумными криками стали допытываться: где же теперь их Бог и сможет ли Он прийти на помощь тем, кто Его призывает?

Они же, неся перед собою знамение Креста Господня, первым же натиском обратили врагов в бегство. Тем не менее, на следующий день, возвратившись, словно псы, руяне снова объявили христианам войну; но, будучи побеждены и посрамлены таким же образом, обратились вспять. Когда же на третий день они потерпели сокрушительное поражение вплоть до полного истребления, то воскликнули: воистину непобедим Бог христианский! И поклялись, что если их пощадят, впредь ни за что не станут действовать столь безрассудно.

И вскоре, отпущенные пощадившими их христианами, они с великим страхом и смятением разбрелись каждый восвояси. Святитель же Господень, стремясь воздать добром за зло, возжелал просветить христианским законом тех самых руян, которые не уstraшились пойти войной на народ, только что обращенный к вере. Но они с твердолобым упрямством через своих послов неоднократно объявляли ему: если сам он или кто-либо из его людей дерзнет вступить в пределы Руяна ради проповеди, то им без промедления отсекут головы и выбросят на растерзание зверям.

Но, как написано: «Праведник смел, как лев, и не изведает страха» (ср. Вульг. Притч. 28:1), так и всечестной отец в порыве духовной ревности намеревался посеять семя веры среди руян, не страшась испытать на себе свирепость сего неверного народа. Ибо сей пламенный христоролюбец уже давно жаждал отдать достолюбезную жизнь за Иисуса, что был ему мил куда более. Однако, прослышав о том, что архиепископ датчан¹, к чьей диоцезии относились руяне, был направлен к ним в качестве проповедника особым указом владыки Апостолика, Оттон рассудил, что сие дело никоим образом не следует начинать без его воли и согласия.

Посему он направил к понтифику датчан верного посланника, Ивана¹ именем, дабы тот тщательно разузнал, намеревается ли он сам, согласно предписанию владыки Апостолика, возвещать руянам слово спасения, или же предпочтет, чтобы Оттон, добровольно предлагающий свои услуги, взялся за сие евангельское дело вместо него. Через него же, по обыкновению своему, ибо был он всегда в высшей степени щедр, он отослал вышеназванному предстоятелю датчан свежий бальзам вместе с драгоценною столою. Иван же, возвратившись с большим опозданием лишь по прошествии целых шести недель, принес ответ от архиепископа, гласивший: он-де намерен на ближайшем синоде обсудить со знатью и старейшинами своей земли, что они решат по этому поводу; и о решении сем он как можно скорее сообщит Оттону через надежное посольство. Вдобавок же оный архиепископ в качестве ответного дара послал нашему блаженному отцу лодочку, доверху наполненную маслом.

---

¹ Вероятнее всего, Ассер, архиепископ Лундский (1104–1137), первый примас Скандинавии.

² *Iwanum.*

24.

Тем временем преславный король Лотарь и прочие вельможи, тяжело перенося столь долгое его отсутствие — ибо обычно он своими советами и благочестивыми деяниями паче всех прочих епископов того времени облагороживал королевство, — своей властью повелели ему как можно скорее возвратиться, одновременно и приказывая, и умоляя; да так, что сам король, питавший к нему самую горячую привязанность, клятвенно грозил забрать церковное достояние в свою собственность, если честной пастырь без промедления не возвеселит желанным возвращением долго вдовствующую невесту свою Бамбергскую церковь, даруя ей утешение. Итак, апостол поморян, не в силах воспротивиться требованиям этих посольств, был вынужден возвратиться на свою кафедру еще до того, как получил ответ от архиепископа датчан.

Итак, посетив всех окрестных верных и утвердив их в вере, он, поручив их Христу, в Которого они уверовали, пустился в путь вместе со спутниками. Когда же, путь преодолев, он прибыл в Польшу, князь Болеслав, издавна хранивший узы дружбы с ним, принял его с должным благоговейным почтением и удержал при себе в Гнезненской митрополии. И с такой жадностью внимал он сладости его медоточивого учения, что даже по прошествии восьми дней лишь с великим трудом дал возлюбленному отцу дозволение отбыть.

Наконец, когда по благоволению Христову тяготы столь долгого странствия остались позади, в навечерие праздника святого апостола Фомы сей новый апостол нашего времени возвеселил долгожданным возвращением свою церковь. Сбежался народ обоого

пола и всякого звания, и встретили его словно ангела Божия (ср. Гал. 4:14). С каким же несказанным ликованием и духовной радостью верные Христовы, для коих он был любящим отцом и нежнейшим кормильцем, приняли своего пастыря после столь долгого его странствования и после приобретения Вышнему Домовладыке нового стада. Для них он словно восстал из мертвых!

О, как мило сердцу было видеть и слышать столь великое множество сего Христова воинства, благолепно пополненное не только канониками, но и монахами: в едином благоговейном порыве, роня слезы, преисполненные духовной радости, вышли они ему навстречу, сладкозвучно воспев: «Господи, восприими меня, дабы пребывать мне с братьями моими, с коими Ты, придя, призвал меня!»¹

И весьма подобающе все духовные сыны честного Оттона, торжеству уже после второго своего апостольства, с ликованием сердец и уст воспевали ему сии сладостнейшие слова апостола Иоанна, коего он с несравненной любовью избрал себе в покровители и ежедневно в сокровенных молитвах вверял ему самого себя и свою кончину.

Ибо сей блаженный, памятуя слово Господне, реченное через пророка: «Я прославлю прославляющих Меня, а бесславящие Меня будут посрамлены» (1 Цар. 2:30), всё то усердие, каковое прочие епископы и вельможи тратили на мирские прибыли и возведение замков да городов, обращал единственно на благоговейное и усерднейшее служение Богу и святым Его. А именно: церкви Христовы и келлии верных он то воздвигал от самого основания, то, если они были построены другими, украшал великолепнейшими дарами, дабы не на песке созидать жилища, коим суждено в одночасье рухнуть, но воздвигать их на твердом камне, дабы пребывали они вовек (ср. Мф. 7:24–27).

---

¹ *Антифон праздника святого апостола Иоанна.*

25.

Славу сего здания, уготованную ему в вечном отечестве, один из братьев наших, благочестивый пресвитер по имени Липпольд, за пять лет до успения сего блаженнейшего отца удостоился по откровению Господню узреть в следующем видении. Обратив очи к востоку, он рассмотрел гору некую высоты чрезвычайной, радующую взор всяческой милотою. Взойти на её прекрасную вершину он не смог, но, стоя внизу, увидел, как великое множество народа обоего пола и всякого возраста с превеликим ликованием влечет на вершину сей горы огромные грузы драгоценных камней и в сладостном созвучии поет некую чудесную песнь, уразуметь которую он не мог (ср. Вульг. Откр. 14:3).

Тогда, приблизившись — хоть и нетвердым шагом, — он окликнул одного из них, мужа благообразного и почтенного сединою, спросив: что это за множество народа и ради чего влекут они те камни на вершину горы? Тот же ответил: «Мы — те, кто приял от честного Оттона преизобильные милостыни и благодеяния. И потому мы строим для него драгоценный дом на самой вершине горы сей». Липпольд же спросил его: «И когда же дом сей будет достроен?»

Тот же ответил: «По прошествии пяти лет, когда дом будет достроен, мы с радостью и ликованием введем его сюда. Ты же берегись, дабы не дерзнул открыть сие кому-либо, доколе не истечет время сего пятилетия». После этих слов видение устранилось. Об этом

мы услышали во время успения блаженнейшего отца нашего из уст того же старца Липпольда; он и сам тогда лежал на одре болезни, пораженный тяжким и долгим недугом, и, вконец изнуренный хворью, в седьмой день перед августовскими идами (7 августа) почил в Господе блаженной кончиною.

Но продолжим прерванное повествование. Честной отец наш Оттон, возвратившись из долгого странствия, по своему обычаю навестил нас, ибо с нами у него было одно сердце и одна душа (ср. Деян. 4:32). И стал он расспрашивать: кто из нас в его отсутствие вступил на путь всей плоти (ср. Нав. 23:14). Ибо он имел обыкновение всегда, когда возвращался из какого-либо путешествия, с отцовской любовью справляться об этом. В ту пору святой памяти Адальберт, раздаватель милостыни, истинный раб Божий и ближайший наперсник епископа как раз отошел ко Христу, Коему неустанно служил душой и телом. Услышав о его кончине, блаженный муж, весь заливаясь слезами, причитал: «Какое несчастье! Не сподобился я почтить торжественным погребением столь блаженную душу, преселившуюся в отечество вечного света».

Ибо оный брат наш Адальберт был столь сильно воспламенен огнем Божественной любви, что, проливая каждодневные и преизобильные потоки слез, всею душою жаждал радостей небесного отечества, а плоть свою подобающим образом изнурял бдениями и постами. Сему рабу Божию было поручено попечение о нищих, и он исполнял его с таким благоговейным смирением, что по примеру монаха Мартирия, о коем повествует блаженный Григорий¹, на собственных плечах носил прокаженных. И как их, так и прочих, пораженных всевозможными недугами, на коих и взглянуть было страшно, своими руками с великой радостью омывал в банях да купелях и выхаживал, умащая мазями. Честной же Оттон, сорадуясь таковому его пылу, щедро снабжал его всем необходимым для пропитания толп обездоленных. Но не довольствуясь лишь этим, во времена голода он и сам лично прислуживал нищим, дабы не только приношением даров, но и потом собственной плоти приносить Богу угодную жертву милостыни (ср. Евр. 13:16).

Когда же из-за великого голода к нему отовсюду стекалось несметное множество людей, находились среди них те, кто был покрепче, и они, насильно вырывая пищу из рук у более слабых, похищали её. Блаженный муж, не в силах выносить их криков и плача, благоразумно пресек это, приказав своим слугам, как только бедняки соберутся, тотчас же отобрать всех, кто посильнее телом, и запереть их всех в трапезной, доколе он сам своими руками не раздаст немощным и слабым подобающую им пищу. Этим последним он велел немедленно уйти и удалиться подальше от того места, дабы они снова не сделались добычей сильных, когда тех выпустят из трапезной. И только тогда, войдя к запертым нищим, он стал щедро раздавать им пропитание, строго-настрога наказав, чтобы впредь они не смели чинить подобное насилие своим братьям.

Так поступал он среди своих. Но и для чужеземных и даже за морем обретающихся бедняков Христовых через верных посланников он являл свою щедрость. Ибо через дражайшего брата нашего Эберхарда, который тогда еще подвизался Христу в чине каноников, он переслал свои дары в Иерусалим; так имел он обыкновение неизменно поступать и со всякими благочестивыми паломниками, посещающими Гроб Господень. Сверх того, во времена голода через брата нашего Свиггера он отправлял огромные суммы денег братии Хирзау и иным отдаленным монастырям, отчего и разносилось повсюду благое Христово благоухание (ср. 2 Кор. 2:15).

_____

26.

Итак, когда поприще здешней жизни в доброй старости было им пройдено, и приблизилось время верному домоправителю (ср. Лк. 12:42) Вышнего хозяина дома (ср. Лк. 12:39) войти в радость Господина своего (ср. Мф. 25:21), честной Отгон был поражен жесточайшим телесным недугом, а именно кровотечением. Случилось сие для того, чтобы, очистившись, словно золото в горниле болезни, он сподобился войти в тот чертог, что не приемлет никакой скверны. Но сам он, памятуя слова Писания: «Кого любит Господь, того наказывает» (Притч. 3:12), и в другом месте слова Самого Господа: «Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю» (Откр. 3:19), воздавал благодарения в немощах своих (ср. Вульг. 2 Кор. 12:9). Возжаждав же увидеть Царя славы в красоте Его (ср. Ис. 33:17), он, ежедневно о том вздыхая, всё усерднее молился, вверив исход свой Богу, а также блаженному Михаилу и святому апостолу Иоанну, коих избрал себе в особые покровители.

Когда сей великий светильник Церкви, слабея от недуга, начал меркнуть, то верных Христовых, кого он во всякое время вскармливал сладчайшею любовью своею и попечением, окутал неопикуемый мрак, повергший их в скорбь и плач. Но честной отец утешал сынов своих, как только мог, и отирал слезы их. И с такой доблестью он принуждал свои истощенные недугом члены служить духу, что, за исключением самого дня своего блаженного успения, так и не слег в постель; напротив, ежедневно восседая в своем кресле, а порой и прохаживаясь с опорой на посох, он неустанно предавался псалмопению и молитвословию; притом, что весьма необычно, даже таинство елеосвящения он принял не лежа, а сидя.

Итак, с наступлением святейшего праздника апостолов Петра и Павла, видя, что день его призвания уже близок, он призывает к себе Эгильберта, декана кафедрального собора (который впоследствии стал его преемником на епископской кафедре). Ему, в присутствии благочестивых аббатов и пресвитеров, он поручил всё свое достояние, молвив: «Сегодня день небесного рождения господина моего, князя апостолов Петра (а равно и Павла). Прошу вас, преподнесите ему всё то имущество, что было даровано мне Богом, дабы он удостоил открыть мне врата Царства Небесного и вместе со своим сотоварищем, учителем язычников Павлом, как можно скорее ввести меня туда. Место же моего упокоения, а именно обитель на горе покровителя моего блаженного архангела Михаила, лелейте, словно сердце мое, и ради утешения души моей всемерно и неусыпно пекусь о ее благополучии, как духовном, так и земном. Ведь вы знаете, какой малой, скудной и лишенной всякого усердия в монашеском благочестии я застал сию обитель, и как, при содействии Божиим, через мое служение она достигла такой вершины духовной жизни, что ныне всеми почитается как зеркало и жемчужина среди всех монастырей сего края. Да дарует же Бог, чтобы она нерушимо сохраняла сие доброе имя до скончания веков, а всем, кто будет хранить ей верность и почтение, пусть воздастся от Бога миром и благословением здесь и в вечности. А в остальном, отцы любезные, вверяю вас вместе со всем моим стадом Верховному Пастырю, Который удостоил поручить вас мне. Да возвратит Он вас мне в целости в покое славы вечной».

И, преподав им благословение не без слез, свидетельствовавших о его глубокой отеческой любви, он отпустил их. Приняв же Напутствие спасительным Таинством, он неусыпно бодрствовал в молитвах, дабы с ликованием отворить стучащему и зовущему Господу (ср. Откр. 3:20).

Итак, в ту ночь, когда совершалось празднество святого апостола Павла, находясь уже на последнем издыхании и почти омертвев плотью, он сердцем и пламенной волей всё внимал божественным славословиям. Когда клирики распевали перед ним утреннюю службу, он, воздев руки и устремив истомленные очи ввысь к Богу, после каждого чтения отвечал, сколько оставалось в голосе силы: «Благодарение Богу». И так честной Оттон в пятницу, в первом часу дня, предав дух Богу, достиг наконец блаженных обителей, где вечно радуется дражайшему Христом.

Той порою

Молва, великого вестница горя¹,

поразила неопишущей печалью не только соседние, но и все отдаленные монастыри, которые он постоянно поддерживал необходимыми для жизни средствами. И не без причины. Ибо показал Господь народу Своему горькое, напоил его вином сокрушения (Ср. Вульг. Пс. 59:5) и опьянил полынью (Ср. Вульг. Плач 3:15), когда забрал у него столь желанного отца. Ведь под его защитой и ради милостынь его мир Церкви столь долгое время благородно процветал, а монашеское житие при нем изо дня в день всё более усовершенствовалось.

В каком же покровителе впредь найдут бедняки Христовы столь надежное утешение? Ведь он по праву мог сказать вместе с апостолом: «Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» (2 Кор. 11:29). Кто приходил к нему печальным, а уходил не в радости? Кто просил у него помощи в своей скорби и не получал её? Посему совершенно заслуженно оплакивала Церковь преставление того, чьей жизни она столь сильно радовалась. Но хотя вера в воскресение и воспрещает плакать, нежная любовь всё же исторгает стон, ибо сколь свята наша радость о его небесной славе, столь же благочестива и скорбь о его преставлении. Посему надлежит простить плачущих и порадоваться с радующимися, ведь благочестиво и радоваться за Оттона, и благочестиво Оттона оплакивать, покуда каждый и себе позволяет скорбеть, и ему долг радости воздает.

Достоцитимые останки его, омытые иноками и умащенные ароматами, пронесли по всем обителям, где воздали ему почести неусыпными бдениями и торжественными мессами. Наконец их доставили на гору святого архангела Михаила, особо чтимого святителем покровителем, и там с подобающим почетом приняли его останки в церкви, которую он отстроил от самого основания в еще большем величии после того, как она рухнула от ветхости.

А на похоронное шествие стеклась туда невероятно огромная толпа народа; весь город устремился навстречу останкам, прибыли все с окрестных нив и весей, а также множество людей из других городов и областей. О, каков же был всеобщий плач! Каковы были стенания монахов и бедняков Христовых, скорбевших особенно безутешно, ибо они так долго покоились в безопасности, словно птенцы под крылами всечестного отца, а ныне осознавали, что остались без достолюбезного кормильца своего и лишились всякой защиты.

И о чем без слезного стога мы и поведать не можем: когда благочестивые иереи вносили священные останки в хоры церкви святого Михаила для погребения, то едва они достигли внутренних врат, прецедор затянул антифон: «Господи, восприими меня»². И внезапно поднялся столь великий плач со всех сторон, что даже сами похоронные

носильщики, потрясенные безудержным рыданием, осели вместе с погребальными дрогами и едва не рухнули на землю.

Затем после торжественной мессы, отслуженной досточтимым Эмбрихоном, епископом Вюрцбургским³, сей предстоятель произнес перед народом умильнейшую проповедь, ибо был он поистине великим громовержцем слова, и применил к личности благочестивого Оттона свидетельство пророка Иереми: «Зеленеющею маслиною, красующеюся прекрасными плодами, именовал тебя Господь» (Иер. 11:16). И сладостью своей медоточивой проповеди он привел всех в такое дивное восхищение, что люди уверовали, будто его устами поистине глагодал Дух Святой. Таким-то образом останки возлюбленного отца были положены в его гробницу перед алтарем блаженного архангела Михаила, а с тех пор и впредь непрестанно верные посещают их с сердечным благоговением.

И дабы преданное стадо не лишилось ни единой частицы останков своего неусыпного пастыря, даже внутренности его, извлеченные во время умащения тела благовониями и помещенные в урну, были погребены посреди капеллы Богоматери и запечатаны круглым камнем. Сделано это было для того, чтобы братия, стекаясь туда днем и ночью для отправления богослужений, всегда имели пред очами память о возлюбленном отце и непрестанными молитвами возносили блаженнейшую его душу в выси небесные.

Святитель же Эмбрихон блаженной памяти, после погребения честного Оттона не переставал с дивной любовью чтить гору святого Михаила. С глубокими вздохами сердечного сокрушения он часто заявлял, что никогда в жизни не видал столь славных похорон, и воистину блажен народ бамбергский, который на деле со всей очевидностью доказал при преставлении своего пастыря, сколь пламенную любовь питал к нему еще при жизни его.

---

¹ Вергилий. Энеида. XI, 139. – Пер. с лат. С. А. Ошерова.

² Этот антифон (основанный на словах Вульг. Пс. 118:116 *Suscipe me secundum eloquium tuum* — «Восприими меня по речению Твоему») исполнялся в бенедиктинском чине погребения, а также в чине монашеского пострига (когда монах "умирал" для мира).

³ Эмбрихон Вюрцбургский (*Ymbrico Wirzeburgensis*; ум. 10/11 ноября 1146, Аквилея) — епископ Вюрцбурга с 1127 года до смерти, происходил из знатного рейнско-франконского рода. В 1118–1127 годах был пробстом Эрфуртского собора, в 1125–1127 годах — канцлером короля Лотаря III. Скончался, возвращаясь с дипломатической миссии в Византию. Оставил ряд латинских сочинений, в том числе «Исповедь» в леонинских гексаметрах.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро:

PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОРРР

**БИБЛИОТЕКА ПЕРЕВОДОВ
КОНСТАНТИНКА ЧАРУХИНА**